

55403

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ВСЕМИРНОГО БАНКА

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

МИКЕЛЕ АЛАЧЕВИЧ

**ВСЬ
МИР**

Public Disclosure Authorized

Public Disclosure Authorized

Public Disclosure Authorized

Public Disclosure Authorized

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
ВСЕМИРНОГО БАНКА

MICHELE ALACEVICH

**The Political Economy
of the World Bank**

The Early Years

A copublication of
Stanford Economics and Finance, an imprint of Stanford University Press,
and The World Bank
Stanford, California

МИКЕЛЕ АЛАЧЕВИЧ

**Политическая экономия
Всемирного банка**

Начальный период

Перевод с английского

Издательство «Весь Мир»
Москва 2012

УДК 330.8:339.732.4
ББК 65.02+65.268
Ал 45

Переводчики:

Когтева О. В., Петренко А. И., Шахмуратова И. Н.

Содержащиеся в настоящем издании решения, интерпретации и суждения не обязательно отражают взгляды исполнительных директоров Всемирного банка или правительств, которые они представляют. Всемирный банк не гарантирует точности сведений, содержащихся в настоящей публикации. Национальные границы, цвета, обозначения и прочая информация, указанная на картах, включенных в настоящее издание, не подразумевают какое-либо суждение со стороны Всемирного банка относительно юридического статуса какой-либо территории либо одобрения или принятия таких границ.

Впервые опубликовано на итальянском языке под названием *Le Origini della Banca Mondiale: Una Deriva Conservatrice* издательством Paravia Bruno Mondadori Editori в 2007 году. Переведено на английский язык и издано издательством Stanford University Press и Всемирным банком как *The Political Economy of the World Bank: The Early Years* в 2009 году. Перевод на русский язык осуществлен Издательством «Весь Мир» по изданию на английском языке и по соглашению со Всемирным банком. Издательство «Весь Мир» несет ответственность за точность перевода. В случае каких-либо расхождений следует руководствоваться языком англоязычного издания.

Отпечатано в России

The Political Economy of the World Bank:
The Early Years
Copyright © 2009 by The International Bank
for Reconstruction and Development/
The World Bank. All rights reserved
Политическая экономика Всемирного банка:
начальный период
© 2012 Международный банк реконструкции
и развития/Всемирный банк

ISBN 978-5-7777-0512-9

Содержание

<i>Предисловие</i>	ix	
<i>Выражение признательности</i>	xiii	
1	ВСЕМИРНЫЙ БАНК И РАЗВИТИЕ	1
	Исторический контекст	1
	Методологическая структура	3
	<i>Pars Destruens</i>	4
	<i>Pars Construens</i>	8
2	МИССИЯ КАРРИ В КОЛУМБИИ, 1949–1953	11
	Значение миссии в Колумбию для перехода от восстановления к развитию	12
	<i>Окончание этапа восстановления</i>	12
	<i>Первоначальные контакты между правительством Колумбии и МБРР</i>	15
	Сотрудничество между Локлином Карри и МБРР	22
	<i>Миссия собирает информацию</i>	22
	<i>Набор сотрудников Миссии</i>	27
	<i>Первая общая обзорная Миссия МБРР. Колумбия, 1949</i>	34
	<i>Доклад Миссии Карри</i>	38

	<i>Комитет по экономическому развитию (1950–1951) и Национальный совет по планированию (1952–1954)</i>	45
	Эволюция отношений между Карри и Всемирным банком	49
	<i>Трения внутри Комитета по экономическому развитию</i>	49
	<i>Трудное начало работы Национального совета по планированию (1952–1953)</i>	51
	<i>Конец дела</i>	60
3	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	62
	Подходы к проблеме развития: сбалансированный или несбалансированный рост	64
	<i>Сбалансированный рост</i>	65
	<i>Несбалансированный рост</i>	68
	Подходы к развитию: программные займы или проектные займы	74
	<i>Программные займы</i>	74
	<i>Проектные займы</i>	75
	Отголоски споров в МБРР о теории развития	76
	<i>Конфликт подходов: программы против проектов</i>	76
	<i>Программа или проект: банк меняет свое мнение</i>	78
	<i>Автобиографические заметки</i>	79
	Конфликт Карри и Хиршмана: денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика	80
	<i>Анализ общей ситуации</i>	80
	<i>Гипотезы</i>	81
	<i>Столкновение</i>	82

Конфликт Карри и Хиршмана: металлургическое производство	83
<i>Анализ, проведенный Миссией Карри</i>	84
<i>Конфликт интересов</i>	87
<i>«Информационный доклад Миссии Комитету» и предложение Флешера</i>	89
<i>Сталь и развитие: причины разногласий</i>	94
Смена альянсов	99
<i>Сходство и различие позиций</i>	99
<i>Социологическая трактовка дискуссий в области экономики развития: Роберт К. Мертон и его принцип «раскаленных углей»</i>	101
4 У ИСТОКОВ КОНСУЛЬТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА	107
План развития города Барранкилья	109
<i>Запрос о финансировании по линии МБРР</i>	109
<i>Почему банк отказал в финансировании?</i>	113
МБРР и займы на жилищное строительство	114
<i>Предложение МОТ и первая реакция МБРР</i>	115
<i>Отказ МБРР от участия</i>	117
Споры внутри Банка: займы с целью смягчения инфляционного воздействия и «социальные» займы	118
<i>Займы с целью смягчения инфляционного воздействия</i>	118
<i>«Социальные» займы</i>	121
Неуклонная приверженность Банка к «непосредственно производительным» займам	124
<i>Привлечение средств на рынке капитала США</i>	125

VIII СОДЕРЖАНИЕ

<i>Финансисты с Уолл-стрит</i>	126
<i>Внешняя экономическая политика США и упадок «Нового курса»</i>	128
<i>Первые успехи банка в сфере развития: препятствия на пути изменений</i>	130
<i>Эпилог: прекращение споров</i>	131
<i>Реорганизация 1952 года</i>	131
<i>Банк при Блэке</i>	139
ВЫВОДЫ	142
<i>Примечания</i>	149
<i>Сокращения</i>	149
<i>Библиография</i>	172

Предисловие

Эта книга рассказывает о первых годах существования Международного банка реконструкции и развития (МБРР), широко известного как Всемирный банк¹. Тогда Банк впервые обратился к вопросу развития, который теперь занимает центральное место в его деятельности. Книга посвящена главным образом тому, как Банк воспринимал свою миссию, и, в частности, тому, как возник его имидж: какие события сформировали его, каково было его культурное и идеологическое наполнение и в каком историческом контексте все это происходило.

Сегодня Всемирный банк применяет всеохватывающий подход к развитию. Изучение практики, предшествовавшей принятию этого подхода в годы, когда считалось, что экономический рост – не только необходимое, но и достаточное условие для развития той или иной страны, может оказаться весьма поучительным. Оно поможет нам понять, почему применение этой концепции развития не увенчалось успехом. Конечно, как справедливо напоминает нам Пол Стритен, даже в 50-е годы XX века «разумным экономистам и плановикам было абсолютно ясно (несмотря на часто встречающиеся сейчас карикатурные описания того, что думали раньше), что рост – не самоцель, а «эксплуатационное испытание» развития» (Streeten et al. 1981, p. 9). Однако на практике понимание этого не оказывало никакого влияния на политику в области развития и не расширяло границы социальных и культурных изменений, присущих процессу развития.

¹ Будет полезно сразу же прояснить вопрос о названии этого финансового учреждения. Название «Всемирный банк» было придумано средствами массовой информации вскоре после создания Банка. На самом деле он называется *Международный банк реконструкции и развития (МБРР)*. После того как к МБРР присоединились первые две аффилированные организации – *Международная финансовая корпорация (МФК)*, учрежденная в 1956 году, и *Международная ассоциация развития (МАР)*, созданная в 1960 году, название «Всемирный банк» стало применяться на официальном уровне, обозначая МБРР и МАР (без МФК). Позже всю группу стали называть Группой организаций Всемирного банка: МБРР плюс МАР, МФК, Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), созданный в 1966 году, и Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МАИГ), организованное в 1988 году. В своей книге я в основном буду пользоваться терминами «Всемирный банк» или просто «Банк», потому что таким было название этого учреждения в изучавшихся мною документах освещаемого периода.

Таким образом, настоящая книга представляет собой вклад в исследование «предыстории» развития, как в экономическом, так и в социальном измерениях. В этом плане изучение первых лет деятельности Всемирного банка создает превосходный контекст для наблюдений по трем причинам. Во-первых, его история демонстрирует четкое разграничение между фазой «роста» и фазой «социальных целей». Во-вторых, намек на голоса оппонентов можно было расслышать уже в первые годы деятельности. И наконец, мандат учреждения был внезапно изменен: с оказания помощи в восстановлении послевоенной Европы на содействие развивающимся странам. Смена мандата стала моментом, определившим складывавшийся профиль Банка; она привела к его пересмотру. Таким образом, здесь имеется чрезвычайно богатый материал для изучения проявлений конфликта между различными подходами к развитию.

Моя цель – помочь пониманию того, каким образом Всемирный банк осуществлял выбор экономической политики в отношении развивающихся стран в то время, когда проблема развития впервые была включена в его повестку дня, а затем, проанализировав бурные дискуссии, происходившие внутри Банка, лучше понять его работу в контексте нарождающейся отрасли знаний – экономики развития.

Говоря о социологии, Роберт К. Мертон выразил мнение, которое можно применить ко всем видам знаний:

«Одним из путей определения альтернативных ориентаций, обязательств и функций, приписываемых социологии, является изучение, хотя бы самое краткое, основных конфликтов и споров, которые столь бурно ведут социологи. Ибо эта полемика, по-видимому, демонстрирует альтернативные пути, по которым могла бы пойти социология в данном обществе, но не пошла, а также те пути, по которым она развивалась. При исследовании некоторых из этих конфликтов я не предлагаю рассматривать достоинства той или иной позиции [...]; я намерен рассматривать их лишь как проявления альтернативных направлений развития в социологии, находящихся под влиянием более общей социальной структуры и социальных процессов, присущих социологии как таковой» (Merton [1961] 1973b, p. 54).

Изучение конфликтов в сфере экономики развития и во Всемирном банке позволяет нам определить ценности и переменные величины, поставленные на карту, выявить доступные возможности выбора, позволявшие наиболее эффективно стимулировать развитие бедных стран, и в конечном итоге проследить, как одно из направлений возоблало над другими, наложив свой отпечаток на Банк. Применительно к Международному банку это

особенно интересно осветить, если учитывать исторические последствия, к которым привели те давние события. Этот первоначальный отпечаток до такой степени ужесточил позицию Банка, что в 60-е годы XX века ему оказалось трудно приспособиться к новой чувствительности к социальным проблемам, которая проявилась в экономике развивающихся стран и в деятельности ООН. Изучение истории первых лет существования Банка помогает нам понять его эволюцию, по крайней мере, до конца 1960-х – начала 1970-х годов. В это время необходимость освободиться от первоначальных штампов заставила Банк провести радикальные преобразования. В сущности, он стал скорее *агентством* по вопросам развития, чем *банком*.

Настоящее исследование основывается на документах из Архивов Группы организаций Всемирного банка и из собрания документов Локлина Б. Карри, которое хранится в Университете Дьюка. Эти ценные архивные материалы были предоставлены в распоряжение исследователей впервые. В первую очередь это относится к документам из архивов Группы организаций Всемирного банка, которые освещают многие аспекты деятельности Банка в конце 1940-х и начале 1950-х годов. Документы из собрания Карри уже рассматривались Роджером Сэндилендсом в нескольких статьях и в книге «Жизнь и политическая экономия Локлина Карри» (Sandilands 1990, 2004; Sandilands and Laidler 2002); более подробный анализ работы Сэндилендса с документами Карри см. в Sandilands 2009. Мне же представилась возможность более глубоко изучить документы Карри, касающиеся его отношений с Банком.

Несколько слов о структуре этой публикации. В первой главе обсуждается историография, положенная в основу книги. Представлены разнообразные литературные источники, в которых анализ переходных или кризисных периодов в истории того или иного института используется для понимания динамики и механизмов его развития. Несколько отраслей знания, в том числе история, социология, экономика и эволюционная биология, применяют методологию, которая сочетает аналитику и глубокое историческое исследование для того, чтобы понять механизмы изменений. В данной книге взят на вооружение этот эклектический подход, цель которого – нарушить «табу на установление связей с *политологами, социологами и другими племенами*» (Leijonhufvud [1973] 1981, p. 350).

Во второй главе описывается период, в ходе которого Банк, сократив свою помощь в восстановлении Европы, занялся развивающимися странами. Первым примером значимой деятельности в развивающейся стране стало направление Банком в 1949 году первой Общей обзорной миссии в Колумбию. Работа в этой стране была очень важным испытанием для Банка, поэтому ее изучение предоставляет нам особенно выгодную позицию, позволяющую взглянуть на действия и заявления Банка в области по-

литики развития. Более того, миссия в Колумбии стала для Банка «боевым крещением», моментом, когда взгляды, сформировавшиеся внутри этого учреждения, оказались лицом к лицу с внешним миром. История внутренних трений, которые возникли в тот период и привели к полному разрыву Банка с главой миссии (экономистом Локлином Карри), особенно важны для понимания эволюции, пройденной учреждением.

В третьей главе рассматриваются трения между Карри и Банком, и, в частности, между Карри и экономистом Альбертом Хиршманом, сменившим его на посту эмиссара Банка в Колумбии. В главе рассматриваются жаркие дебаты в области экономики развития, происходившие в то время, когда эта дисциплина еще только формировалась в качестве самостоятельной области исследований. В главе одновременно анализируются содержание теоретических дебатов и практика проведения этих дебатов как таковых. Изложение этих сюжетов позволяет нам лучше оценить их реальный масштаб, отчасти позволяя провести переоценку их значимости, а отчасти выявляя реальные механизмы конфликта. Один из основателей экономики развития Альберт Хиршман написал книгу «Стратегия экономического развития», основанную на его колумбийском опыте. Эта тема освещается нами с использованием никогда не публиковавшихся архивных документов, которые дают нам возможность по-новому взглянуть на историю экономики развития.

Последняя, четвертая глава вновь посвящена Международному банку и, в частности, инструментам кредитования, созданным Банком для развивающихся стран. Колумбийский опыт снова послужил фоном для развернувшихся глубоких дискуссий внутри Банка на тему о том, что именно следует финансировать и должны ли в определенных ситуациях использоваться «займы с целью смягчения инфляционного воздействия» и «социальные займы». В конечном счете, по причинам, которые объясняются в этой главе, Банк стал проводить жесткую и консервативную линию поведения в качестве закрытого финансового учреждения. Он отказывался осуществлять более четкую и инклюзивную политику, по крайней мере, до второй половины 1960-х годов. Тогда, столкнувшись с растущим разочарованием специалистов в области развития, Банк был вынужден внести изменения в свою работу.

Выражение признательности

Эта работа родилась как докторская диссертация в Миланском университете (Италия). Моя первая и самая глубокая благодарность адресована Паоле Вилло, моему научному руководителю в процессе исследовательской работы. Ее интеллектуальная щедрость и поддержка стимулировали и вдохновляли меня. Эрлин Кравер, Аксель Лейонхуфвуд и Джорджио Фодор дали мне принципиально важные советы на этапе составления плана работы. Роджер Дж. Сэндилендс с прямотой и энтузиазмом многократно делился со мной своими мнениями, литературой и советами. Я сердечно благодарю его за щедрость и дружбу.

Во Всемирном банке Франсуа Бургиньон, бывший главный экономист и старший вице-президент, Жан-Жак Детье, менеджер по исследовательской работе, и Элиза Либератори-Прати, главный архивист, оказывали мне поддержку в работе, способствовали публикации моей книги на английском языке и сделали ценные и вдохновляющие замечания. Я также получил полезные комментарии и поддержку от Бьяджо Боссоне, Барбары Бакингом, Алана Гелба, Элизабет Карри, Марии Ларднер, Бранко Милановича, Труди Хускамп Петерсон и Берты Уилсон. Валентина Кальк оказала мне важнейшую и неоценимую поддержку при проверке перевода с итальянского языка. Я также благодарен Майе Ревзиной за помощь при издании книги на английском языке, а также за ее щедрое и незаменимое содействие в проверке русского перевода, которую я не смог бы выполнить самостоятельно.

Я благодарен также Джейку Абботту, Луису Арджеми, Пьеру Франческо Ассо, Кай Берд, Элизабетте Крочи Анджелини, Аннализе Анджелини, Маттиа Граната, Льюису Гудмену, Джованне Деветаг, Марино ди Марцо вместе с Фульвией и Мариной, Шиле Доу и участникам проведенного в 2005 году в Будапеште семинара «База научно-исследовательских данных о Всемирном банке», Шанде Кинг и Куперу Бетеа, Иво Маэсу, Перри Мерлингу, Донателле Минуто, Андреасу Ортманну, Даниэле Паризи, Сандре Пирт, а кроме того, Дэвиду Леви и участникам организованного в 2008 году Легнего института за сохранение истории экономической мысли, Клаудио Пикоцца, Жаку Полаку, Крису Райту, Паоло Рамаццотти, Джулио Сапелли, Паскуале Лючио Скандиццо, Асунсьон Сент-Клер, Полу Стритену, Клау-

дии Сунна, Фернанде Туоццо, Майклу Уорду, Антье Феттерляйн, Стефано Фьори и Уэнди Харкур. Четверо анонимных рецензентов-экспертов прислали подробные и очень полезные отзывы.

В период поисков первичных материалов для исследования я несколько месяцев работал в отделе редких книг, рукописей и специальных коллекций библиотеки Университета Дьюка в Дареме, штат Северная Каролина, и в архивах Группы организаций Всемирного Банка в Вашингтоне, округ Колумбия. Компетентность и профессионализм их сотрудников выше всех похвал. Особенно я благодарен Элизабет Данн, Лоре Мичем, Элинор Миллз и Джейни Моррис из отдела редких книг Университета Дьюка за их любезность и профессионализм.

Я также благодарен Марго Бет Круппен, редактору отдела приобретений, Марианне Райковой, выпускающему редактору, Джессике Уолш, помощнику редактора издательства Стэнфордского университета, и Барбаре Гудхаус, выпускающему редактору издательства «Вестчестер бук групп». Наконец, выражаю глубочайшую благодарность директору Издательства «Весь Мир» Олегу Зимарину и редактору русского перевода этой книги Алексею Бондаренко.

Все люди, упомянутые мной, внесли вклад в результаты моего исследования, и я в долгу перед каждым из них. Разумеется, ошибки и недостатки, которые имеются в книге, целиком на моей совести.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всемирный банк и развитие

Привилегия ранней молодости – жить не оглядываясь, всегда упиваясь прекрасной надеждой, не знающей усталости и самоуглубления. Закрываешь за собой калитку отрочества – иходишь в зачарованный сад. Самые его тени светятся обетованием.

*Джозеф Конрад. «Теневая черта»**

Некоторые периоды жизни Международного банка реконструкции и развития (МБРР) могут быть особенно полезными для понимания его истории и развития. Естественно, проблемы того, *что* искать и *как* смотреть, представляют собой на практике два тесно взаимосвязанных вопроса, хотя они могут относиться к разным сферам опыта ученого, а именно, к «страсти» и «разуму». *Что* уже кратко рассмотрено в Предисловии. *Как* требует более подробного и детально структурированного описания и является темой данной главы, в которой обсуждается подход, которым я руководствовался при проведении анализа. Сначала я исследую исторический контекст тех событий, которые будут проанализированы в последующих главах. Затем, рассмотрев работы других ученых, которые (позитивно или негативно) оказали формирующее воздействие на мое исследование, я обсуждаю методологию, которую считаю приемлемой для изучения истории многоотраслевого финансового учреждения.

Исторический контекст

МБРР – одно из двух международных учреждений, созданных на Бреттон-Вудской конференции в 1944 году. Его первоначальной целью было оказание помощи в восстановлении разоренных войной европейских стран и развитии более бедных стран-членов. В 1946 году, когда Банк приступил

* Перевод А. Полоцкой. – *Примеч. ред.*

к работе, он очень скоро отложил на неопределенный срок осуществление своей второй цели. В 1947 году Банк предоставил около 500 млн долл. США в виде кредитов с целью субсидирования платежных балансов стран-получателей, для которых жизненно важным являлось наличие иностранной валюты (а именно, американских долларов) для приобретения сырья и оборудования, необходимых для послевоенного восстановления. План Маршалла, о котором было объявлено в том же году и который был введен в действие в 1948 году, частично дублировал деятельность Банка, но при этом имел два важнейших отличия: во-первых, вмешательство было двусторонним, а не многосторонним, а во-вторых, финансовые обязательства (примерно 4 млрд долл. США в год) были значительно больше. Всемирный банк был застигнут врасплох и внезапно столкнулся с фактом, что его полезность в Европе резко снизилась и что ему придется изменить свою миссию. Банк нашел новый смысл своего существования в предоставлении экономического содействия странам, которые тогда называли «отсталыми» или «слаборазвитыми».

До этого времени развитие как предмет исследований практически полностью игнорировалось в научных кругах; мало изучалось экономическое положение зависимых территорий (доминионов и колоний), за исключением тех случаев, когда это было полезно или необходимо для метрополий (Meier and Seers 1984). «Холодная война», политика сдерживания, проводившаяся президентом Трумэнном, и локальные конфликты тесно связывали экономическое развитие этих территорий (и освобождение, которое им обещали обе сверхдержавы – Соединенные Штаты и Советский Союз) с динамикой конфронтации между советским и западным блоками. Гуннар Мюрдаль очень точно прокомментировал эту ситуацию:

«Судьба слаборазвитых стран [стала] предметом внешнеполитической озабоченности в развитых странах. [...] Следует помнить, что сегодня экономические и социальные условия в странах Южной Азии не слишком отличаются от тех, которые существовали там до распада системы колониальной власти. [...] В целом массы в Южной Азии в довоенное время были столь же бедны и их жизнь была такой же бедственной, как и сейчас. Их нищета и страдания, однако, не вызывали у экономистов особого интереса к их положению. [...] Такого рода практическое вмешательство не входило тогда в сферу политически осуществимых действий. И еще менее острым было ощущение неотложности таких действий» (Myrdal 1968, pp. 8–9).

Уолт У. Ростоу, выступая в двойной роли – историка-экономиста и председателя Совета по планированию политики при Государственном департаменте США, – заявил: «Мы должны продемонстрировать, что слаборазвитые страны – которые сейчас являются главным средоточием коммуни-

стических надежд – могут успешно перейти от стадии подготовки условий к твердо укоренившемуся взлету на орбиту демократического мира, противоборствуя уговорам и оболещениям коммунизма. Я считаю, что это самый важный из вопросов, стоящих на повестке дня Запада» (Rostow [1960] 1990, p. 134).

Всемирному банку пришлось учитывать эту новую реальность, чтобы разрабатывать проекты, отвечающие нуждам его новых клиентов. В период с середины 1947 до конца 1948 года поток кредитов, выдаваемых Банком, почти полностью прекратился, и весь персонал сосредоточился на проведении исследований, сборе информации и подготовке выездных миссий.

Банк предпочел передать руководство повседневной деятельностью в руки внутренних управляющих, а не исполнительных директоров. Последние были представителями правительств стран-членов и потенциально могли осуществлять политическое вмешательство. Этот аспект продолжал вызывать споры, поскольку политический вес некоторых исполнительных директоров, прежде всего из Соединенных Штатов, часто играл решающую роль в определении политики Банка. Что же касается финансовой устойчивости, то Банк зарекомендовал себя на рынках капиталов как учреждение, заслуживающее доверия в вопросах управления инвестициями. И наконец, Банк ориентировал свои кредиты на индивидуальные, тщательно разработанные *проекты*. Именно они – а не *программы* в области развития, которые в большей степени носили комплексный характер и, как представлялось, труднее поддавались отслеживанию, – стали для него основным каналом инвестирования.

Методологическая структура

Динамика перехода и роль, которую переходные периоды играют в жизни и эволюции институтов, стали предметом очень интересных аналитических исследований и размышлений ряда социологов, однако в литературе, посвященной истории Банка, редко уделялось внимание переходным периодам, и зачастую не учитывался очень важный аспект всех переходных периодов, а именно их неопределенность. В этой главе я кратко исследую и обсуждаю литературу, являющуюся полезной для нашего исследования. Пользуясь терминологией Фрэнсиса Бэкона, я сначала подвергну критике существующие аналитические работы о деятельности Банка (что будет составлять в моей аргументации *Pars Destruens*, то есть стадию разрушения), а затем изложу подход, который, по моему мнению, является особенно плодотворным для анализа переходных периодов в жизни различных институтов (это будет *Pars Construens*, то есть стадия созидания, в моей аргументации).

PARS DESTRUENS

Причины производившегося Банком выбора политики были частично связаны с трудностями начального периода – например, с мобилизацией капитала в обстановке, которая первоначально была враждебной по отношению к международным институтам¹. С данной точки зрения эти решения кажутся необходимыми и бесспорными и зачастую именно так и преподносятся. При такой интерпретации любой анализ того, каким образом Банк сделал тот или иной выбор, может показаться излишним. Некоторые исторические описания перепрыгивают от этапа «восстановления» сразу к этапу «развития», упуская из виду переходный период между ними². В других изложениях этот переход отражен, но описывается как некая трансформация, в ходе которой, невзирая на трудности, все участвующие стороны пришли к единому мнению о конечной цели, что, в свою очередь, гарантировало успех Банка³. А поскольку Всемирный банк доказал, что является успешной моделью, по крайней мере исходя из собственных критериев производительности (объемов кредитования и уровня доходности), то подобные исторические отчеты выглядят вполне достаточными. Несомненно, на многие вопросы они отвечают удовлетворительно.

Тем не менее это всего лишь реконструкции фактов, составленные задним числом, и они совершенно не обязательно соответствуют действительным событиям. В этом заключается риск таких исследований, в которых история учреждения рассматривается сквозь призму его успехов и используется для доказательства целесообразности решений, принимавшихся менеджерами в начальный период.

Пример такого подхода можно найти во введении к сборнику биографических очерков о президентах Банка от начала его существования до 1990-х годов. Здесь стоит привести длинную цитату:

«С годами характер Банка изменился. В докладе Комиссии II, которой участники Бреттон-Вудской конференции поручили подготовку устава МБРР, был сделан вывод, что МБРР «случайно появился на свет под именем «Банк» [...], в основном из-за того, что в словаре не удалось найти подходящее название для финансового учреждения, не имевшего предшественников». Тем не менее это название, по-видимому, точно определяло поведение Всемирного банка в течение первых пятнадцати лет его существования. Банк приложил немало усилий, чтобы создать себе репутацию стабильного финансового предприятия, и принял на вооружение стандарты, применяемые коммерческими финансовыми учреждениями. Экономическая отсталость рассматривалась как проблема, которую можно решать, опираясь на нормальный процесс финансового посредничества, а именно путем изыскания средств

в более богатых государствах и перевода их в нуждающиеся страны. Как только были осознаны глубина и сложность проблем, стоящих перед развивающимися странами, [...] первоначальная концепция Банка как финансового учреждения, созданного по образцу традиционных инвестиционных банков, уступила место новой концепции института финансирования развития.

Эти изменения ориентации не были ни случайными, ни автоматическими; они были отражением решений, принимавшихся руководителями Банка. Президенты Банка, каждый по-своему, осознавали потребности стран-членов и стремились их удовлетворять. Они побудили Банк определить подходящие способы вмешательства и реагировать на потребности своих членов» (Kraske et al. 1996, p. 4).

При таком подходе получается, что Банк перешел от одной фазы своего существования к другой, подчиняясь процессу прогрессивного накопления информации и опыта и адаптируясь к реальности, с которой Банку пришлось столкнуться во всей ее сложности. Этот механизм действует во многих ситуациях обучения в человеческих обществах. В приведенном анализе содержится несколько неопровержимых истин: президенты и высшее руководство Всемирного банка были главными действующими лицами при осуществлении изменений в экономической политике и принятии решений Банком. Тем не менее как уже говорилось выше, этот подход отчасти дезориентирует исследователя.

Он не учитывает того, что происходящие изменения носят случайный характер. В сущности, президенты и высшее руководство были не единственными членами Банка, высказывавшими свое мнение о том, что и как нужно делать. Конечно, президенты и высшее руководство были очень влиятельными игроками и именно они, в конечном счете, определяли направление работы Банка; но они не отражают во всей полноте столь огромную и сложную организацию, как Всемирный банк. Разумеется, перемены обусловлены тем, как Банк взаимодействует с окружающим миром. Однако это очевидное соображение не означает, что перемены происходят в виде последовательности внешних стимулов и внутренних ответных действий, возглавляемых высшим руководством, как если бы происходила постепенная адаптация. Учреждение, сталкивающееся с окружающим миром, является частью этого мира. Оно подвергается изменениям (или сопротивляется изменениям) в ответ на внешние или внутренние стимулы и под воздействием того, как оно само воспринимает себя, свою миссию и свою историю.

Разумеется, по мере того как в жизни Банка сменялись различные фазы, он должен был позиционировать себя по отношению к этим переменам,

и его высшее руководство играло основополагающую роль в этом позиционировании. Однако то, как развивался этот процесс, какие критерии и приглашения ему способствовали и какими оказывались его последствия – все это зависело от множества переменных величин. Мы не ставим здесь под сомнение «центральность позиции руководства в стратегическом планировании» – одну из основных идей в трудах Альфреда Чандлера и многих других ученых (в том числе Луиса Галамбоса, чья работа о Всемирном банке обсуждается ниже). Вместо этого мы ставим под сомнение ее сравнение с так называемым «управленческим редукционизмом» – понятием, введенным, чтобы объяснить эту центральность. «Редукционизм» обедняет и чрезмерно упрощает анализ (Sapelli 1990, p. 11).

Еще один пример ограниченности вышеупомянутого подхода можно найти в первом крупном труде по истории Международного банка – книге Эдварда Мейсона и Роберта Эшера, опубликованной в 1973 году. В моем исследовании прослеживается дискуссия о выборе экономической политики Банка в 1940-х и 1950-х годах. В последующих главах будет показано, что эта дискуссия предвосхитила многие темы, вновь возникшие в 1960-х и 1970-х годах. Как отмечается в моем исследовании, при использовании вариантов экономической политики в начале 1950-х годов руководство Банка целенаправленно исключало одни формы инвестиций и отдавало предпочтение другим. Мейсон и Эшер предлагают диахроническую последовательность различных подходов к экономическому развитию. Однако эти подходы, действительно являвшиеся диахроническими, нередко предлагались одновременно, и именно по этой причине возникал конфликт. Построения Мейсона и Эшера игнорируют этот конфликт и создают впечатление, что Всемирный банк эволюционировал естественным образом от редукционистского взгляда на развитие (развитие как простой экономической рост) к более сложному и многомерному видению, охватывающему экономический и социальный аспекты, так же как человек проходит путь от детства к юности, а затем к зрелости. Эти два ученых приходят к выводу, что:

« [...] существуют признанные области кредитования на цели развития, которых Банк до настоящего времени избегал. Наиболее ярким примером [...] может служить жилищное строительство, за некоторыми незначительными исключениями [...] Другими примерами являются проекты в области общественных работ, направленные в первую очередь на трудоустройство безработных и частично безработных. Мы упоминаем о них не потому, что хотим, чтобы Банк финансировал любые проекты, а потому, что, с точки зрения развития, некоторые области, которым до настоящего времени не уделялось внимания, могут заслуживать достаточно высокой приоритетности и заменить те сферы, для которых

внешнее финансирование стало менее важным. [...] По мере того как Банк накапливает информацию и опыт и приобретает черты не столько банка, сколько агентства по вопросам развития, его рекомендации становятся все более ценными и полезными, как для правительств стран-заемщиков, так и для других сторон, заинтересованных в оказании помощи этим правительствам.

Таким образом, Всемирный банк, по-видимому, заслужил право играть не *просто* роль, но *ведущую* роль в организации и координации усилий в области международного развития на протяжении 1970-х годов» (Mason and Asher 1973, pp. 721–722).

Эти рассуждения, как и мнение Краске, не являются ошибочными или неправильными. Банк действительно менял свою политику в период 1960–1970-х годов. Более того, он также изменил свою *сущность*, как это справедливо отмечают указанные два автора (стал не столько *банком*, сколько *агентством по вопросам развития*). Тем не менее Банк вошел в 1970-е годы не прямой дорогой последовательного накопления знаний, а в результате жарких столкновений противоположных взглядов на политику развития. Как будет показано в последующих главах, Колумбия служит прекрасным примером для изучения таких столкновений. Несмотря на это, многие страницы книги, которые Мейсон и Эшер посвящают Колумбии (1973, pp. 649–657), основываются исключительно на выводах двух докладов Банка, опубликованных в 1970 году, и полностью игнорируют напряженность, царившую в Банке.

В двух статьях о Всемирном банке, опубликованных в 1995 году Луисом Галамбосом и Дэвидом Майлобски, в которых они прямо ссылаются на Чандлера, содержится очень интересный обзор изменений, происходивших в Банке на протяжении нескольких десятилетий (Galambos and Milobsky 1995a, 1995b). Авторы описывают эволюцию внутренней структуры Банка и две кардинальные реорганизации 1952 и 1972 годов как процесс, аналогичный тем, что происходят в современных крупных корпорациях. В частности, вторая реорганизация Банка приблизила его «к структуре наиболее мощных и самых быстрорастущих организаций в мировой экономике в те годы, то есть к модели децентрализованной мультинациональной корпорации – к так называемой М-форме, или многофилиальной компании» (1995a, p. 158). Как пишут Галамбос и Майлобски, эти структурные изменения осуществлялись на протяжении многих лет различными группами управленцев высшего звена, работавших в Банке. Галамбос и Майлобски дают четкий анализ изменений, происходивших во Всемирном банке, а также стратегий, результатом которых они стали. Конечно, в двух статьях невозможно в полной мере отразить всю сложность механизмов стратегических перемен или неоднократного выдвижения тех

или иных стратегических предложений (которые иногда отражали мнение меньшинства, а иногда – большинства участников внутренних дискуссий).

PARS CONSTRUENS

Изучение институтов занимает центральное место во всех общественных науках, однако существует дихотомическое деление между дедуктивным подходом, аналогичным маржиналистской экономической теории, и подходами, которые в большей степени носят исторический и описательный характер⁴. Главной особенностью исторического подхода является то, что он тщательно анализирует элементы неопределенности и объясняет альтернативы, между которыми в данный исторический момент существовал конфликт. Пути исторических изменений сложны и не поддаются механистическим интерпретациям; перемены не происходят линейным путем.

На конференции, состоявшейся в Риме в 1980 году, Альберт О. Хиршман призвал не забывать рассуждения Клиффорда Гирца о «насыщенной описании» и многократно опороченную *histoire événementielle* – событийную историю (в противоположность истории более фундаментальных структур человеческих обществ). Хиршман использовал пример изучения революции, но фактически он обсуждал метод исследования:

«Подробное рассмотрение процесса революции порождает у нас сильное ощущение – чего не дает структуралистский подход – множественности случаев сослагательного наклонения в истории. [...] В результате историк, настроенный на изучение событий, с меньшей вероятностью [...]»⁵ способен заявить, что при данных структурных условиях результат был предопределен. [Этот] акцент, сделанный на революционном процессе, [...] в итоге позволяет надеяться, что мы вновь обретем несколько степеней свободы, которые могли быть отняты у нас структуралистами» (Hirschman [1980] 1986, pp. 171–172)⁶.

Аналогичное заявление сделал несколькими годами раньше Альфред Д. Чандлер: «[Историк], по моему мнению, больше интересуется реальными альтернативами, стоящими перед людьми, и тем, почему люди выбрали одни альтернативы, а не другие» (Chandler 1970, p. 208).

С этой точки зрения в центре исследования оказываются реальные альтернативы и те возможности выбора, которые из них вытекают. По словам Марка Грановеттера (Granovetter 1990, p. 100), изучение начальных, ранних периодов жизни Всемирного банка позволяет исследователю занять наиболее удобную позицию для определения возможных альтернатив его эволюции. Также и Хиршман особо выделяет моменты трансформации, перехода и изменений. Сходство здесь значительное: для того, чтобы понять меха-

низмы изменений института, нам необходимы материалы наблюдений, основанных на исторических фактах, и чувствительность к альтернативам – к тому, что Хиршман называет «множественностью случаев сослагательного наклонения в истории». Это именно то, что в 1938 году решил сделать Бертольд Брехт, когда писал «Юлия Цезаря»: «Я ни на мгновение не должен позволять себе верить в то, что события *обязательно* должны были пойти таким путем, которым они пошли»⁷.

Как только этот исходный пункт и чувствительность обеспечены, становится возможным реконструировать устойчиво проявляющиеся и исторические причины некоторых недостатков, которые порой бывают присущи институтам на всем протяжении их существования. Другими словами, становится возможным выявить процессы, которые способствовали институциональной «зависимости от пути развития». Концепция «зависимости от пути развития» впервые была сформулирована в применении к технологическим переменам. Наиболее широко известным примером является статья Пола Дэвида о раскладке клавиатуры печатных машинок QWERTY. Изучив историю этой клавиатуры – явно неэффективной, но оказавшейся вполне успешной на рынке, – Дэвид показал существование механизмов самоусиления, которые, благодаря росту доходов в результате внедрения и многократного применения одной и той же технологии без учета ее относительной экономичности, ограничивают (блокируют) развитие, ориентированное на определенный путь роста, тем самым препятствуя выработке более экономичных решений⁸. Однако эта концепция справедлива и в более широком смысле. По словам Дэвида: «Иногда логичность (или алогичность) окружающего нас мира невозможно обнаружить, пока мы не поймем, каким образом он стал таким» (David 1985, p. 332). Здесь подразумевается лишь концепция «блокирования», а в тех случаях, когда речь идет о процессе, протекающем во времени, можно, по-видимому, выявить также и наличие механизма «зависимости от пути развития». Однако было бы ошибкой применять чрезмерно структурированную и детерминистскую интерпретацию концепции зависимости от пути развития. На практике «динамичный процесс сам по себе приобретает *по существу исторический* характер» (David 1985, p. 332, выделено курсивом в оригинале).

Настоящее исследование не фокусируется ни на первом (восстановление), ни на втором (развитие) периоде истории Всемирного банка, а посвящено более неопределенному переходному периоду, когда прежние убеждения были поставлены под вопрос, и Банк готовил себя к новой миссии. Только в свете этого мы можем предложить интерпретацию генезиса политики, направлявшей деятельность Банка в последующие годы. Данная интерпретация является не столько оценкой, сделанной задним числом (*ex post*), сколько признанием напряженных дискуссий, которые происходили

в тот исторический момент. В своей интерпретации я опираюсь на слова тогдашнего руководителя экономического департамента Банка Леонарда Риста, которые объясняют, как в Банке проводились оценки и принимались оперативные решения: «Политика не “формулировалась”. Она формировалась. Она эволюционировала. Она становилась результатом событий. И она менялась от займа к займу [...] формулирование политики производилось крайне редко»⁹.

Изучение внутрибанковских дискуссий и привлечение внимания к конкретным событиям позволяет выявить многие ранее недоступные элементы, способные объяснить последующую эволюцию Всемирного банка. Для понимания истории и развития Банка отвергнутые альтернативы, а также причины, по которым они были отвергнуты, столь же красноречивы, как и те альтернативы, которые были приняты и позднее предложены в качестве объяснения достигнутых успехов.

Я предлагаю трактовку, в которой предпочтение отдается предварительным (*ex ante*) наблюдениям, потому что они воссоздают неопределенность и тяжесть пути и показывают варианты решений, возникавшие в конкретные моменты. Хотя мы можем знать, *что* мы ищем и что делаем, движение в неизвестном направлении означает, что на каждой развилке пути мы бросаем жребий и ощущаем себя в лабиринте. Воссоздавать историю Банка без учета всего этого означало бы чересчур быстро следовать за нитью Ариадны вспять, к начальному моменту жизни учреждения. При такой поспешной реконструкции событий прошлого мы серьезно рискуем упустить из виду те основополагающие моменты, которые стали поворотными пунктами, и не задуматься о происходивших тогда спорах.

По этим причинам первые годы существования Всемирного банка и, в более общем плане, перепутья и периоды изменений лучше всего подходят для подобных исторических реконструкций. Если придерживаться метафоры путешествия, то они больше напоминают поляну, от которой расходится множество тропинок, а не развилку дорог.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Миссия Карри в Колумбии, 1949–1953

Прослеживая эволюцию помощи МБРР странам-членам в разработке программ развития, историк быстро обнаруживает, что все дороги ведут не в Рим, а в Боготу.

*Эдвард Мейсон и Роберт Эшер.
«Всемирный банк после Бреттон-Вудса»*

В 1949–1954 годах, в период, когда Международный банк переходил от своей миссии «восстановления» к «развитию», отношения между Банком и Колумбией были крайне важны для обеих сторон. Для Банка эта латиноамериканская страна была важным партнером, так как Банк хотел установить с ней отношения долгосрочного сотрудничества и делал упор на эти отношения, рассматривая Колумбию как некую «лабораторию» для разработки мер политики более общего характера в отношении развивающихся стран. Со своей стороны, Колумбия хотела наладить прочные отношения с учреждением, которое могло привлечь денежные средства и ресурсы, необходимые для ее развития. Поэтому отношения между Всемирным банком и Колумбией помогают историку выявить более общую динамику деятельности Банка в этот период. Они помогают понять, как Банк конкретно переживал свой переход от восстановления к развитию и как он «выковывал» свою политику.

В первом разделе этой главы представлен общий контекст и определяются понятие перехода и характер первых контактов между Банком и Колумбией. Во втором разделе описывается продолжение этих контактов, особенно в период, когда они активизировались. Раздел, в частности, посвящен прогрессу отношений между Банком и Колумбией; особое внимание уделено «Миссии Карри» в 1949 году и ее истории. В третьем разделе освещается рост напряженности в отношениях между Всемирным банком и Локлином Карри, который всего лишь за два года до этого был нанят Банком на престижную и ответственную должность. В этой напряженности

уже можно заметить признаки той динамики, которая заняла центральное место в процессе выработки экономической политики Международного банка.

Значение миссии в Колумбию для перехода от восстановления к развитию

С началом «холодной войны» и проведения Соединенными Штатами соответствующей внешней политики изменившиеся международные экономический и политический сценарии заставили Банк всего лишь через два года после того как он был создан, внезапно и радикально пересмотреть свою деятельность. В ходе этой внезапной и быстрой смены сценария Банк нашел в лице Колумбии идеального партнера для переориентации своей стратегии. В данном разделе будет проанализировано зарождение этих долгосрочных отношений.

ОКОНЧАНИЕ ЭТАПА ВОССТАНОВЛЕНИЯ

В 1948 году началось осуществление Плана Маршалла. Это была крупнейшая программа прямого действия, предпринятая Соединенными Штатами для поддержки послевоенного восстановления Европы. При бюджете примерно в 4 млрд долл. США в год План Маршалла резко ограничил роль Международного банка в Европе. Банку, сумма кредитов которого на нужды восстановления в Европе по состоянию на конец 1948 года составляла 497 млн долл. США (Kapur, Lewis, and Webb 1997, p. 71), пришлось примириться с новой ситуацией.

Что касается восстановления Европы, то, по данным «Ежегодного доклада» Банка за 1948 год, выдаче крупных займов Банком препятствовали главным образом существовавшие тогда неопределенности. Сначала они касались формы и содержания Программы восстановления Европы, а затем того, как займы Банка могут быть наилучшим образом согласованы с этой программой (IBRD 1948, p. 5).

За год до этого президент Банка Джон Макклой, выступая на встрече с исполнительными директорами, высказал предположение: «Я считаю, что нас переведут совсем на другое поле, причем раньше, чем я думал, – на поле развития»¹. Теперь это стало неизбежным.

Неопределенность, вызванная двусторонними соглашениями Соединенных Штатов со странами Европы, заставила Банк временно приостановить свои операции, за исключением двух небольших займов: Чили (в марте 1948 года на 16 млн долл. США) и Нидерландам (в июле 1948 года

на 12 млн долл. США). При этом Всемирному банку потребовалось углубить свои знания о социальных, политических и экономических условиях, в которых находятся развивающиеся страны. Такие знания почти полностью отсутствовали.

Миссия, направленная Банком в Колумбию в июле–ноябре 1949 года, была самым важным эпизодом на этом этапе². Банк командировал миссии в страны-члены и до 1949 года, однако перед этими миссиями ставились задачи реализации или оценки конкретных проектов, которые Банк финансировал либо намеревался финансировать при помощи предоставляемых им займов. Цель же миссии в Колумбию была более широкой и амбициозной. Как сказано в предисловии к заключительному отчету миссии, ее цель заключалась в том, чтобы разработать «программу развития, направленную на подъем жизненного уровня народа Колумбии» (IBRD 1950a, p. xv). Поэтому и Международный банк, и правительство Колумбии, а также некоторые группы интересов в этой стране (например, промышленники и профессиональные инженеры) были преисполнены оптимизма в отношении результатов миссии. Со своей стороны, Банк был в первую очередь заинтересован в том, чтобы миссия носила первопроходческий характер. Поскольку это была первая миссия со столь масштабным видением – «самая амбициозная [миссия] из всех, что Банк организовал до сих пор», как об этом говорилось во внутрибанковском документе³, – ее успех заложил бы концептуальные основы будущих миссий. Иными словами, она должна была сыграть центральную роль в разработке инструментария анализа и действий, в котором Банк нуждался для выполнения своей новой роли по оказанию помощи развитию, не ограничиваясь конкретным прецедентом Колумбии (IBRD 1949, p. 10; 1950c, p. 23). Это была одна из главных особенностей, которую президент Банка Макклой неизменно подчеркивал, говоря о миссии в Колумбию. В телеграмме кандидату на пост главы миссии он писал: «Это первая всеобъемлющая миссия, которую направляет Банк, и она может сформировать модель того, что, на мой взгляд, станет одним из наиболее важных аспектов деятельности Банка в области развития»⁴. С точки зрения Колумбии, она могла многое получить благодаря приему миссии, которая должна была обследовать общие социально-экономические условия в стране и (пусть неофициально)⁵ сформировать позицию Банка в отношении возможности оказать помощь в финансировании развития страны.

Колумбия уже принимала две непродолжительные миссии Банка, но это были рабочие поездки. Первая была организована для того, чтобы углубить знания Банка о бюджетно-налоговой системе Колумбии; вторая была направлена с целью определить конкретные проекты, возможность кредитования которых Банк мог бы рассмотреть (Mason and Asher 1973, p. 162). Эти

две миссии, так же как и Общая обзорная миссия 1949 года, были командированы в ответ на просьбу колумбийского правительства о финансировании, направленную в Банк в июле 1948 года. Впрочем, обсуждение возможных займов шло уже с 1947 года.

В дополнение к анализу причин, связанных с персонажами и институтами тех лет, нам следовало бы ответить на вопрос, в чем смысл изучения событий этого периода для исследователя. Отчасти причины здесь те же самые, что ощущались уже в то время. Это был переходный период, когда Международный банк строил фундамент нового этапа своей деятельности. Миссия в Колумбии была одним из важнейших событий этого периода. Однако у историка, который наблюдает эти события в перспективе, есть и свои причины заниматься этой темой. Некоторые лица, причастные к колумбийскому проекту и тому, что за ним последовало, были весьма уважаемыми экономистами, которые внесли важный вклад в своей области. Одним из таких ученых был Альберт Хиршман, направленный Банком в Колумбию в 1952 году в качестве консультанта. С другой стороны, Локлин Карри, возглавлявший Общую обзорную миссию, сейчас почти неизвестен. Однако мы должны помнить, что в свое время ситуация была прямо противоположной. Карри был более известен; ранее он занимал руководящую должность в Федеральной резервной системе при Маринере Эклзе и был экономическим советником президента США Франклина Д. Рузвельта. Хотя у Альберта Хиршмана был значительный опыт работы в рамках Плана Маршалла и в Федеральной резервной системе, и он уже опубликовал важную и хорошо встреченную книгу «Национальная мощь и структура внешней торговли», он еще не имел такого престижа и авторитета, как Карри. Ранее Хиршман напечатал несколько статей об экономике Италии, которые, несомненно, были его первым исследованием в области проблем экономического развития⁶. Тем не менее именно опыт работы в Колумбии сформирует его наиболее зрелые представления и поставит его, говоря словами из названия книги Мейера и Сирса (Meier and Seers 1984), в ряд «пионеров развития». С другой стороны, Локлин Карри – вероятно, из-за принятого им решения уехать в Колумбию и остаться там на всю жизнь – сохранил свою репутацию выдающегося экономиста лишь среди тех, кто по профессиональным причинам разделял его научные интересы (включая монетарные проблемы, политическую экономию, экономику развития и городское планирование)⁷. Другими словами, он остался неизвестен за пределами узких профессиональных кругов. Таким образом, колумбийский опыт был и в личном, и в профессиональном отношении важен для них обоих, и этот опыт необходимо изучать, чтобы понять их интеллектуальный путь и достигнутые результаты.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
КОЛУМБИИ И МБРР

Президент Колумбии Мариано Ospina-Перес выступил инициатором первого обращения правительства Колумбии к Банку 28 апреля 1947 года, всего за несколько недель до того, как Макклой встал во главе Банка. Лаконичной телеграммой Ospina-Перес сообщил о прибытии в Вашингтон члена Совета управляющих от Колумбии Эмилио Торо, который обратится с просьбой о предоставлении займа «для срочно необходимого восстановления колумбийской экономики»⁸. Банк немедленно собрал информацию об экономике Колумбии⁹. Спустя три месяца Латиноамериканское отделение определило основные проблемы, которые необходимо изучить: кризис бюджетно-налоговой политики страны, а также внушающее опасения состояние внутренней транспортной инфраструктуры, являющейся предпосылкой для оценки потенциала национального экономического развития. В области производства Банк обратил особое внимание на дефицит торгового баланса, как в сельскохозяйственном секторе, так и в сфере торговли потребительскими товарами и товарами производственного назначения. Было рекомендовано провести «полевое исследование», как только Колумбия подаст официальную просьбу о займе¹⁰.

В документах нет информации о визите Торо. Однако в них содержится свидетельство о второй попытке, предпринятой несколькими месяцами позже колумбийским послом в Вашингтоне. Через него президент Ospina-Перес пригласил Макклоя принять участие в Девятой международной конференции американских государств, которая открывалась в Боготе 30 марта 1948 года¹¹. По этому случаю Уильям Айлиф, только что назначенный на пост директора Банка по вопросам предоставления кредитов¹², впервые высказал Макклою идею о том, чтобы предложить колумбийскому президенту проведение миссии, которая изучит общее состояние страны, а не отдельные проекты: «Мои специалисты по Латинской Америке считают, что Колумбия обладает определенным потенциалом и может представлять для нас некоторый интерес. Мы будем рады возможности послать туда миссию, чтобы провести общее изучение условий. [...] В ходе Вашего пребывания в Боготе Вы могли бы упомянуть, совершенно неофициально (скажем, президенту), о возможности направления нами такой миссии»¹³. Поездка в Колумбию оказалась драматичной: 9 апреля, в период работы конференции, лидер Либеральной партии Колумбии Хорхе Эльесер Гайтан был убит неким Хуаном Роа Сьеррой¹⁴.

Гайтан был очень популярной, харизматической фигурой. Молодой интеллектурал, взгляды которого сформировались в Италии под влиянием радикального социалиста Энрико Ферри, он в 1930-х годах принял участие в создании наиболее значительной группы радикальных левых в Колумбии –

Национального союза революционных левых (Unión Nacional Izquierdista Revolucionaria, UNIR). В 1935 году вступил в Либеральную партию. В эти годы он стал широко известен как радикальный лидер, хотя и занимал ответственные государственные посты: был мэром Боготы в период первого президентского срока Альфонсо Лопеса Пумарехо (1934–1938), министром образования при президенте Эдуардо Сантосе Монтехо (1938–1942) и министром труда во время второго президентского срока Лопеса Пумарехо (1942–1944). После того как на президентских выборах 1946 года победил умеренный консерватор Оспина-Перес, группы правых экстремистов начали серию актов запугивания и агрессивных действий против либералов, представительств политических партий и всех, кто протестовал против этой кампании насилия. В следующем году либералы одержали сокрушительную победу на выборах в парламент. Гайтан возглавил Либеральную партию и отозвал министров-либералов из состава правительства. Одновременно он поддержал всеобщую забастовку, начатую Конфедерацией трудящихся Колумбии (КТК). Конфедерация выступала против правящей олигархии, которая состояла в основном из консерваторов, но включала в себя также представителей Либеральной партии. В качестве следующего шага Гайтан намеревался организовать в дни учредительной конференции Организации американских государств (ОАГ) массовые народные протесты против непрекращающихся при попустительстве или даже поддержке со стороны правительства актов насилия в отношении сторонников левых партий. (Casetta 1991). И вот в этот сложный момент, когда казалось, что Гайтан имеет все шансы выиграть президентские выборы 1950 года, он был убит. Народ немедленно отреагировал на это взрывом яростного восстания в столице Боготе («Боготасо»), которое распространилось на другие города, а затем охватило также и сельские районы¹⁵.

Мало того, что события в столице и по всей стране приняли драматический оборот. Осложнился также и диалог между Банком и правительствами латиноамериканских стран из-за позиции, занятой ими по некоторым вопросам, чувствительным для американской внешней политики. Как говорилось во внутреннем докладе Банка, составленном через несколько дней после начала «Боготасо»:

«Следует иметь в виду, что в любом случае уже до событий 9 апреля конференция шла не очень хорошо; основными камнями преткновения были: а) нежелание некоторых стран принимать на себя обязательства по совместным действиям против инспирированной из-за границы подрывной (т. е. коммунистической) деятельности [...]; б) вопрос о европейских колониях в Западном полушарии, который неизбежно должен был создать значительные затруднения для Соединенных Штатов; и в) вопрос о долгосрочной

финансовой помощи. Ряд латиноамериканских стран не желают ее принимать, если Соединенные Штаты выдвигают в качестве предварительного условия либерализацию каналов для инвестиций частного иностранного капитала. [...] Латиноамериканские страны рассматривают антикоммунистические действия, межправительственное финансирование (через МБРР, Экспортно-импортный банк или Межамериканский банк, который, возможно, будет создан) и режим функционирования иностранного капитала как вопросы, которые должны рассматриваться каждый в отдельности, а не в зависимости один от другого»¹⁶.

В послевоенные годы Соединенные Штаты были особенно чувствительны к вопросам борьбы с коммунизмом и либерализации зарубежных инвестиций, и Международный банк, видимо, прочно придерживался тех же позиций. Подобная смесь коммерческой открытости и политической борьбы против коммунизма была характерной для того времени, и Банк вел себя соответствующим образом. Важно помнить, что советский блок отказался участвовать в Бреттон-Вудских институтах, осудив их как инструменты капиталистического империализма. В результате единственными капиталами, имевшимися в наличии для транснациональных инвестиций, были американские. В тот начальный период руководству Банка приходилось балансировать на тонкой грани между ролью Банка как многосторонней организации и ролью ресурса «межправительственного финансирования», т. е. двустороннего института. Многосторонний характер учреждения теснейшим образом сочетался с тем, что его деятельность было трудно отличить от политики его основных «акционеров», главным образом Соединенных Штатов. На протяжении всей истории Банка отношения между ним и его основными донорами динамично развивались, пройдя ряд этапов, на одних из которых Банк мог быть независимым, в то время как на других ему приходилось приспосабливаться к позициям основных стран-членов.

Несмотря на политический кризис, правительство Колумбии было способно продолжать отношения с Банком. В ходе визита Макклоя в страну была представлена программа развития, основу которой составляли несколько крупных проектов: металлургический комбинат, завод по производству соды, программа строительства шоссейных и железных дорог и план ирригационных работ и развития сельского хозяйства. Руководство Банка не видело серьезных причин затягивать подготовку стратегии кредитования для этой страны. Напротив, «положение в Колумбии в долгосрочной перспективе не более нестабильно, чем во Франции и Италии»¹⁷. Если уж на то пошло, политический кризис создал более серьезные основания для вмешательства. Основной целью намеченного визита колумбийской делегации в Вашингтон было «получение финансовой помощи, сроч-

но необходимой Колумбии из-за экономических потерь, которые понесла эта страна в ходе беспорядков, происшедших в апреле прошлого года»¹⁸. Миссия Банка в Колумбию продолжала оставаться объектом подготовительной работы.

Повод для отправки миссии был создан полуофициальной просьбой колумбийского посла Рестрепо Харамильо от 1 июня 1948 года о предоставлении Банком займа в сумме 60 млн долл. США; 20 июня эта сумма была изменена на 87 млн долл. США¹⁹. Выработке мандата способствовала серия встреч между сотрудниками Банка и колумбийскими представителями. Миссия в составе нескольких человек прибыла в Колумбию 22 июля 1948 года. В ходе своего краткого пребывания она лишь ознакомилась с проектами, которые представлялись наиболее перспективными (железные и шоссейные дороги, реки, порты и сельскохозяйственное оборудование)²⁰. Тем временем в Нью-Йорке Банк вступил в контакт с несколькими американскими компаниями и учреждениями, которые могли бы предоставить информацию из первых рук об экономических условиях в Колумбии или были заинтересованы в осуществлении инвестиций в этой стране²¹. Колумбийские промышленники, объединенные в Национальную ассоциацию промышленников (ANDI), активно готовились получить от банка гарантированные государством кредиты, непосредственно направленные на поддержку их деятельности²².

Документы, с которыми я смог ознакомиться в архивах Международного банка, не охватывают период работы миссии, но сделанные ею выводы прослеживаются в других документах, подготовленных в последующие недели. Положение, в котором оказались члены миссии, прибыв в страну, несколько отличалось от того, каким они его себе представляли перед отъездом. Фактически из ранее отобранных проектов продолжал обсуждаться только один – закупки сельскохозяйственного оборудования. Не представлялось возможным оценить транспортную инфраструктуру (реки, порты, железные и шоссейные дороги), рассмотреть ее состояние или определить необходимые меры по ее совершенствованию. Помимо этого, однако, возникла более фундаментальная проблема: общее состояние национальной экономики. Страна переживала серьезную инфляцию, в основном вызванную тем, что правительство использовало займы в Центральном банке для финансирования бюджетного дефицита. Обменный курс считался нереалистичным, и валюту следовало девальвировать²³. Наконец, торговый баланс был дефицитным два года подряд²⁴. Направленная в Вашингтон правительственная делегация Колумбии, от которой исходила первоначальная просьба о займах, имела мандат на обсуждение этих проблем с Банком и, в первую очередь, с Международным валютным фондом, также направившим свою миссию в Колумбию²⁵.

Общее отсутствие информации об экономическом состоянии страны усугубляло трудности, которые миссия Банка испытывала в Колумбии. Резюме ответов правительства на анкету Международного банка с просьбой о предоставлении некоторых данных по национальной экономике выглядит очень красноречиво: преобладали ответы «нет данных» или «информация отрывочная»²⁶. Отсутствовала информация о землепользовании или капиталовложениях в такие отрасли, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, производство электроэнергии или транспорт. Основные статистические временные ряды, в том числе данные об объемах производства, количестве промышленных предприятий, численности занятых и объеме инвестиций если и имелись, то только за период не больше трех лет. Сведения были весьма приблизительными, даже когда речь шла о самом важном национальном продукте – кофе и о фундаментальных макроэкономических индикаторах, таких как валовой национальный продукт, норма сбережений и темпы инвестиций. Документ, составленный несколько месяцев спустя, свидетельствует о серьезных трудностях при получении информации. Без ответа остались такие фундаментальные вопросы, как средняя заработная плата промышленных рабочих и основные районы кустарного производства. Не было даже исчерпывающего списка названий и адресов основных промышленных предприятий страны²⁷.

В этой ситуации Банк принял стратегию, состоящую из двух частей. Краткосрочная стратегия фокусировалась на ряде конкретных проектов, способствующих стимулированию внутреннего производства и, хотя бы косвенно, облегчающих давление на торговый баланс. Были одобрены планы закупок сельскохозяйственного оборудования, а также строительства нового завода по производству соды и трех небольших электростанций: «Планта де ла Инсула», «Сентраль идроэлектрика дель Рио Анчикайя» и «Хидро-Рио Лебриха»²⁸.

Долгосрочную стратегию предполагалось внедрить только в случае уменьшения инфляционного давления и после того как в результате дополнительных исследований будет собрана новая информация, необходимая для разработки более масштабной программы²⁹. Тем не менее уже были определены некоторые долгосрочные цели: реорганизация кредитной системы, позволяющая облегчить и расширить потоки внутренних инвестиций в деятельность частного сектора; принятие законодательства, четко определяющего роль колумбийского Банка Республики как гаранта займов МБРР частным предприятиям страны³⁰; и наконец, осуществление справедливой и прозрачной политики по отношению к иностранным инвестициям в Колумбии (то есть четкие гарантии, что экспроприаций не будет)³¹.

Подводя итоги, можно сказать, что конец 1948 года стал критически важным моментом: была выработана ясная и жизнеспособная стратегия

на основе проведенного Всемирным банком анализа положения в стране, о которой первоначально Банку и его сотрудникам ничего не было известно, несмотря на то, что она считалась одной из наиболее продвинутых среди развивающихся стран. Двадцать четвертого ноября 1948 года необходимость Общей обзорной миссии была подтверждена важнейшей инстанцией Банка, курировавшей выдачу займов, – Комитетом персонала по кредитованию³². Недели позже миссия была официально утверждена на политическом уровне, и вице-президент Банка Роберт Л. Гарнер направил следующее письмо на имя Эмилио Торо, ставшего исполнительным директором Международного банка:

«Банк будет готов рассмотреть финансирование расходов в иностранной валюте на эти проекты [закупку сельскохозяйственного оборудования и строительство трех электростанций; что касается сооружения завода по производству соды, то оно было отложено до проведения дополнительной оценки] при условии, что Банк в результате проведенной им проверки будет убежден, что они являются технически осуществимыми и экономически надежными. Это обстоятельство, однако, зависит от проведения правительством Колумбии энергичной финансовой политики, направленной на исправление определенных черт колумбийской финансовой ситуации, которые тормозят экономическое развитие страны.

Кроме того, [...] Колумбии будет необходимо принять законодательство, позволяющее колумбийскому правительству гарантировать погашение основной суммы долга, а также оплату процентов и других начислений на любые займы, выделенные Колумбии Международным банком.

Рассмотрение Международным банком вышеупомянутых проектов является частью краткосрочной программы, посредством которой Банк надеется помочь Колумбии в ее экономическом развитии. [...] По мнению Банка, наиболее полезной для этой цели была бы интегрированная всеобъемлющая программа развития. [...] Банк был бы готов сформировать экономическую миссию, готовую провести всеобъемлющее экономическое исследование»³³.

Вскоре после этого еще одна миссия технических экспертов выезжала в Колумбию на непродолжительное время, целиком сосредоточившись на трех уже осуществлявшихся проектах³⁴. Через несколько дней Торо переслал Гарнеру восторженный отзыв колумбийского президента Оспина-Переса³⁵.

В начале 1949 года краткосрочный план действий подвергся дальнейшему, более глубокому рассмотрению, после чего его объем был сокращен. По итогам еще одной краткой технической миссии Банк принял ре-

Рис. 1. Порт Нью-Йорка, сельскохозяйственное оборудование для Колумбии
источник: Co Ln 18, 18 CO 9, World Bank Group Archives.

шение уменьшить число проектов, в отношении которых он осуществлял свое вмешательство, до двух. Ими стали кредит компании «Каха де кредито аграрио» на покупку сельскохозяйственных материалов и электростанция «Ла Инсула Идро Проджект». Кредиты на две другие электростанции и содовый завод Банк отложил. Официальной причиной было отсутствие подробного плана осуществления проекта, однако для персонала Банка самым важным было избежать чрезмерного финансового риска в отношении Колумбии перед приездом Общей обзорной миссии. Дополнительный риск ограничивал бы способность страны освоить новые кредиты к тому времени, когда через несколько месяцев туда прибудет миссия. Колумбия, как и следовало ожидать, была разочарована: она заявила, что более крупные инвестиции принесут больше доходов, которые можно будет использовать для новых, еще более крупных инвестиций в виде финансовых потоков от материнских компаний к дочерним. Несмотря на это, в августе 1949 года был предоставлен первый из двух кредитов, использованный для приобретения сельскохозяйственного материала³⁶ (см. рис. 1, 2, 3 и 4). К тому времени Общая обзорная миссия уже начала свою работу.

Сотрудничество между Локлином Карри и МБРР

МИССИЯ СОБИРАЕТ ИНФОРМАЦИЮ

Когда в конце 1948 года решение о направлении миссии в Колумбию было утверждено, Департамент кредитования и, прежде всего, Экономический департамент начали подготовку предварительного исследования с целью систематического сбора информации о стране. Координатором сбора информации и организатором работы на этом предварительном этапе был Пауль Розенштейн-Родан, работавший в Экономическом департаменте с августа 1947 года³⁷.

Часть этой информации можно было получить в других учреждениях, которые в то время работали или готовились начать работу в Колумбии. Одним из наиболее активных ведомств было Министерство сельского хозяйства США. Оно уже направило миссию в Колумбию для изучения состояния ее сельского хозяйства. Экспортно-импортный банк несколько раз выдавал кредиты Центральному банку Колумбии и банку «Каха де кредито аграрио, индустриаль и минеро», а также, вместе с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), изучал возможность осуществления трех ирригационных проектов. Наконец, Институт межамериканских отношений активно работал в сфере здравоохранения.

Банку удалось найти достаточный объем информации о сельскохозяйственном секторе, потому что ранее этим вопросом занимались другие учреждения. Информации по другим секторам было меньше. Однако даже в материалах по сельскому хозяйству содержались в основном сведения общего характера³⁸.

Господствующее положение на территории Колумбии занимают Анды. Эти горы, протянувшиеся в меридиональном направлении, препятствовали связям между регионами страны: тропическими прибрежными районами, долинами с умеренным климатом, и восточными, тоже тропическими, территориями, разделенными на две зоны – *льянос* на севере и *сельва*, или влажные джунгли, на юге.

Рис. 2. Порт Нью-Йорка, сельскохозяйственное оборудование для Колумбии

источник: Co Ln 18, 18 CO8, World Bank Group Archives.

Рис. 3. Трактор фирмы «Катерпиллер», импортированный на средства, полученные по сельскохозяйственному кредиту 1949 года. Департамент Валье-дель-Каука, Колумбия
источник: Co Ln 18,18 CO4, World Bank Group Archives.

Население Колумбии быстро росло. В 1900 году его численность составляла 3,88 млн чел. По переписи 1938 года оно насчитывало 8,7 млн чел. (IBRD 1950a, р. 5), в 1942 году, по оценкам, превышало 9,5 млн (Casetta 1991), а в 1950 году достигало 11 млн чел. (IBRD 1950a, р. 5). Более 70% населения проживало в сельской местности, в основном в высокогорных долинах на склонах Анд, и такой же процент рабочей силы был занят в сельском хозяйстве. Лишь в четырех городах численность населения превышала 100 тыс. чел.; это были Богота, Медельин, Барранкилья и Кали³⁹. Подавляющее большинство населения жило в ужасающей нищете. В справке Государственного департамента США, датированной 1948 годом, говорилось: «Восемьдесят процентов населения невозможно обложить налогом из-за недостаточного потребления [...]». В Колумбии в прошлом году больше миллиона детей не смогли пойти в школу, потому что не было денег на учителей или школьные здания [...]. Девяносто процентов населения Колумбии никогда не носило обуви»⁴⁰.

Торговля кофе – важнейшая статья экспорта страны (в ряду как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных товаров) – была монополизирована Национальной федерацией производителей кофе, закупавшей всю продукцию индивидуальных фермерских хозяйств. По производству кофе Колумбия занимала второе место в мире после Бразилии. Возделывание и сбыт бананов также были монополизированы корпорацией «Юнайтед фрут», через посредство ее дочерней компании «Магдалена фрут компани»⁴¹, а торговля сахаром и хлопком – двумя другими картелями. Дважды важнейшими экспортными товарами страны были кофе и бананы (см. рис. 5).

Кроме этих двух товаров, почти все остальное сельскохозяйственное производство работало на удовлетворение потребностей внутреннего рынка. Сбыт товаров для внутреннего потребления вообще не был организован. Отсталость сельскохозяйственного сектора сохранялась в основном из-за высокого уровня тарифного протекционизма. Система множественных тарифов могла избирательно препятствовать импорту товаров из-за границы по конкурентным ценам.

Рис. 4. Трактор, импортированный на средства, полученные по сельскохозяйственному кредиту 1949 года. Департамент Валье-дель-Каука, Колумбия
источник: Co Ln 18, 18 CO 6, World Bank Group Archives.

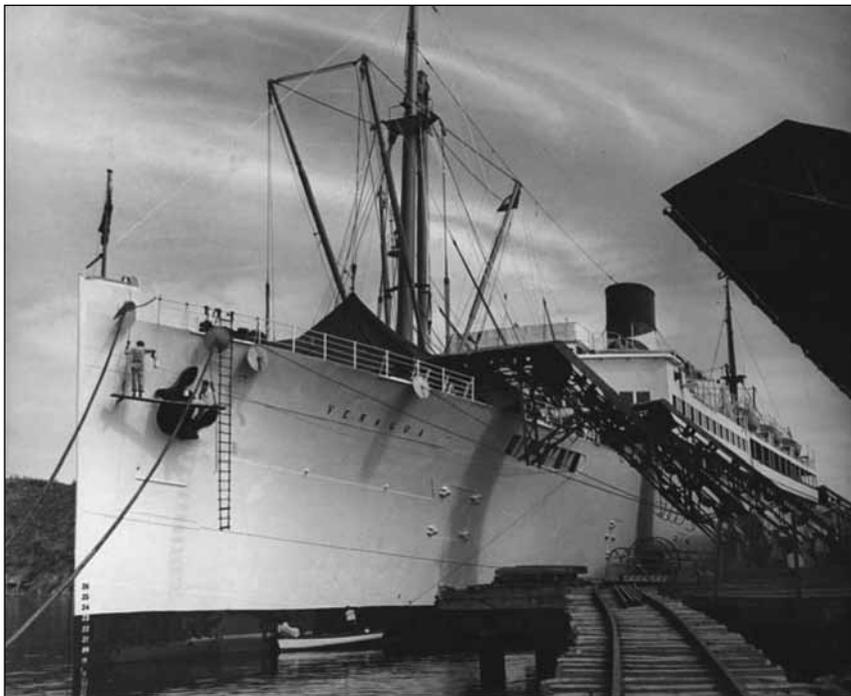

Рис. 5. Банановоз в колумбийском порту Санта-Марта

источник: фото Хэмилтона Райта, 1956 г., Co Ln 68, 68 CO 25, World Bank Group Archives

К числу других важных статей экспорта относилась продукция горнодобывающей промышленности: нефть, золото и платина. Колумбия была крупнейшим производителем золота на латиноамериканском континенте, но тремя важнейшими шахтами (на долю которых приходилось 40% национального производства) владели американская, английская и канадская компании. Однако самым важным продуктом горнодобывающей промышленности являлась нефть. Ее добыча началась в 1921 году, когда компания «Тропикл ойл компани» (филиал «Стандард ойл оф Нью-Джерси») получила тридцатилетнюю концессию. В 1951 году приближение срока окончания концессионного договора и неуверенность в том, что колумбийское правительство его продлит, мешали осуществлению «Тропикл ойл компани» новых инвестиций. Вследствие этого доля Колумбии в мировом производстве нефти в течение некоторого времени снижалась (к концу 1948 года она составляла менее 1%)⁴².

Трудящиеся страны, занятые в основном в натуральном сельском хозяйстве или на крупных плантациях, не имели какой-либо специализированной профессиональной подготовки. С самого начала было очевидно, что неквалифицированная рабочая сила является серьезным препятствием

на пути к модернизации страны. Банк и другие структуры видели пример того, как нужно распространять передовые агрономические методы среди сельского населения, в программах американской государственной корпорации «Управление ресурсами долины Теннесси»⁴³. Что касается финансового положения страны, правительство пыталось выполнить требования Банка о стабильности. Колумбийцы заверили Банк, что бюджет 1949 года разработан в соответствии с рациональными критериями, что переговоры с кредиторами о реструктуризации внешнего долга завершены и что финансовая политика осуществляется по согласованию с Международным валютным фондом, а ее главная цель – снижение инфляции⁴⁴. Удивительно, но в том же документе общее повышение политической стабильности в стране объяснялось как положительные последствия инцидентов «Боготасо»:

«Вплоть до насыщенного событиями дня 9 апреля политическая борьба между историческими партиями – консервативной и либеральной – отличалась такими проявлениями агрессии, насилия и отсутствия взаимопонимания, что обеспечение нормальной работы государственных органов казалось безнадежным делом. [...] Апрельские беспорядки [...] создали совершенно другой, более мягкий климат на политическом поле, сделавший возможным взаимопонимание между партиями и сотрудничество между ними в стремлении к прочному благоденствию Республики»⁴⁵.

Естественно, в этих словах содержались явные преувеличения, поскольку колумбийское правительство хотело успокоить Банк. Фактически, несколько месяцев спустя глава колумбийской миссии следующим образом комментировал политическую ситуацию в стране:

«Политическая ситуация очень напряженная. Обе партии занимают такие позиции, при которых трудно предвидеть мирный и упорядоченный выход из положения. [...] Если доклад канадской миссии экспертов по подготовке к выборам будет опубликован, то ситуация станет еще хуже, чем раньше, так как члены миссии в частной беседе со мной в известной мере признали невозможность установления честной системы перед предстоящими выборами»⁴⁶.

Что же касается хрупкого в то время промышленного сектора страны, то информация о нем почти полностью отсутствовала. Поэтому, чтобы представить здесь более полную картину положения в Колумбии, придется воспользоваться сведениями, которые миссия собрала позже в ходе своей работы в стране, и дополнить их данными, взятыми из работы, появившейся спустя несколько лет (Hirschman and Kalmanoff, 1955)

Промышленный сектор появился в Колумбии только во время Первой мировой войны, когда на мировых рынках стала резко ощущаться нехватка товаров. Как следствие этого, возникло новое поколение диверсифицированных предприятий, присоединившихся к немногочисленным ранее существовавшим компаниям, которые в основном специализировались на производстве пищевых продуктов и пива. Однако наиболее существенный рост последовал в 1930-х годах в ответ на сокращение объемов мировой торговли. Важность этого периода для промышленности Колумбии выразилась в росте производства в некоторых ключевых секторах в период с 1934 по 1938 год: производство цемента выросло на 400%⁴⁷; сахара – на 200%; производство электроэнергии увеличилось на 400%. Хотя промышленное производство диверсифицировалось, оно было по-прежнему сконцентрировано в четырех крупнейших городах: Боготе, Медельине, Кали и Барранкилье, где сосредоточивались 70% промышленного производства и 80% всех инвестиций. Накануне Второй мировой войны к предприятиям пищевой промышленности прибавились нефтеперегонный завод, металлообрабатывающие предприятия, а также фабрики, выпускавшие бутылки, текстильные изделия, обувь и строительные материалы. Через несколько лет были также построены шинные заводы. Эти немногочисленные предприятия национальной промышленности в основном использовали трудоинтенсивные технологии. Самые большие объемы добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности производились предприятиями с низким уровнем капитальных вложений и низкой производительностью: только на долю текстильных фабрик приходилось 18,6%; за ними шли пищевая промышленность (18,1%) и производство пива и безалкогольных напитков (15,8%) (Hirschman and Kalmanoff 1955, Table 5, p.16). Кроме того, страна почти полностью импортировала железнодорожный подвижной состав и колесный транспорт, промышленные машины и сельскохозяйственную технику, оборудование для дорожного строительства, продукцию химической и фармацевтической промышленности, бумагу и бумажные изделия, чугун и сталь (IBRD 1950a, pp. 87–89).

НАБОР СОТРУДНИКОВ МИССИИ

Помимо сбора информации необходимо было провести организационную работу по подготовке миссии. Учитывая новизну и широту цели, требовалось не два–три специалиста, которых обычно направляли в технические миссии, а больше. Кроме того, велись поиски видного и компетентного кандидата на роль главы миссии. В документе Банка от 10 января 1949 года упоминается, по-видимому, первая кандидатура, выбранная руководством Банка, – Джон Уильямс из Федерального резервного банка Нью-Йорка⁴⁸. Это была авторитетная фигура. В начале 1940-х годов Уильямс был видным

участником дискуссий о том, как после войны организовать новые международные финансовые отношения⁴⁹. Уильямс, однако, не принял предложение, и его имя исчезает из документов.

После этого пост был предложен Дугласу Х. Аллену, бывшему президенту «Раббер девелопмент корпорейшн» (американского правительственного агентства, созданного в 1942 году, чтобы обеспечить поставки каучука в Соединенные Штаты), а также Эрлу Б. Швульсту, вице-президенту «Боуэри сейвингс бэнк оф Нью-Йорк». Оба отклонили предложение⁵⁰. Хотя об этих двух кандидатурах нет практически никакой информации, совершенно ясно, что высшее руководство Банка вело поиски на знакомой ему территории, в американских финансовых и предпринимательских кругах. Внимание не ограничивалось Уолл-стритом; следующей кандидатурой стал Лайонел Роббинс, знаменитый экономист из Лондонской школы экономики, который, вероятно, попал в список кандидатов из-за своей роли представителя Соединенного Королевства на переговорах с Соединенными Штатами во время войны, которые привели к Бреттон-Вудской конференции. Роббинс также считал невозможным принять предложение⁵¹. К Локлину Карри, который в конечном счете возглавил миссию, обратились вскоре после этого, и в середине апреля договоренность была достигнута⁵².

Локлин Карри родился в 1902 году в Канаде, в провинции Новая Шотландия. После окончания в 1925 году Лондонской школы экономики он продолжил образование в Соединенных Штатах. Он защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете и получил в нем должность штатного преподавателя экономики (Sweezy 1972, p. 117). В эти годы экономический факультет Гарварда расширялся после кризисного периода, через который он прошел в годы Первой мировой войны (Mason 1982, p. 410). Со второй половины 1920-х годов на факультете работали такие выдающиеся интеллектуалы, как Йозеф Шумпетер, Василий Леонтьев, Готфрид Хаберлер, Самнер Шлихтер. В 1937 году на факультет пришел Алвин Хансен, виднейший представитель американского кейнсианства. Гарвард также послужил учебной лабораторией для молодого поколения, включая Алана Суизи и его младшего брата Пола, Джона Кеннета Гэлбрейта, Пола Сэмюэльсона, Локлина Карри и Гарри Декстера Уайта, будущего архитектора Бреттон-Вудской конференции. Еще до того, как Гарвард стал «главной магистралью проникновения идей Кейнса в Соединенные Штаты», несколько преподавателей факультета, особенно те, что помоложе, самостоятельно приходили к выводам о бюджетно-налоговой политике, аналогичным тем, которые Джон Мейнард Кейнс предложит позже. Дэвид Лейдлер и Роджер Сэндилендс (Laidler and Sandilands 2002a) отметили, что в те годы наиболее чуткие к современной экономической реальности ученые испытывали воздействие самых разнообразных идей. Об этом свидетельствует памятная

записка о мерах экономической политики, направленных на прекращение спада, написанная в январе 1932 года тремя молодыми учеными из Гарварда – Карри, Элсуортом и Уайтом. В этой памятной записке они предложили монетаристский вариант количественной теории денег, гораздо более характерный для Чикагской школы, чем для кейнсианского мышления. Тем не менее этими же авторами предлагались меры экспансионистской налоговой политики, которые в то время были еретическими. В частности, Карри провел углубленное исследование роли, которую предложение денег сыграло в крахе экономики Соединенных Штатов (Currie 1934)⁵³.

В 1930-е годы эта группа молодых ученых перебралась в Вашингтон, где, как вспоминал Гэлбрейт, «были сильны настроения [...] в пользу того, чтобы на ключевых экономических постах находились люди, понимающие кейнсианскую систему и работающие над ее претворением в жизнь. Карри, сидя в Белом доме, неофициально возглавлял работу по подбору таких специалистов» (Galbraith 1971, p. 45)⁵⁴. Перед тем как уехать в Вашингтон, Карри приобрел поддержку со стороны небольшой группы коллег благодаря своему открытому письму президенту США. Выразив несогласие с общей ориентацией экономического факультета Гарварда, довольно критически относившегося к администрации Рузвельта, Карри приветствовал экономическую политику правительства как долгожданное проявление смелости и правильный подход к обширной программе реформ (Sweezy 1972, p. 117). В Вашингтоне открытое письмо Карри было воспринято доброжелательно, но у гарвардского истеблишмента оно вызвало раздражение (Barber 1996, p. 87). Карри с радостью отпустили из Гарварда, когда Джейкоб Винер вызвал его в Вашингтон в 1934 году. Винер вызвал также близкого друга Карри – Гарри Д. Уайта, перед этим перебравшегося в колледж Лоуренс в штате Висконсин. Карри и Уайт создали «Мозговой трест первогодков» для оказания Рузвельту помощи в разработке мероприятий «Нового курса» (Laidler and Sandilands 2002a). Их первым местом работы стало Министерство финансов. Впоследствии Карри вместе с Маринером Эклзом перешел в Федеральную резервную систему, где работал над созданием условий, позволяющих проводить более активную налоговую политику (Barber 1996, p. 88)⁵⁵.

В 1939 году Карри был назначен личным советником президента Рузвельта по вопросам экономики. На этом посту он мог еще последовательнее настаивать на необходимости проведения экспансионистской политики и увеличения государственных расходов, – мер, в поддержку которых он вместе с Эклзом выступал в период работы в Федеральной резервной системе. Карри хотел создать условия для «экономики высокого потребления и низкого сбережения»⁵⁶. Эта цель могла быть достигнута благодаря сочетанию системы высокопрогрессивного налогообложения с политикой перераспределения доходов – в основном в сектора здравоохранения, об-

разования и социального обеспечения. «Гуманитарные и социальные цели “Нового курса”», как таковые, могли прекрасно сочетаться с «рациональной экономикой»⁵⁷. Эти политические альтернативы позже были названы «кейнсианством под соусом карри». (Barber 1996, p. 126). В 1942 году война способствовала усилению политики массивированных государственных инвестиций, которая, согласно планам экономистов-кейнсианцев, входивших в правительство, должна была продолжаться и после войны в виде «всеобъемлющей программы социального обеспечения, а также [...] программ борьбы с загрязнением воздуха и воды, создания общенациональных энергосистем, общественного транспорта в городах и т.д.». Предполагалось, что это будет комплексная программа, которая приведет к созданию 60 млн рабочих мест, как об этом заявил Рузвельт в 1945 году в своем послании Конгрессу о положении в стране⁵⁸. На практике оборонные расходы, этот «кейнсианский» инструмент военного времени, сохранили свою приоритетность после войны, когда конфликт стал «холодным». Эти расходы стали решающим препятствием на пути «либеральных кейнсианских надежд на изобилие, безопасность и прогресс» (Jones 1972, pp. 130–132).

После смерти Рузвельта Карри оставил Белый дом и стал членом правления Совета по итальянско-американским делам, созданного для поддержки итальянского правительства в его усилиях по послевоенному экономическому и политическому восстановлению, а также в его конфронтации с коммунистами⁵⁹.

В 1948 году американская гражданка Элизабет Бентли призналась, что во время войны она занималась шпионажем в пользу Советского Союза. В своих показаниях она заявила, что в течение многих лет, вплоть до 1945 года, экономист Натан Дж. Силвермастер, который работал в Министерстве финансов, Министерстве сельского хозяйства, а также в Комитете военной экономики, руководил организованной им в Вашингтоне группой шпионов. Бентли назвала нескольких человек, которые, как она считала, имели контакты с Силвермастером. Среди наиболее видных фигур были названы Локлин Карри и Гарри Д. Уайт, который был ближайшим помощником министра финансов Генри Дж. Моргентау-младшего и главным архитектором Бреттон-Вудской конференции. В то время Уайт занимал также должность исполнительного директора Международного валютного фонда. Связи Уайта и Карри с Силвермастером были только косвенными, и доказательств против них не было почти никаких, но тем не менее они стали жертвами галлюцинаций Джозефа Маккарти. Чтобы защитить себя от обвинений, Уайт и Карри попросили дать им возможность выступить в Комиссии Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Оба дали показания 13 августа 1948 года. Уайт, которого подверг унижительному допросу распалившийся молодой

Ричард Никсон, дал особенно драматичные и страстные показания. Вернувшись домой, он в тот же вечер заболел и через три дня скончался от сердечного приступа (Sandilands 2000; Boughton 2001). Локлин Карри сумел защитить себя и вернуться к своей работе. Несколькоми месяцами позже вице-президент Банка Роберт Гарнер пригласил его возглавить миссию, направляемую в Колумбию.

Как и в случае с другими лицами, к которым Банк обращался до этого, не ясно, почему выбор пал на Карри. Как мы видели, он был специальным уполномоченным при реализации «Нового курса» и личным экономическим советником Рузвельта. С другой стороны, Роберт Гарнер, считавший себя «демократом из Миссисипи» (Garner 1972, p. 163), рассматривал Рузвельта и «Новый курс» как национальное бедствие:

«[Рузвельт] выступал за сбалансированный бюджет и говорил еще много чего хорошего. Я проголосовал за него. Думаю, что это было разумно, хотя я себе этого никогда не прощу. Пробыв в должности всего несколько месяцев, он начал отрешиваться ото всего, за что выступал в ходе предвыборной кампании. Он стал проводить «Новый курс». Он отказался от золотого стандарта. При нем был колоссальный дефицит [...] его яростные нападки на банкиров и бизнесменов способствовали продолжению депрессии.

Рузвельт был человеком, совершенно лишенным принципов, он был недалекого ума и, по моему мнению, причинил больше вреда нашей стране, чем кто-либо другой за всю ее историю» (Garner 1972, pp. 163–164).

«Новый курс» предоставил Роберту Гарнеру возможность принять активное участие в политической жизни, чтобы помешать инициативам Рузвельта⁶⁰. Несмотря на эту предысторию, точно известно, что Гарнер лично обратился к Карри и, убедившись, что Карри не социалист и не питает какого-либо пристрастия к государственному сектору в ущерб частному предпринимательству, назначил его главой миссии (Currie 1981, p. 54; Garner 1972, p. 289).

Миссия состояла из четырнадцати человек. Интересно рассмотреть ее состав более подробно (IBRD 1950a, pp. xiii–xiv). Помимо Карри, который был нанят со стороны⁶¹, в миссию входили три сотрудника Банка: заместитель Карри Гордон Грейсон; Дэвид Гордон, ответственный за обслуживание и бытовые условия; и экономист Жак Торфс. Главным экономистом миссии был Ричард Масгрейв из Мичиганского университета, которого усиленно рекомендовал Алвин Хансен⁶². Четыре члена миссии были консультантами в следующих областях: шоссейные дороги и водные пути; промышленность, топливо и энергетика (Карл Флешер, сотрудник нью-йоркской ком-

пании «Келлекс корпорейшн»); транспортные перевозки в целом; и железные дороги. Были назначены также два консультанта по сельскому хозяйству и два – по здравоохранению и социальному обеспечению (см. рис. 6).

По предложению Розенштейна-Родана в миссии принял участие сотрудник Международного валютного фонда, которому были поручены вопросы, связанные с платежным балансом⁶³. Этот эксперимент оказался неудачным из-за отсутствия взаимопонимания между Банком и Фондом, поскольку и тот и другой желали, чтобы вопросы, связанные с обменом валюты, входили в их исключительные полномочия. Фонд в особенности возмущало то, что эта тема обсуждается в докладах Банка. Когда окончательный вариант доклада миссии Карри был официально представлен директорам Фонда, «они решительно возражали против того, что Банк занимается проблемами, находящимися в компетенции Фонда»⁶⁴. В течение долгого времени сотрудничество между Фондом и Банком по вопросам денежной политики оставалось болезненной темой. Леонард Рист, директор Экономического департамента Банка, вспоминает:

«Наши друзья в Фонде были несколько раздражены, узнав, что мы изучаем платежный баланс, кредитно-денежную политику, политику Центрального банка и тому подобные вопросы [...] Сначала я было попытался разрешить ситуацию, периодически встречаясь за завтраком с моим коллегой из Фонда. Каждый раз дело заканчивалось тем, что я рассказывал ему, что я делаю, а у него не хватало времени, чтобы рассказать мне, что делает он. Как-то раз он зашел довольно далеко и заявил мне, что, по его мнению, нам в Банке не следует пользоваться термином «платежный баланс». Тем наши совместные завтраки и кончились»⁶⁵.

После столь неровного начала Фонд с неохотой направлял своих сотрудников для участия в последующих миссиях Банка. Он командировал их только в отдельных случаях, «чтобы избежать в будущем возникновение ситуации, при которой миссия Банка могла бы в своем докладе написать о какой-то важной кредитно-денежной проблеме или проблеме обмена, а правление Фонда не имело бы возможности это отредактировать» (Horsefield 1969, p. 342)⁶⁶.

Миссии оказывала поддержку группа из четырнадцати колумбийских консультантов, которые выступали как посредники при решении технических и политических вопросов. Группа состояла из представителей высокого уровня из пяти министерств (гигиены; торговли и промышленности; общественных работ; сельского хозяйства; и образования), Банка Республики и трех правительственных агентств (железнодорожного

Рис. 6. Члены миссии Карри. В первом ряду, слева направо: Раймонд К. Смит, Хуан де Диос Себальос (Институт промышленного развития, Колумбия), Локлин Б. Карри, Хайме Ф. Кордоба (Банк Республики, Колумбия), Хейвуд Р. Фейсон. Второго ряда, слева направо: Фредерик К. Гилл, Роджер Андерсон, Ричард А. Масгрейв, Жак Торфс, Джозеф Уайт, Гордон Грейсон, Хуан Антонио Монтойя, Карл У. Флешер, Уилфорд Е. Джонс. Два члена миссии отсутствуют на фото: Дэвид Л. Гордон и Джозеф У. Маунтин
источник: Colombia Mission 1949, World Bank Group Archives

ведомства, Института питания и Национальной стальной корпорации «Пас дель Рио»).

Предполагалось, что разнообразие компетенции членов миссии даст возможность лучше понять состояние экономики, финансов, промышленности и сельского хозяйства в стране; составить представление об инфраструктуре транспорта и связи, здравоохранении, гигиенических условиях и государственных услугах. Как было сказано в телеграмме, отправленной Макклоем Роббинсу, цель миссии – «составление рекомендаций, касающихся желательного уровня капиталовложений, перспективных областей развития, приоритетности реализации различных мероприятий, проектов, пригодных для финансирования Международным банком, мер, направленных на содействие местным инвестициям, привлечению иностранного частного капитала, экономической стабилизации, осуществлению реформ и др.»⁶⁷

Первая группа членов миссии в сопровождении вице-президента Роберта Гарнера вылетела из Вашингтона 10 июля 1949 года. На следующий день они приземлились в Боготе (см. рис. 7).

ПЕРВАЯ ОБЩАЯ ОБЗОРНАЯ МИССИЯ МБРР. КОЛУМБИЯ, 1949

Работу миссии предполагалось завершить в течение немногим более двух месяцев, но она продолжалась почти четыре – с 10 июля до 5 ноября 1949 года. Члены миссии обладали значительной автономией. Они много ездили по стране, стремясь собрать как можно больше информации. Последние недели были посвящены составлению предварительного варианта отраслевых оценок, на основе которых предстояло подготовить окончательный доклад Банка правительству Колумбии

Локлин Карри координировал работу по проекту. Он тесно сотрудничал с другими членами миссии и вмешивался, когда считал, что его присутствие будет полезным для установления связей с чиновниками местных органов власти, которые должны были снабжать миссию информацией. Разумеется, он поддерживал прямые контакты с правительством Колумбии и Международным банком.

Из документов за период работы миссии в наличии имеются только письма, которыми обменивались Карри и Роберт Гарнер. Поскольку это было время лихорадочной деятельности, переписка выдержана в протокольном стиле, однако Карри очень выразительно описывает трудности, связанные координацией работы множества людей в разных частях страны, проблемы обеспечения связи, инициативность, энтузиазм и слаженность в работе, поездки по проселочным дорогам, отношения с местными чиновниками; словом, миссию как большое приключение. Вот письмо Карри, которое говорит само за себя⁶⁸:

«Вернувшись в Боготу во второй половине дня в пятницу, я обнаружил, что дела находятся в некотором беспорядке. Например, Фейсон и Уайт во вторник отбыли в 20-дневную поездку, не проконсультировавшись со мной о маршруте, а я, если бы меня спросили, внес бы в него определенные изменения. Например, они потратили почти неделю, чтобы спуститься вниз по [долине реки] Магдалены. Еще одну неделю они запланировали на посещение Картахены, Барранкильи и Санта-Марты. Я считаю такие затраты времени довольно расточительными, поэтому я в письменном виде предложил, чтобы они их сократили и больше времени уделили исследованию дорог в Медельине и Кали.

Кроме того, недавно случилась еще одна небольшая буря в стакане воды. Кабальос (Вы его помните) спросил Торфса, готова ли

Рис. 7. Первая группа членов миссии сразу после приземления в Боготе 11 июля 1949 года. Слева направо: Гордон Грейсон, Локлин Карри и Роберт Гарнер, которых встречает глава Национального банка Колумбии Мартин дель Корраль
источник: Sandilands 1990, p. 160.

наша миссия немедленно изучить проблемы связанного обмена. Затем они предложили внести в Конгресс закон, дающий Банку Республики полномочия изменить этот порядок. Речь шла о законе, который, как Вы помните, упоминался при нас с Вами несколько раз. Торфс о нем раньше ничего не слышал и немного разволновался. Он рассказал об этом Андерсону [представителю Международного валютного фонда в миссии] и попытался встретиться с генеральным управляющим Банка, чтобы узнать, не произойдет ли немедленное изменение курса. Аранхо с ним не встретился, но передал ему, чтобы он не кипятился. Тем временем в прошлую среду Андерсон провел весь день за составлением телеграммы в Фонд, информируя их об этой возможности изменения закона и прочее, и прочее. Однако к настоящему моменту все улеглось. После своего возвращения я провел небольшое совещание с Кабальосом и, думаю, теперь он понимает, что ему не следует затрагивать эти вопросы в разговорах с отдельными членами Миссии.

Кроме того, я узнал, что Торфс и Масгрейв посетили министра финансов и довольно долго расспрашивали его. После этого в газетах цитировали их слова, или, скорее, приписываемые им слова

о том, что Колумбии нужен устойчивый бюджет. Но в целом, как мне кажется, за то время, что мы отсутствовали, особого вреда причинено не было, и было сделано довольно много полезного.

Смит на этой неделе уезжает в долину Кауки, а Флешер в начале недели отбывает в Медельин. В выходные дни Флешер посетит предложенный сталелитейный завод»⁶⁹.

Между прочим, проблема утечки информации не ограничивалась только возможными контактами отдельных членов миссии с прессой:

«Мы обнаружили, что, несмотря указания не делать этого, девушки [т.е. машинистки] передают в Банк [Центральный банк Колумбии, в помещении которого проходила работа миссии] все надиктованные нами материалы. Так что мы чаще пользуемся нашей собственной машинкой. На днях у Флешера, когда он ушел на обед, украли наполовину законченный отчет. Я пытаюсь ужесточить наши меры безопасности, но не слишком удивляйтесь, если какая-нибудь газета в виде сенсационной новости напечатает наши слова на ту или другую тему»⁷⁰.

Через месяц после начала работы миссии Карри писал:

«Всё по-прежнему идет гладко, и все чувствуют себя хорошо. В субботу я слетал в Медельин, чтобы проверить работу специалистов по транспорту и посмотреть, что они делают. Поездка оказалась очень кстати, так как я обнаружил, что они занялись довольно изнурительным и трудоемким исследованием транспортных средств Колумбии. Я убедил их, что в подходе необходимо проявлять больше избирательности. Мы выбрали пять или шесть проблем, показавшихся нам наиболее неотложными, и основное внимание обратили на них.

Наш друг Гонсало Махия уговорил мистера Фейсона проехать на машине по дороге к морю. У них был совершенно безумный день. Выехали они в пять утра, и я встретился с ними, когда они вернулись в шесть вечера. Махия выглядел так, как будто он побывал в лапах у кошки. Похоже, что он побоялся ехать в первой автомашине, пересел в пикап и наглогался дорожной пылью. Но и после этого он не уgomонился, сам сел за руль и едва избежал аварии. Впоследствии он подложил нам свинью – и это после того как мы проявили интерес к его собственному проекту. Он инспирировал большую статью в сегодняшней «Тьемпо», смысл которой состоит в том, что миссия рекомендует заасфальтировать дорогу от Боготы до Медельина и Турбо. Я подумал, не выступить ли с опровержением или поправкой, но затем решил, что нам придется

привыкать к подобным вещам и просто терпеливо их переносить. [...] Сегодня я разрешил, чтобы к Торфсу приехала жена на все оставшееся время нашего пребывания здесь»⁷¹.

К несчастью, осенью политическая ситуация значительно ухудшилась. Снова комментарии Карри:

«В палате представителей произошел инцидент со стрельбой. Следующий день был очень напряженным, но прошел без происшествий. Я думаю, что эта история потрясла и отрезвила страну. На три дня была запрещена продажа спиртного, и повсюду появились военные, однако особых беспорядков не было, и спиртное снова течет рекой. Banco [Центральный банк страны, в котором размещался офис Миссии Международного банка] сделал приличные запасы риса, картофеля и консервов; завезли кровати; явно готовились к осаде, а в продовольственных магазинах был ажиотаж»⁷².

Несмотря на взрывоопасную политическую ситуацию, миссия завершила свою работу без крупных инцидентов. На прощальной церемонии, организованной 28 октября 1949 года Центральным банком Колумбии в связи с возвращением миссии в Вашингтон, Карри с гордостью описывал ее достижения:

«Наши полномочия были очень широкими. Они заключались в том, чтобы диагностировать нынешнюю ситуацию в Колумбии и предложить обоснованный план развития, направленный на повышение жизненного уровня всех колумбийцев в течение периода от пяти до десяти лет. [...] Так как наша основная цель состоит в том, чтобы поднять уровень жизни, нам в силу необходимости пришлось охватить очень широкий круг вопросов. У нас будут рекомендации, по возможности, количественно просчитанные и конкретные, в области сельского хозяйства, промышленности и добычи топлива, развития всех видов транспорта, жилищного строительства, предоставления муниципальных услуг, таких как водоснабжение, электроснабжение и т. д., здравоохранение, улучшение санитарных условий и образование, а также по широкому кругу бюджетно-налоговых вопросов, денежной, банковской и валютной политики. [...] Могу, между прочим, заметить, что изучение Колумбии, являясь захватывающим занятием для экономиста, представляет собой невероятно трудную задачу. Хотя эта страна и по размерам, и по численности населения, и по богатству значительно меньше, чем, скажем, Соединенные Штаты, однако ее исследование – намного более трудная задача, чем было бы изучение Соединенных Штатов группой иностранных

экспертов. Во-первых, отсутствуют некоторые основные данные в той форме, которая подходила бы для намеченного нами типа планирования. Значительная часть времени миссии была затрачена на сбор и систематизацию таких данных. Мы, например, впервые составили статистические ряды показателей национального дохода и накопления капитала. [...] Мы составили для Колумбии баланс международных платежей. Мы составили статистические ряды показателей денежного обращения, которые позволяют нам точно определять источники и причины изменения предложения денег. Мы разработали основные данные о жилищном обеспечении, здравоохранении и санитарно-бытовых условиях, а также о достаточности существующих муниципальных услуг и потребностях на будущее. Мы собрали основные статистические данные в областях автомобильного и воздушного транспорта, которые до настоящего времени отсутствовали, и произвели оценку потоков дорожного движения. [...] Мы проделали значительную работу, собирая материалы о жизненном уровне различных классов в разных регионах. Мы заново провели систематизацию и классификацию данных в бюджетно-налоговой области»⁷³.

Результаты работы миссии, охватившей столь широкий круг вопросов, вызвали интерес у многих учреждений, включая международные организации, правительственные агентства США и частный бизнес. После возвращения миссии из Колумбии и даже в процессе написания окончательного доклада они обращались с просьбами о предоставлении информации (а Банк, со своей стороны, просил их присылать свои комментарии)⁷⁴.

ДОКЛАД МИССИИ КАРРИ

Карри был занят подготовкой доклада с начала ноября 1949 до лета 1950 года, когда этот документ был опубликован. Доклад планировалось представить правительству и общественности Колумбии в июле–августе 1950 года. Этим завершалась первая фаза нового курса, который Банк начал проводить по отношению к странам-членам, желавшим установить долгосрочное сотрудничество с Банком (см. рис. 8).

Доклад колумбийской миссии, переданный правительству Колумбии и представленный общественности, явился «первенцем в истории Банка»⁷⁵. Основной упор в нем был сделан «на задаче повышения жизненного уровня всего народа за относительно короткое время» (IBRD 1950a, p. 355). В докладе говорилось: «В Колумбии жизненный уровень большинства народа столь низок, что не может быть особых споров о том, какие меры необходимы в первую очередь» (IBRD 1950a, p. 353). В целом на протяжении первой половины XX столетия можно было наблюдать очевидное

Рис. 8. Тринадцатого августа 1950 года президент Всемирного банка Юджин Р. Блэк (слева) вручает резюме доклада миссии Карри колумбийскому послу в Вашингтоне Эдуардо Сулета-Анхелю

источник: Colombia Mission 1949, World Bank Group Archives.

улучшение положения дел в промышленном производстве, внешней торговле, развитии банковской системы и инфраструктуре, что создавало позитивную картину усилий по модернизации страны. Однако эти улучшения происходили по сравнению со столь низким исходным уровнем, что до значительных результатов было далеко. В докладе далее говорилось: «Большая часть населения плохо питается, плохо одета и проживает в неудовлетворительных условиях. У нее плохое состояние здоровья и низкая ожидаемая продолжительность жизни. Высок процент неграмотных» (IBRD 1950b, р. 2). Повышение уровня жизни колумбийского народа предполагало создание условий для улучшения здравоохранения, обеспечения достаточного и сбалансированного рациона питания, получения определенного уровня образования, профессионального обучения, роста производительности труда на рабочих местах и в целом для развития интеллектуальных способностей людей, расширения возможностей лучше одеваться и улучшать свои жилищные условия, а также отдыхать в свободное время (IBRD 1950b, р. 3).

Одним из главных препятствий на пути осуществления этой программы было не столько несправедливое распределение доходов, сколько очень низкая заработная плата. В соответствующем разделе доклада Карри четко заявлял, каким путем следует идти:

«Возможность сделать основные элементы удовлетворительного уровня жизни повсеместно доступными зависит от: (1) размера национального дохода по отношению к численности населения; (2) распределения дохода среди населения; и (3) распределения национального продукта между потребительскими товарами, которыми можно пользоваться в настоящее время, и товарами производственного назначения, позволяющими увеличить производство в будущем. *Несомненно, что наиболее важными из них являются первые*» (IBRD 1950b, р. 3; курсив автора).

Таким образом, первоочередной целью было повышать производительность быстрее, чем численность населения, которая также росла очень высокими темпами⁷⁶.

Примененный в докладе подход состоял в том, чтобы решать эти проблемы в рамках более обширной и многосторонней структуры мероприятий: «только путем массированного наступления в масштабах всей экономики на фронтах образования, здравоохранения, жилищного обеспечения, продовольствия и производительности можно раз и навсегда разорвать порочный круг нищеты, невежества, болезней и низкой производительности» (IBRD 1950a, р. 356). Таким образом, «Основные положения программы развития для Колумбии» охватывали все темы и сектора, которые в совокупности должны были содержать описание экономических и социальных условий, улучшение которых было жизненно необходимо для развития страны. С одной стороны, меры, которые миссия считала основными, были непосредственно направлены как на производство (сельскохозяйственное, промышленное и энергетику), так и на инфраструктуру (транспорт). С другой стороны, эти меры воздействовали на жизненный уровень населения (здравоохранение и жилищное обеспечение). Из-за важности сельскохозяйственного сектора для экономики страны успех в повышении жизненного уровня зависел в первую очередь от роста производительности в этом секторе.

Миссия была разочарована использованием земли в различных регионах. Так, самые плодородные земли в наиболее густонаселенных районах использовались почти исключительно для выращивания скота, в то время как площади под продовольственными культурами были невелики и часто находились на неплодородных почвах и косогорах, где было невозможно внедрять механизацию (IBRD 1950a, pp. 61–74). Миссия предложила меры наказания за недоиспользование земель, чтобы подтолкнуть фермеров

к более высокопродуктивным методам обработки почвы, то есть к повышению производительности. Предлагаемым инструментом был регрессивный налог на землю, применяемый в тех случаях, когда продуктивность падала ниже нормального уровня урожайности для данного вида почвы. Для этой цели должно было быть создано учреждение, которое разработало бы карты среднего уровня продуктивности для различных регионов страны. Земли с продуктивностью ниже установленных уровней облагались бы более высоким налогом (IBRD 1950a, pp. 384–386).

В районах промышленного производства миссия уделила значительное внимание тяжелой промышленности, в первую очередь, вопросу о целесообразности открытия сталелитейного завода с законченным циклом производства «Пас-дель-Рио» в Беленсито (IBRD 1950a, pp. 417–426). Эта концентрация внимания на одном заводе была вызвана огромным энтузиазмом колумбийского правительства (явно имевшим национально-патриотический оттенок) в отношении завода, который предоставил бы стране независимость от импорта такого стратегического товара, как сталь. В следующей главе я буду подробно обсуждать этот проект при рассмотрении альтернатив экономической политики в те годы. Что касается вывода, содержащегося в докладе миссии, то достаточно сказать, что она была решительно против этого завода, так как считала его чрезмерно большим и неэкономичным. Альтернативным предложением была постройка гораздо менее крупного завода на Карибском побережье, где переплавлялся бы импортный скрап (IBRD 1950a, pp. 426–428).

Транспортная система, которая являлась третьей темой, представленной в докладе, все еще находилась в таком раздробленном состоянии, что до конца 1950-х годов не существовало прямой дороги, связывающей столицу Боготу с северным побережьем (Abel and Palacios 1991, p. 587). Инфраструктура колумбийского транспорта была настолько неразвитой, что миссия рекомендовала лишь несколько концентрированных инвестиций; первым из этих проектов было сооружение железной дороги вдоль реки Магдалена (IBRD 1950a, pp. 448–453). Множество мелких инвестиционных проектов, удовлетворяющих бесчисленные потребности различных местных общин, не оказали бы достаточного воздействия на национальную экономику и не решили бы главной проблемы, заключающейся в создании новой сети межрегиональных связей.

Еще одним серьезным пробелом в инфраструктуре являлся дефицит электроэнергии – проблема, которой правительство уже начало заниматься. По оценке миссии, общий объем производства электроэнергии на колумбийских электростанциях следовало в течение нескольких лет увеличить почти вдвое (IBRD 1950a, pp. 208–209 and 514–534).

Основные разделы доклада были посвящены обсуждению мер, которые оказали бы прямое воздействие на условия жизни людей. Здравоохранение

было для миссии приоритетным вопросом, и Карри еще до начала работы миссии подчеркнул его ключевую роль. В одной из его первых заметок сохранилась запись разговора с американским бизнесменом, хорошо знакомым с жизнью Колумбии. Собеседники согласились, что «одной из самых неотложных нужд страны [является] улучшение здравоохранения. [...] Состояние здоровья народа совершенно неудовлетворительно»⁷⁷. Необходимо было повысить доступность питьевой воды, систем дренажа и канализации. Было важно содействовать санитарному просвещению путем обучения поставщиков информации – врачей, медицинских сестер и учителей (IBRD 1950a, pp. 492–498, 503–512, and 543–548).

Еще одним сектором, оказывавшим непосредственное воздействие на уровень жизни значительной части населения, было строительство. В этой области миссия предложила осуществлять активное государственное вмешательство, создав агентство по разработке планов финансирования и строительства жилых домов для масс населения, переполнявших города. Однако миссия надеялась, что уже скоро это правительственное агентство сможет переключиться на функции стимулирования и общего надзора, предоставив финансирование и строительство жилых домов частным предпринимателям и кооперативам (IBRD 1950a, pp. 535–539).

Несколько разделов доклада были посвящены бюджетно-налоговым и кредитно-денежным вопросам, а также платежному балансу. Здесь предстояло сделать очень много. Во-первых, было необходимо реорганизовать национальную систему бухгалтерской отчетности, чтобы сделать ее более аккуратной и точной. Во-вторых, налоговую систему необходимо было упростить и сделать более эффективной. На практике уклонение от уплаты налогов было распространено слишком широко. В-третьих, необходимо было наделить Центральный банк полномочиями по осуществлению эффективного контроля над резервами коммерческих банков. Наконец, нужно было упростить коммерческие тарифы (IBRD 1950a, pp. 551–580). В то же время по этому вопросу доклад рекомендовал провести более тщательный анализ с привлечением Международного валютного фонда. Это выглядит как признание со стороны Банка роли и компетенции Фонда, который ранее выражал разочарование деятельностью миссии, когда она высказывала мнения по таким вопросам международной торговли, которые Фонд считал входящими в сферу своей исключительной юрисдикции.

Общий объем средств, которые предполагалось выделить на все эти меры вмешательства, составлял приблизительно 5 млрд песо, из которых 1 млрд предназначался на оплату стоимости импортируемых товаров (IBRD 1950a, p. 593)⁷⁸.

Публикация доклада 14 августа 1950 года вызвала многочисленные отклики и критические высказывания с разных сторон. В Колумбии взрывом эмоций были встречены предложения об аграрной реформе. Ассоциа-

ция колумбийских фермеров выступила с контрпредложениями, которые встретили поддержку даже в Международном банке. В статье, опубликованной 2 января 1951 года в одной из ведущих колумбийских газет «Сигло», президент Ассоциации колумбийских фермеров Карлос Эчеверри Кортес осудил предложения Карри как нереалистичные и имеющие репрессивный характер. С одной стороны, ограниченные и неточные знания о земельном фонде страны, а также значительное разнообразие погодных условий не позволяли выработать справедливое определение порога минимальной продуктивности, ниже которого будет применяться регрессивный налог. С другой стороны, Кортес утверждал, что критиковать производительный класс, которому банки не хотят выдавать кредиты и который не может сбывать свою продукцию из-за плохой транспортной системы, – «*casi criminal*» (почти преступно):

«Мы не должны дойти до такого абсурда, чтобы облагать налогом землю, которую нельзя обрабатывать, не предложив заранее ее владельцам кредиты, необходимые для достижения предлагаемой цели. Как вы можете обрабатывать землю с помощью краткосрочных кредитов на 60, 90 или 120 дней? Как вы можете требовать от фермеров, чтобы они строили плотины, ирригационные сооружения и развивали необходимую, но дорогостоящую инфраструктуру, не имея необходимых капиталов, достаточного кредитования и эффективной поддержки банков? Мечтать не трудно, а еще легче выступать с предложениями по вопросам общенационального значения, не понимая при этом колумбийской реальности» (Echeverri Cortés 1951, p. 1).

Похожие критические замечания последовали от ФАО, которая внимательно изучила доклад Карри. Эта критика, однако, основывалась на предварительном анализе, резко отличавшемся от того, который был предложен президентом Ассоциации колумбийских фермеров. Генеральный директор ФАО Герберт Бродли жаловался на то, что «в докладе не исследуются социальные и политические факторы, лежащие в основе монополизации лучших земель сравнительно немногочисленным классом богатых», от лица которого, по-видимому, выступала фермерская ассоциация⁷⁹. И наоборот, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) заявила об «отличном впечатлении» от анализа и рекомендаций, содержащихся в докладе⁸⁰.

Я уже упоминал о критике со стороны Фонда. Должен добавить, что, помимо сомнений в компетенции Банка по проблемам налоговой и кредитно-денежной политики, Фонд поставил и вопросы по существу. Жак Дж. Поллак, в то время молодой экономист, работавший в Фонде, жаловался своему другу Паулю Розенстайн-Родану на неполноту прогноза объемов иностранного капитала, который необходим для реализации программы

развития, предложенной в докладе: «Было бы вполне естественно ожидать от такого всеобъемлющего исследования, как доклад миссии Curry*, что в нем будут приведены какие-нибудь оценки объемов иностранного капитала, который понадобится для претворения такой программы в жизнь. Поэтому вызывает огромное удивление тот факт, что в докладе иностранный капитал совершенно не учитывается»⁸¹.

Нет смысла дальше анализировать эту обличительную речь, извлеченную из архива, – особенно потому, что недостает слишком многих данных, чтобы прийти к каким-либо приемлемым выводам⁸². Интересно, однако, отметить, что эта критика хорошо передает прописную истину того времени, что развитие страны зависит главным образом от нормы инвестиций, а та, в свою очередь, – от внутренних сбережений и/или иностранного капитала. Более того, общепринятым было мнение о непосредственной и прямой связи между этими элементами, позволяющей предсказывать темпы роста национальной экономики, если известна норма инвестиций. Хотя Карри заявлял, что пытается проиллюстрировать «динамику экономического развития путем анализа [...] процессов, которые определяют объем накопления капитала» (IBRD 1950b, p. x). Фонд настаивал, что Банк – неподходящее место для проведения такого рода исследований⁸³.

В научных кругах высказывались противоречащие друг другу взгляды, ярким примером которых могут служить работы Фредерика Т. Мура (Moore 1960) и Джозефа Дж. Спенглера (Spengler 1954). Оба они провели всеобъемлющие аналитические исследования результатов, полученных первыми общими обзорными миссиями Банка в развивающиеся страны.

Оценка этих результатов, данная Спенглером, была положительной, хотя он отметил несколько аспектов, которые можно было бы исследовать глубже. Например, он высоко оценил особое внимание, которое все миссии уделяли институциональным, политическим и внеэкономическим факторам. Мнение Фредерика Мура было гораздо более негативным: «Если подходить к докладам миссий Международного банка реконструкции и развития как к документам, на которых могут основываться программы и решения в области развития, то, как представляется, они не смогли выполнить эту задачу, кроме как в самом широком и общем смысле» (Moore 1960, p. 93). Мур считал, что историко-экономический анализ и статистический аппарат были, несомненно, полезны, но в докладе не была сформулирована вытекающая из них экономическая политика – то, что он называл «учебником *политической арифметики* в виде программы и альтернатив к ней» (Moore 1960, p.90). Хотя Мур был, вероятно, слишком суров в своей критике, этот тезис был весьма своевременным. Со временем в Колумбии

*В цитируемом документе фамилия главы миссии написана с ошибкой, как название приправы. – *Примеч. пер.*

были созданы два агентства для того, чтобы на основе доклада разработать конкретную программу развития.

КОМИТЕТ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ (1950–1951)
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПО ПЛАНИРОВАНИЮ (1952–1954)

В те несколько месяцев, пока Общая обзорная миссия работала в Колумбии, Международный банк закончил оценку проектов, рассматривавшихся двумя техническими миссиями в рамках краткосрочного плана действий. В результате в августе 1949 года правительству Колумбии через Кредитный аграрный банк был предоставлен заем в 5 млн долл. США на закупку сельскохозяйственной техники.

Растущая политическая напряженность в последние месяцы 1949 года воспрепятствовала заключению соглашения о кредите на постройку электростанции в Ла-Инсула. Хотя высокая цена на кофе позволяла поддерживать в течение некоторого времени положительный торговый баланс и обеспечивала в стране хрупкую стабильность, политическая ситуация вызывала тревогу. В стране действовал режим чрезвычайного положения, гражданские и политические свободы были значительно ограничены. Кроме того, многие представители Банка высказывали опасения, что «предоставление кредита может быть истолковано как поддержка колумбийского режима; правительство наверняка постарается, чтобы это выглядело именно так»⁸⁴. Кредит для Ла-Инсула в сумме 2,6 млн долл. США был предоставлен только в конце следующего года, 28 декабря 1950 года⁸⁵.

Помимо этих двух конкретных результатов, Банк принял решение не предоставлять никаких новых кредитов для Колумбии до тех пор, пока колумбийское правительство не утвердит доклад Карри⁸⁶. Примеру Международного банка последовал Экспортно-импортный банк – правительственное агентство США по двустороннему кредитованию. Предоставив 12 августа 1948 года кредит в 10 млн долл. США, он заблокировал дальнейшие выплаты Колумбии⁸⁷.

Карри лично убедил президента Колумбии Ospina-Pérez назначить независимую комиссию для изучения доклада миссии 1949 года, разработки некоторых планов действий и определения инвестиционных приоритетов. Этот орган, получивший название «Комитет экономического развития», был учрежден 28 сентября 1950 года. Созданный по образцу Британской королевской комиссии, он был сформирован из шести видных деятелей, представлявших две главные политические партии страны – консерваторов и либералов⁸⁸. Служба Карри в Международном банке закончилась, и он был принят на работу в Комитет по экономическому развитию в качестве консультанта, чтобы помогать членам Комитета при анализе доклада. Участники Общей обзорной миссии Жак Торфс, Карл Флешер и Фредерик

Гилл также время от времени выступали в роли консультантов по конкретным вопросам (Sandilands 1990, p. 168).

Несомненно, Банк следил за этими шагами с большим интересом, но решил воздержаться от какой-либо непосредственной роли и не начинать диалог с колумбийским правительством до тех пор, пока не будут опубликованы все рекомендации Комитета⁸⁹. Личное участие Карри в работе Комитета привело к некоторой путанице в прессе и общественном мнении по вопросу о прямой причастности Банка. Это побудило Банк особо отметить, что, хотя у него есть интерес к результатам работы Комитета, в настоящее время он не будет играть какой-либо непосредственной роли в этой работе⁹⁰. Сделанный Банком шаг назад позволяет нам не останавливаться подробно на этом этапе, воспользовавшись обобщенным описанием в работе Сэндилендса (1990, pp. 169–174).

Комитет одобрил большинство рекомендаций, содержащихся в окончательном варианте доклада. Первый успех был достигнут, когда была поставлена под контроль инфляция, до этого составлявшая около 30% в год. Центральный банк усилил свою власть над средствами платежа, тем самым положив начало довольно длительному периоду стабильных цен.

Предложения, касающиеся политики развития в транспортном секторе, также были приняты. Многие местные строительные площадки, поглощавшие значительные финансовые ресурсы, были закрыты. Усилия были переориентированы на строительство крупных артерий, которые в конечном счете должны были связать воедино различные регионы страны. Эти основные проекты включали постройку железной дороги вдоль реки Магдалена; сооружение канала между городом Картахеной и конечной станцией северной железной дороги и модернизацию важнейших шоссе⁹¹. Авиаперевозки были либерализованы, несмотря на упорную, хотя и предсказуемую, оппозицию со стороны авиакомпании «Авианка», которая была монополистом в этом секторе. Было создано независимое агентство гражданской авиации, и монополия «Авианки» закончилась.

На осуществление этих инфраструктурных проектов Комитет в начале 1951 года получил кредит от Международного банка в сумме 16,5 млн долл. США благодаря инициативе министра общественных работ Хорхе Лейвы. Хотя эта инициатива в значительной степени повысила престиж Комитета внутри страны в краткосрочной перспективе, она, вероятно, ослабила его в долгосрочном плане, поскольку показала, что окончательные выводы Комитета не являются незаменимыми для Банка при принятии решений о предоставлении стране кредитов. Кроме того, разбивая кредиты на отдельные проекты, Банк и Комитет лишали себя способности увязывать поток денежных средств с принятием колумбийским правительством всеобъемлющей и интегрированной программы инве-

стидий. Тем самым они во многом лишили себя рычагов воздействия. (Currie 1981, p. 63).

Комитет оказался не в силах противостоять давлению политических сил, требовавших построить металлургический комбинат «Пас-дель-Рио» в бедном и отдаленном департаменте Бояка. Невозможность экономической безубыточности такого крупного комбината была очевидна. Внутренний рынок был слишком мал, чтобы поглотить потенциальную продукцию такого завода, а экспорт был бы незначителен, так как местное минеральное сырье было невысокого качества, и перевозить его было дорого. Тем не менее компания – владелец сталелитейного завода «Пас-дель-Рио» смогла реализовать свой проект. Первоначальный бюджет, составлявший приблизительно 40 млн долл. США, быстро увеличился до 160 млн долл. США в 1955 году и до 200 млн в 1959 году – «суммы, которая была почти равна чистому объему заимствований на все цели, произведенных колумбийским правительством у иностранных государственных агентств в 1950-е годы» (Sandilands 1990, p. 171)⁹².

Комитет не согласился с предложением Карри о введении регрессивного налога за недоиспользование земли. Как мы видели, это предложение породило целый шквал протестов, аргументация которых нашла поддержку даже внутри Банка. Несомненно, осуществление этого предложения потребовало бы невероятных усилий по обновлению земельных реестров. Некоторые задавали вопрос о том, насколько тщательно были продуманы рекомендации по сельскому хозяйству⁹³. Проблема была снята с повестки дня. Комитет одобрил предложения Ричарда Масгрейва по вопросам налоговой политики. Часть из них впоследствии были осуществлены на практике.

Помимо консультирования Комитета, Карри в эти месяцы согласился возглавить новую миссию, организованную колумбийским правительством и посвященную реформе государственного управления. Миссия подготовила доклад, который должен был быть изучен специальной комиссией для проведения серии реформ. Отсутствие интереса к этой миссии со стороны Банка, а также слабость комиссии, образованной для изучения доклада (и состоявшей всего из трех человек, которым даже не выделили технического персонала), быстро привели к прекращению этапа реализации без каких-либо конкретных результатов. Единственным нововведением в сфере государственного управления стала реорганизация министерства сельского хозяйства, которую провел Комитет по экономическому развитию при участии Карри.

Комитетом был также создан Национальный совет по планированию. Он подчинялся непосредственно президенту Республики. В его задачи входили подготовка широкой платформы экономического и социального развития страны, посредничество между представителями гражданского об-

щества, стоящими на различных позициях, и отбор предложений для представления президенту. Подготовка более подробных программ отводилась министерствам при общей координирующей роли Совета, поскольку он был в первую очередь «совещательным, а не исполнительным органом» (Sandilands 1990, p.174).

Новый орган состоял из трех человек: Эмилио Торо в качестве президента и Хесуса Марии Маруланды и Рафаэля Дельгадо Барренече в качестве советников. Все трое были хорошо известными фигурами и пользовались особым уважением вице-президента Республики Роберто Урданеты Арбелаэса⁹⁴. Трем членам Совета должны были помогать консультанты из ООН и Международного банка. Однако из семи экспертов, о предоставлении которых просил Торо, к работе Совета подключились только два экономиста, назначенные Международным банком: Альберт Хиршман и Жак Торфс, в то время один из лучших специалистов по колумбийским делам.

В начале своей деятельности Совет занимался преимущественно кредитно-денежной политикой, заполняя, таким образом, институциональный пробел, который Центральный банк Республики Колумбия был не в состоянии охватить. Банк Республики был единственным органом власти, обладавшим управленческими полномочиями в кредитно-денежной сфере. Однако, поскольку многие из его директоров были также частными банкирами и, следовательно, клиентами Банка, политика центрального финансового учреждения страдала от этого очевидного конфликта интересов. Самая серьезная проблема, созданная этой ситуацией для Банка Республики, состояла в его неспособности принимать независимые решения об уровне учетной ставки (Sandilands 1990, p. 175).

Помимо кредитно-денежных вопросов, Совет рассматривал многочисленные индивидуальные проекты в сфере промышленного развития страны. Этот подход, предложенный в основном Хиршманом и Торфсом, противоречил более четкой и органичной концепции общей программы, предложенной Карри. В период, когда создавался Совет, Карри проводил экономическое и административное исследование для департамента Калдас (Currie 1979). Лишь в августе 1952 года Карри присоединился к Совету, возглавляемому Торо. Вместе со своим колумбийским коллегой Энрике Пеньялоса Карри участвовал в разработке мер кредитно-денежной политики и повторно внес предложение о реформе государственной администрации, которое вновь оказалось безуспешным (Sandilands 1990, p. 175). Вместе с Пеньялоса Карри также подготовил два плана развития для городов Барранкилья и Богота, которые будут рассмотрены ниже, в главе 4. Здесь я упомяну лишь, что эти планы были направлены на содействие экономическому росту и повышение уровня жизни населения.

Эволюция отношений между Карри и Всемирным банком

ТРЕНИЯ ВНУТРИ КОМИТЕТА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Уже в период работы Комитета отношения между Карри и Международным банком осложнились. Первые признаки напряженности можно обнаружить в письме Торфса тогдашнему главе экономического департамента Банка Ристу, написанном в начале 1951 года: «Я забыл добавить, что контракт доктора Карри истекает 20 февраля. Это может объяснить определенную напряженность, наблюдающуюся здесь, которая, наряду с недостатком кислорода, не делает работу в Божете особенно приятной»⁹⁵.

Контраст между двумя экономистами в Комитете обострялся в связи с повесткой дня, которой должен был заниматься Комитет. «По мнению доктора Карри, – писал Торфс Ристу, – Комитет должен обсудить и утвердить все конкретные программы (воздух, вода, железные дороги, транспорт, образование, здравоохранение, коммунальные службы, сельское хозяйство, жилищная политика) до того, как ему будет представлена общая программа инвестиций [...]. Я не согласен с такой точкой зрения [...]. Комитет больше не может позволить себе терять время или престиж»⁹⁶. В последней фразе имеется в виду проигранная Комитетом борьба по вопросу о «Пас-дель-Рио». Впрочем, в более широком плане здесь проявляется разочарование Торфса в Карри, который стремился представить всеобъемлющую программу, тем самым задерживая этап внедрения. Как мы уже видели, на практике подходу Карри уже был брошен вызов, когда в начале 1951 года Банк предоставил кредит министру общественных работ для улучшения национальной транспортной инфраструктуры, даже несмотря на то, что Банк считал «очень важным осуществление всеобъемлющего плана, разработанного в результате обширных исследований, которые проведены миссией Карри и Комитетом»⁹⁷.

Торфс не разделял пристрастия Карри к вопросам, связанным с государственным управлением. В данном случае также и руководство Банка воздержалось от поддержки позиции Карри. В одной из немногочисленных имеющихся протокольных записей заседаний Комитета персонала по кредитам отражены размышления Гарнера по вопросу, поднятому Торфсом в ходе краткого визита в вашингтонскую штаб-квартиру: «Что касается вопросов государственного управления, то Вы можете сообщить им только Ваше личное мнение, так как у Банка не было возможности сформулировать свою точку зрения. Вы можете сказать, что, по мнению Банка, до того как приступить к вопросам государственного управления, следует закончить работу над экономическими рекомендациями»⁹⁸.

В общем, руководство Банка дистанцировалось от Карри уже в начале 1951 года, в критическое время для Комитета. Только что было проиграно

сражение с компанией «Эмпреса Сидерурхика Пас-дель-Рио» относительно целесообразности строительства интегрированного сталелитейного завода. Следовало определить повестку дня Комитета, а в это время Торфс оспаривал стратегию Карри в отношении всеобъемлющей программы и сфокусированности на государственном управлении.

Мы уже говорили об окончании контракта Карри в качестве главного советника Комитета. Элмер (Томми) Берланд, новый консультант Банка, только что прибывший в Колумбию, считал продление контракта Карри само собой разумеющимся, и именно в таком духе информировал штабквартиру в Вашингтоне⁹⁹. На письмо Берланда Гарнер направил следующий ответ:

«Дорогой Томми, я думаю, что, наверное, будет полезно, если я объясню тебе нашу позицию по одному или двум вопросам.

В своем письме № 8 ты коснулся вопроса об истечении срока контракта Карри с колумбийским правительством. Сам Карри также упомянул об этом вопросе в письме ко мне от 15 февраля и предложил, что я мог бы высказать колумбийцам надежду на то, что его контракт будет продлен. Так вот: я бы предпочел этого не делать»¹⁰⁰.

Контекст, возникающий из этих документов, отчасти сбивает с толку: прочитав письмо Гарнера (и узнав от него и от Торфса, что Карри, по-видимому, озабочен тем, что его контракт не будет возобновлен колумбийским правительством), мы можем предположить, что избавиться от Карри хотело именно колумбийское правительство. Однако в тот самый день, когда было написано письмо Гарнера Берланду, последний получил от Торо серьезные заверения в том, что колумбийский министр финансов намерен сохранить Карри на посту главного советника Комитета¹⁰¹. В конечном счете, о том, что враждебность по отношению к Карри исходит из Вашингтона, узнал Мартин дель Корраль, важная фигура в колумбийской финансовой олигархии, будущий президент Национального совета по планированию:

«В некоторых кругах Международного банка есть ощущение, что доктор Карри, возможно, исчерпал свою полезность в Колумбии [...]. Если такое ощущение существует, я хотел бы его исправить [...]. В достижениях [Комитета] на сегодняшний день значительная доля заслуг принадлежит доктору Карри. Хотя ему постоянно мешало то, что штат его сотрудников был совершенно недостаточным, и одновременно приходилось руководить работой Миссии по государственному управлению, он не пропустил ни одного заседания, и у него всегда были готовы материалы для рассмотрения в Комитете [...]. Лично я ощущаю значительную гордость в связи с объективностью и технической компетентно-

стью наших докладов, а этим, я повторяюсь, мы в большой мере обязаны доктору Карри. Хотя любого, кто предлагает реформы, обязательно будут критиковать, колумбийский народ знает, что он работает на благо нашей страны. В последнее время даже оппозиционная пресса благоприятно отзывалась о его работе [...]. Поэтому я считаю, что к настоящему моменту его полезность далеко не исчерпана, а его положение как никогда ранее стратегически важно для того, чтобы обеспечить успех Плана»¹⁰².

Основа этих ощущений и слухов неясна. Однако ясна окончательная позиция вовлеченных лиц и учреждений. Банк не желал, чтобы Карри продлили контракт на работу в качестве консультанта колумбийского агентства, которое будет поддерживать отношения с Банком. С другой стороны, колумбийское правительство рассматривало вклад Карри как исключительно ценный и не собиралось отказываться от него¹⁰³.

Это стало предельно ясно, когда место Комитета как правительственного агентства по национальному экономическому развитию занял Национальный совет по планированию. Документы о деятельности Совета свидетельствуют о постоянных сбоях в осуществлении его программы, а также об общей неудовлетворенности и разочаровании, которые испытывали почти все, кто принимал участие в его работе.

ТРУДНОЕ НАЧАЛО РАБОТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПЛАНИРОВАНИЮ (1952–1953)

Национальный совет по планированию был учрежден 25 апреля 1952 года. С самого начала возникли некоторые сомнения относительно его функций и целей. Во-первых, существовала проблема внутреннего политического равновесия. В Совет входили три человека, из которых один был либералом (Торо), а два – консерваторами (Дельгадо-Барренече и Маруланда). На колумбийской политической сцене, где обстановка была очень напряженной и постоянно балансировала на грани установления авторитарного правления, это было серьезной проблемой. Хотя правительство рассматривало возможность введения в Совет четвертого члена, который бы имел либеральную ориентацию, это сделано не было. Этот дисбаланс лишил Совет того ореола независимости, который был присущ Комитету. Во-вторых, члены Совета могли участвовать в его работе лишь по совместительству, а аппарат финансовых и экономических консультантов был очень небольшим. Все это порождало сомнения в способности этой группы достигать каких-либо конкретных результатов. Для решения этой проблемы, на которую члены Совета обратили внимание еще до его официального создания, Банк от имени колумбийского правительства договорился

о сотрудничестве с Альбертом Хиршманом, «экономистом выдающихся способностей и порядочности»¹⁰⁴. Отметив недоукомплектованность совета, Хиршман перечислил вопросы, которыми он намеревался заниматься: «государственные финансы, денежная и кредитная политика, национальные счета, инвестиции в промышленность и сельское хозяйство, внешняя торговля и платежи, социальное обеспечение, образование, здравоохранение и т. д.»¹⁰⁵. И Хиршман, и Банк настаивали на том, что, несмотря на большой ожидавшийся объем работы, Совет не должен пользоваться помощью никаких других экспертов. Как Гарнер писал Торо через две недели после учреждения Совета: «Мы решительно считаем, что у правления должен быть только один “экономический советник”»¹⁰⁶. Предполагалось, что другие иностранные эксперты должны будут признать Хиршмана «последней инстанцией» при формулировании рекомендаций для Совета¹⁰⁷. Тем временем Хиршман 15 марта 1952 года прибыл в Боготу.

Реальность опровергла позицию Банка. Ответ Торо Гарнеру помогает нам понять возникшие вскоре осложнения:

«Мы абсолютно согласны с Вашей точкой зрения о том, что во главе всех иностранных и национальных экспертов должен стоять один руководящий экономический консультант. Мы удовлетворены тем, что на этом месте сейчас находится г-н Хиршман. Наша первоначальная идея – чтобы работали несколько экспертов по разным специальностям и более или менее в одном статусе – исходила из убеждения, что услуги первоклассных специалистов будет трудно получить, если им известно, что над ними будет еще один эксперт. Вы знаете, насколько эти технические специальности, в общем и целом, чувствительны к этому. Но если это не тот случай, то намного более практичным и прочным было бы иметь директора, «босса», если можно так выразиться [...]. Как Вы хорошо помните, Миссия по государственному управлению провела очень тщательное исследование нашего ведомства и представила отличный доклад с рекомендациями очень срочных и важных реформ в этой области. По этому вопросу было сделано очень мало, и Совет по планированию намеревается приложить большие усилия для его продвижения.

Никакое планирование не будет эффективным, если отсутствует соответствующий административный механизм его реализации; это общеизвестно.

Правление попросило меня в конфиденциальном порядке узнать Ваше мнение по следующему вопросу: поскольку доктор Карри очень хорошо знаком с этим предметом и полон энтузиазма относительно этой работы, не возникнет ли какого-либо неудоб-

ства, если мы воспользуемся его услугами – ограничившись этой единственной областью – в качестве консультанта? Мною было безапелляционно объявлено доктору Карри, что г-н Хиршман будет главным экономистом, что все должно с ним согласовываться и что он будет «боссом» офиса во главе всех экспертов. Он с этим согласен.

Карри также был мною предупрежден о том, каким должно быть его поведение по отношению к своим коллегам; в прошлом они жаловались на его невеликодушные и вызывающие отвращение поступки по отношению к ним. С другой стороны, тяжелый период, через который он за последнее время прошел, умерил его эгоизм и честолюбивое стремление затмить коллег – по крайней мере, в настоящее время. Мы считаем, что он может быть очень полезен в упомянутой ограниченной области»¹⁰⁹.

Очевидно, что различные мнения, которые проявились во время работы Комитета, теперь привели к взрыву в форме межличностных конфликтов, взаимоотношения резко ухудшились. Гарнер в своем ответе был чрезвычайно осторожен:

«Что касается дела Карри, здесь, несомненно, возникают крайне деликатные вопросы. Различные присутствующие в этой связи соображения Вам известны столь же хорошо, как и мне, и решение по необходимости придется принимать Вам. Однако, поскольку Вы спрашиваете, каково мое личное мнение, я чувствую себя вынужденным заявить, что, будь я на Вашем месте, я бы не стал нанимать доктора Карри для выполнения этого предлагаемого задания. Главным основанием для меня было бы то, что доктор Карри, несмотря на его широкий опыт и хорошо известные интеллектуальные качества, не является, по моему мнению, ведущим экспертом в области государственного управления. [...] Кроме того, я считаю, что работа Карри в штате Совета по планированию могла бы, несмотря на самые лучшие намерения со всех сторон, поставить Хиршмана в неловкое положение. В настоящее время Карри намного больше, чем Хиршман, знает об условиях в Колумбии и экономических проблемах страны. Если бы он стал ведущим консультантом Совета, пусть даже только в области государственного управления, я думаю, что, совершенно естественно, к нему стали бы обращаться за советами в области экономики, ввиду его опыта и деятельности в прошлом, а также из-за того, что Хиршман пока что относительно незнаком с обстановкой в Колумбии»¹¹⁰.

Озабоченность Гарнера была оправданной. Банк и Совет предоставили все полномочия Хиршману. Но человек с опытом Карри затмил бы его и ослабил бы его роль как главного экономиста Совета. Однако озабоченности Гарнера явно оказалось недостаточно, и Карри, только что завершивший миссию колумбийского правительства в департаменте Калдас, был нанят Советом¹¹¹, к большому разочарованию Хиршмана:

«Дорогой Дик,

[...] Дела здесь идут не только медленно, но иногда также и беспорядочно.

Случилось так, что Президент попросил Совет оказать ему помощь в ряде проблем административной реформы, и Совет решил нанять Карри, который только что закончил составление доклада о провинции Калдас, в качестве консультанта по этим вопросам [...]. Ситуация в Совете остается несколько запутанной, не только из-за отсутствия генерального секретаря, но и из-за несколько неопределенного характера нового круга обязанностей Карри. Мне говорили, что он будет сугубо временным консультантом по административным проблемам; тем не менее на практике – и, возможно, это было неизбежно – он стал также экономическим советником. Так как мы не всегда придерживаемся единого мнения, у нас уже было несколько открытых споров на заседаниях Совета по таким вопросам, как налоговая и кредитно-денежная политика. Вряд ли мне стоит говорить, что все это не просто неприятно (методы работы Карри не улучшают положения дел), но сбивает с толку членов Совета. Фактически мы оказываемся точнехонько в ситуации «сумятицы и конфликта», о которой г-н Гарнер предупреждал доктора Торо в своем письме от 13 мая»¹¹².

Спустя три недели еще один сотрудник Международного банка, посетивший Колумбию, подтвердил затруднения Хиршмана¹¹³. Однако почти одновременно с этим ситуация начала существенным образом меняться. Судя по описанию Хиршмана, Карри отошел в сторону:

«Дорогой Бёрк,

[...] Это уже второе письмо, которое я пишу Вам за три дня. Я очень доволен, что не отправил первое письмо, содержавшее ряд подробностей о тех недоразумениях, которые возникли здесь в связи с участием Карри в работе Совета по планированию. В конце этого письма я писал Вам, что я по-прежнему уверен, что смогу справиться с ситуацией сам. Но я добавил, что не откажусь бы и от небольшой помощи Банка. Дело закончилось тем,

что Карри взял на себя разрешение ситуации и совершил одну из тех грубых ошибок, которые здесь не прощают. Костер и его спутники, несомненно, расскажут вам все подробности. Оглядываясь теперь на это, вспоминаешь обо всем этом эпизоде, как о «Ста днях» Наполеона, с той счастливой разницей, что возвращение Карри длилось наполовину короче»¹¹⁴.

Это стало, несомненно, хорошей новостью для Хиршмана. Наконец-то его конфликт с Карри можно было похоронить. Но не все проблемы были решены. Прежде всего, положение Хиршмана в Совете не было удовлетворительным. Согласно проекту памятной записки о реорганизации персонала Совета, Хиршман оставался бы экономическим консультантом по кредитно-денежным и финансовым вопросам совместно с другим экономистом в том же статусе, занимавшимся вопросами инвестиционных планов и программ. Хиршман критиковал эту схему по двум причинам, одна из которых была объективной, а другая субъективной. С одной стороны, предложенная реорганизация обязанностей экономических консультантов приводила бы к дополнительным внутренним конфликтам. С другой стороны, она удаляла бы самого Хиршмана из той области, к которой у него существовал значительный интерес.

Было совершенно ясно, что в этой схеме было заложено много возможностей для конфликта, особенно учитывая, что Совет уже был разделен в политическом отношении. Совет усиливал бы разногласия между экономическими консультантами, а не разрешал бы их путем посредничества. Кроме того, разделение обязанностей не было бы столь четко выраженным, как это представлялось в теории. Деятельность двух консультантов была бы внутренне противоречивой: у консультанта по финансовым вопросам проявлялся бы «дефляционный уклон», а у консультанта по программам – «инфляционный». «Более того, – писал в заключение Хиршман, – я убежден, что наши колумбийские друзья совсем не против того, чтобы в структуре Совета была заложена возможность конфликта. Они просто обожают сталкивать одного иностранного эксперта с другим: [...] это позволяет им отвешивать поклоны перед мнением иностранных экспертов, и в то же время дает им оправдание, чтобы делать именно то, чего хотят они сами»¹¹⁵.

Вторая, более субъективная причина, по которой Хиршман возражал против данной схемы, четко выражена в следующей фразе: «Не для того я оставил свою должность в Федеральной резервной системе, чтобы консультировать по проблемам повышения или понижения потребностей Колумбии в резервах»¹¹⁶. Хиршман предоставил свои услуги на длительный период времени, чтобы стать консультантом в новой и волнующей области экономического развития страны. Поэтому он, что вполне понятно, не же-

дал управлять одним лишь кредитно-денежным аспектом общей задачи. Он предсказывал – и угрожал, – что его разочарование подорвет оперативные возможности Совета: «Так как я не намерен обосноваться здесь в качестве всего лишь кредитно-денежного эксперта и рассматривать проекты только в аспекте их совместимости с денежной стабильностью, предлагаемая организационная структура имеет еще меньше шансов привести в результате к хорошим рабочим отношениям, чем этого можно было бы добиться в противном случае»¹¹⁷.

Так как Совет собирался продолжать реорганизацию персонала и попросил Международный банк о сотрудничестве, начальник отдела операций в Западном полушарии Бёрк Нэпп предложил послать в Колумбию Торфса в качестве «временного исполняющего обязанности советника по планированию»¹¹⁸. Торфс был бы ответственным за разработку «общего плана» и осуществление в рамках этого плана специальных проектов. Вместе с Хиршманом, с которым он был в хороших отношениях, он мог бы также оценить, способны ли роли «финансового» и «программного» советников существовать на одном уровне, как это первоначально считала тройка членов Совета, или одна из ролей должна быть подчинена другой, на чем настаивал Хиршман. Банк понимал, что это не решало поставленных Хиршманом вопросов, но он не мог заходить слишком далеко в противодействии общей линии Совета. Банк надеялся, что Хиршман и Торфс смогут хорошо работать вместе¹¹⁹. Двадцать первого октября 1952 года Торфс прибыл в Боготу¹²⁰.

Хиршман был, вероятно, разочарован этим решением и тем, что ему приходилось по-прежнему общаться с Локлином Карри по работе. «Пятьдесят дней» Карри на самом деле не были пятьюдесятью днями. Нам неизвестно, какую «грубую ошибку» он совершил, так как руководство Банка не оставило об этом никаких письменных свидетельств. Но факт остается фактом: даже несмотря на то, что эта ошибка была серьезной, он все же был прощен. Президент Республики Колумбия попросил Совет изучить вопрос о реформе государственного управления. Локлину Карри, который готовился приступить к миссии по оценке возможных проектов в городе Барранкилья на севере страны, предстояло возглавить организацию исследований, аналогичных тем, какие он ранее провел в департаменте Калдас, в других административных департаментах Колумбии¹²¹.

Однако, по мнению руководства Банка, это было уже слишком. Письма и отчеты за период конца 1952 – начала 1953 годов свидетельствуют о высоком уровне разочарования и горечи в связи с «вопросом о Карри» и продолжающейся неэффективностью Совета. Нэпп, на котором в конечном счете лежала ответственность за ведение дел с Колумбией, был в бешенстве. В письме Торфсу он негодовал: «Продолжающееся вмешатель-

ство доктора Карри в дела Бюро по планированию недопустимо [...]. Мы должны со всей прямотой заявить колумбийцам, что не сможем продолжать оказывать поддержку этой деятельности, если доктор Карри не будет *полностью* удален со сцены», или, как это излагает Хиршман, «если [Карри] не будет полностью отстранен от дел»¹²².

Нэпп всерьез подумывал об удалении Хиршмана из состава миссии, хотя «отставка Альберта означала бы серьезное нарушение непрерывности программы в Колумбии»¹²³. Нэпп с радостью взял бы Хиршмана на работу в свой департамент в Банке¹²⁴, а, избавившись от обоих, можно было бы затем назначить одного консультанта, который исполнял бы обе роли – и «советника по финансовым и кредитно-денежным вопросам», и «советника по планированию», как предполагалось первоначально. В эти дни Нэпп связался в Нью-Йорке с экономистом Бруно Фоа. «Естественно, – рассуждал Нэпп, – предварительным условием для того, чтобы заинтересовать Фоа, стало бы заверение его в том, что доктор Карри устранен»¹²⁵. В ноябре-декабре и Гарнер, и Нэпп огласили Торо свой приговор¹²⁶.

В подобных ситуациях лобового столкновения трудно или даже невозможно, не имея документов того времени, реконструировать факты, понять, кто прав, кто виноват, да это и бесполезно. Прежде всего, переписка показывает глубинную неспособность к общению, вызванную, конечно же, трудностями, с которыми столкнулись попытки активизировать работу Совета. Отчет Торфса Нэппу – вопиющий пример личного разочарования и неразберихи, связанных с организационными трудностями Совета. Он заслуживает того, чтобы привести из него подробную цитату:

«Вопрос об управлении Отделом был открыто поставлен в проекте письма г-ну Гарнеру. В нем доктор Торо, по существу, заявлял, что намерен в течение последующих четырех месяцев управлять Отделом. Генеральный секретарь в частном порядке сказал мне, что для него это неприемлемо, поскольку управление Отделом входит в его обязанности [...]. В результате воцарилась анархия. [...] Доктор Дельгадо Барренече сказал, что он *не согласен* с тем, чтобы доктор Торо или кто-либо из членов Совета управлял Отделом. Члены Совета были назначены для того, чтобы представлять рекомендации, уже подготовленные Отделом. Поэтому кто-нибудь – генеральный секретарь или один из советников – должен был управлять процессом. Ни нынешний генеральный секретарь, ни его предшественник не были способны это делать, и представлялось невозможным подобрать на эту должность колумбийца. Поэтому управлять Отделом должен был советник по планированию [...]. Я решил, что этот вопрос требует дальнейшего изучения, и настоял на проведении совещания с участии-

ем доктора Торо, Хиршмана, Аранхо и меня. В ходе совещания выяснилось, что, по мнению доктора Торо, все мы равны по своему статусу, но я более «равен», чем Хиршман и Аранхо, а также что советник по планированию должен нести ответственность за действия, на которые у него нет полномочий [...]. Нам пришлось – пока что и, вероятно, надолго – оставить всякую надежду на то, чтобы рационально организовать работу Совета. [...] Уже имеются два «равных по статусу» иностранных советника. Даже если один из этих двоих отклоняется, оставшийся советник будет поставлен перед фактом, что они с генеральным секретарем «равны по статусу» [...]. Я считаю, что единственный выход из этой ситуации, единственный способ обеспечить хоть какое-то лидерство, состоит в том, чтобы достигать его путем взаимного соглашения «равных по статусу»¹²⁷.

Эти трудности отравляли отношения между людьми и все более осложняли общение и обмен мнениями. Торфс писал о Карри в конфиденциальном отчете Международному банку: «Фактом является то, что он все еще там и он по-прежнему вмешивается в обсуждение кредитно-денежных и налоговых вопросов, и умышленно саботирует работу Хиршмана»¹²⁸. У Торфса также возникали личные трудности:

«Я хотел бы представить несколько соображений очень личного характера: миссия в Колумбии и в прошлом и сейчас для меня является трудной. Мне не только пришлось формулировать – и до некоторой степени изобретать – «общий подход» в приложении к Колумбии. Я был вовлечен, не по своей вине, в очень болезненные действия и подвергся ожесточенным нападкам личного характера, стремясь защитить интересы Банка.

Кроме того, моя командировка в Колумбию была крайне разочаровывающей по своему характеру. Я начинал несколько раз, и сейчас начинаю снова, проекты, которые мне приходится прекращать, когда они выполнены наполовину или на треть. Если те, кто придет после меня, с ними справятся, мне мало что будет поставлено в заслугу. А если они будут плохо управлять этими проектами, то часть ответственности ляжет на меня.

И наконец, за последние годы я посвятил много своего времени изучению колумбийских проблем. Это с неизбежностью привело к тому, что мне поручают все больше и больше колумбийских проблем [...]. Я попросту чувствую, что мне предоставляется масса возможностей ощутить наименее привлекательные аспекты работы, которая мне нравится, и мало возможностей получить удовольствие от ее более благоприятных сторон».

Поэтому возможное назначение Фoa «советником по планированию» не показалось Торфсу справедливым решением: «Я был бы очень рад, если бы Банк смог рассмотреть мою кандидатуру для работы здесь в качестве постоянного советника по планированию»¹²⁹.

Ситуация зашла в тупик. Позицию Карри защищал лично президент Колумбии, что делало невозможным разрыв контракта с ним¹³⁰. Более того, мнение Эмилио Торо о вкладе консультантов в работу Совета резко отличалось от точки зрения руководства Банка. Он не был намерен легко отказаться от совместной работы с Карри:

«Дорогой Боб,

[...] Совершенно очевидно, что доктор Карри стал для некоторых из этих технических специалистов фантазмагорическим наваждением.

Однако следует учитывать тот факт, что доктор Карри выполняет работу, приказ о которой, как я отмечал, был отдан Президентом. Следует также принять во внимание, что в этих обстоятельствах вам в МБРР трудно убедить подходящего кандидата занять пост экономического советника. Единственная остающаяся альтернатива – пока повременить с поисками кандидата [...]. Позвольте мне, полностью в духе искреннего сотрудничества, поделиться с Вами некоторыми краткими замечаниями по этому столь важному вопросу технического персонала. Хиршман – хороший специалист в ограниченной области кредитно-денежных вопросов. Но до поста директора программ, планирующего развитие страны во всех его аспектах, он не дотягивает, и очень сильно не дотягивает. Ему не хватает широты общих представлений, лидерства, инициативы, индивидуальности, и он с трудом выражает свои мысли и объясняет свои идеи.

Когда я сравниваю работу, выполненную Экономической миссией МБРР в Колумбии за четыре месяца; задачи, осуществленные Административной миссией за пять месяцев и услуги, предоставленные Комитетом экономического развития за девять месяцев – все это под руководством Карри, – с работой, сделанной за семь месяцев Отделом планирования под началом Хиршмана, я прихожу в ужас [...]. Возвращаясь к «наваждению Карри», позвольте мне сказать следующее: на него обижаются некоторые колумбийские бюрократы и немало иностранных экспертов. И это вполне естественно. Невозможно проводить реформы и никого при этом не травмировать. Невозможно руководить работой «экспертов», поправлять их и ожидать от них благодарности.

Однако в работе и рекомендациях самого Карри мало было выявлено ошибочного или необоснованного, если вообще были такие случаи. После обсуждения, проходившего при сопротивлении его взглядам, они в конечном итоге получали всеобщее одобрение. Уважение к нему в стране растет с каждым днем.

Искренне Ваш – поверьте,
Эмилио Торо

P. S. Мой хороший друг и коллега по Совету, доктор Маруланда сейчас находится у меня в кабинете; он прочитал это письмо и полностью согласен со мной¹³¹.

Карри продолжил свою работу по изучению провинциальных органов управления и, в частности, программ городского развития в городах Барранкилья и Богота. Нэпп и Гарнер решили прекратить борьбу по вопросу о том, кто должен руководить персоналом Совета. Вместо этого они возобновили сотрудничество с Советом при подборе других консультантов по более узким вопросам¹³². Это решение привело Торфса и Хиршмана в состояние «некоторого удивления»¹³³. Они продолжали работать над всеобъемлющей программой и над конкретными исследованиями, посвященными производству электроэнергии, тенденциям экспорта и реформе национальных финансовых институтов¹³⁴.

КОНЕЦ ДЕЛА

Тринадцатого июня 1953 года генерал Рохас Пинилья совершил государственный переворот, свергнув правительство Урданеты Арбелаэса. На следующий день в знак протеста Эмилио Торо ушел в отставку. Но на его решение повлияли и такие факторы, как напряженность, усиливавшаяся в Совете в последние месяцы, а также горечь, которую он испытывал при виде того, как Локлина Карри неуклонно оттесняют на задний план. Приведем письмо, которое Торо написал от руки и отправил в адрес Карри 28 июля 1953 года из гостиницы «Четем барз инн» в Кейп-Коде:

«Дорогой доктор Карри,

Я прятался от моих друзей, чтобы получить возможность «полного расслабления», которое мой [...] врач также счел незаменимым для моего здоровья.

Доктор Сулета (не знаю, каким образом он меня разыскал здесь) позвонил мне сегодня по телефону. Среди прочего он проинформировал меня, что г-н Гарнер завтра вылетает в Боготу.

Я воспользовался этой возможностью и сказал Сулете, что поручаю ему информировать Гарнера лично (они должны встре-

таться сегодня), что мой уход в отставку из Совета был вызван – наряду с другими мотивами – тем фактом, что я был мало удовлетворен тем, как осуществлялась работа правления, и что я считал необходимым проведение кадровых изменений.

Что Торфс был посредственным – весьма посредственным – директором отдела программ.

Что на этот важный пост нужно назначить Вас.

Что по-настоящему важная работа Совета – это та, которая была выполнена Вами в области регионального планирования или та, которую Вы вдохновляли.

Что недооценка Вашей работы, интриги и зависть *низвели* Вас до второстепенных ролей в Совете и что это положение должно быть исправлено.

Именно это я ему и сказал – в несколько более развернутой форме. Он согласился со мной и собирался так и сказать Бобу.

Хотя я и не вернусь в Совет, я всегда буду делать все, что в моих силах, чтобы способствовать его хорошей работе.

Я питаю надежду, что директор отдела программ будет настолько сильной фигурой, чтобы твердо управлять советниками.

Отель, где я живу, просто роскошный. Погода отличная и место прекрасное. У отеля есть свой частный пляж и поле для гольфа в 50 шагах от моего номера. Было бы приятно, если бы Вы были здесь.

С сердечными пожеланиями,
Эмилио Торо»¹³⁵.

Локлин Карри был удручен напряженностью в Совете. Осуществление его плана по Боготе встретилось с трудностями. Он был встревожен недавними политическими событиями, и они не отвечали его желаниям. В феврале 1954 года он завершил свою работу в качестве консультанта Совета. После этого он удалился на ферму недалеко от городка Альбан, примерно в 50 километрах от Боготы (Sandilands 1990, p. 176). Со своей стороны Международный банк, полагая, что политические изменения в Колумбии оказали незначительное воздействие на отношения Банка с этой страной, продолжал сотрудничество, фактически без каких-либо изменений.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Экономическое развитие: теория и практика

Нам навязывают мнение, что развитие человечества может происходить только путем полемики и что людям, борющимся за свои идеалы, необходимо менять пропорции и индикаторы.

Федерико Шабо. «История европейской идеи»

Во второй главе мы рассмотрели отношения между Международным банком и Колумбией в период, когда Банк осуществлял переориентацию своей деятельности от послевоенного восстановления Европы к развитию беднейших стран-членов. Колумбийский проект стал серьезной проверкой для института и его новой миссии в области развития.

Ключевыми фигурами в нашем повествовании – как в период, когда сотрудничество между различными участниками проекта (колумбийским правительством, Международным банком, различными правительственными агентствами Колумбии, Миссией Карри, отдельными членами миссии и государственными служащими Колумбии) развивалось наиболее успешно, так и в периоды кризиса и конфликта, – были Локлин Карри и Альберт Хиршман. В некоторых важных случаях причиной конфликта был Карри. Ярким доказательством этого являются события, происходившие в Комитете, а затем в Совете: с одной стороны, Международный банк был намерен отстранить Карри от всех мероприятий или контактов с учреждениями, в которых он принимал участие, а с другой стороны, представители колумбийского правительства по различным поводам выступали в его защиту и поддерживали его решения.

В документах об этой ситуации упоминаются определенные разногласия по поводу того, как нужно организовать работу и какими должны быть наиболее эффективные пути решения конкретных проблем. Однако – и это более важно – в них также отражена серьезная личная несовместимость между отдельными людьми. Личные трения и различия темпераментов содействовали ухудшению отношений между Карри и Банком. Карри и в са-

мом деле был жестким и колючим человеком. Это подтверждали даже те, кто искренне восхищался его профессиональными и личными качествами. Например, Ричард Масгрейв, главный экономист Колумбийской миссии 1949 года, поздравил Карри с большим успехом миссии, который, по его мнению, был достигнут [Карри] благодаря «разумному сочетанию долгосрочного терпения с краткосрочным нетерпением»¹. А Роберт Гарнер, уведомляя Эмилио Торо о намерении Банка отстранить Карри от работы в Комитете, обосновывал этот шаг, прежде всего, склонностью Карри «настраивать многих против себя и создавать проблемы»².

Важно, однако, напомнить, что, не являясь сотрудником Банка, Локлин Карри играл весьма значительную роль в новой ориентации на развивающиеся страны, которую Банк избрал после того, как он перестал заниматься вопросами послевоенного восстановления Европы. В частности, миссия в Колумбии должна быть признана образцом для будущих миссий Банка, а ее доклад на протяжении многих лет использовался в качестве типовой модели для изучения общих экономических и социальных условий в отдельно взятой стране. В случае с Колумбией, именно Карри *олицетворял собой* Банк, причем до такой степени, что газеты Боготы постоянно называли его одним из руководителей Банка. Газета «Тьемпо» назвала его «бывшим вице-президентом Международного банка реконструкции и развития»³, что вряд ли могло понравиться вашингтонским чиновникам.

«Выдавливание» одного из наиболее заметных деятелей Банка всего лишь из-за личных разногласий выглядит неразумным. Более того, этот шаг не оправдывал риска ухудшения отношений между Банком и колумбийским правительством (вспомним, что Нэпп всерьез рассматривал возможность отстранения Хиршмана от сотрудничества с Советом). Чтобы понять, почему Банк захотел избавиться от Карри, следует взглянуть на конкретные действия Карри и Хиршмана в Колумбии через призму более общих научных споров об экономическом развитии, происходивших в 1950-е годы⁴.

В первых трех разделах данной главы обобщаются основные позиции сторон в этой дискуссии, а также то, как эти позиции влияли на работу Банка или формировали ее. Рассматривая разные научные подходы в том виде, в каком они противостояли друг другу, освещались в свое время в специализированных журналах и зачастую продолжают освещаться до сих пор⁵, я постараюсь доказать, что конфликту уделялось чрезмерное внимание, а во взглядах участников спора можно найти много общего. Я согласен с теми, кто утверждает, что споры в рамках теории экономики развития были неотъемлемой частью периода роста этой дисциплины. Цель моих размышлений не в том, чтобы продемонстрировать бессмысленность тех давнишних споров, а скорее в том, чтобы выявить точки соприкосновения, которые обычно остаются незамеченными.

В четвертом и пятом разделах этой главы более подробно рассмотрен конфликт между Локлином Карри и Альбертом Хиршманом. О противостоянии Карри с Банком и с Хиршманом уже рассказывалось в главе 2. Выдвинутые в ней причины разногласий между двумя экономистами не объясняют в полной мере неизбежного разрыва Локлина Карри с Международным банком. В этой главе я рассмотрю два конкретных эпизода и постараюсь выяснить, помогают ли они понять причины этого разрыва. Карри и Хиршман были, каждый по-своему, связаны с Международным банком и считались сторонниками двух разных подходов к вопросам экономического развития. Их теоретические разногласия в период совместного пребывания в Колумбии могут служить дополнительным объяснением разрыва Карри с Банком. Следовательно, они могут пролить свет на то, как формировался этот институт в процессе выбора между разными вариантами мер вмешательства в развивающихся странах. Мы увидим разницу между тем, как выглядели эти споры *в научных журналах*, и их первоосновой *в полевых условиях*. Позиции участников спора в полевых условиях были значительно ближе друг к другу, чем это определяла логика научного спора. В заключительном разделе разные позиции переосмысливаются с точки зрения социологии.

Подходы к проблеме развития: сбалансированный или несбалансированный рост

По словам Пранаба Бардхана, теория экономического развития прошла путь от центра к периферии экономической науки. Этот процесс маргинализации был, однако, частично замаскирован тем фактом, что в то же самое время экономикой развития начали выделять как отдельную дисциплину. Иначе говоря, она постепенно институционализировалась и одновременно была отодвинута на задний план. «Все классики экономической теории XVII, XVIII и начала XIX вв., несомненно, были специалистами в области экономики развития» (Bardhan 1993, p. 130), но только после 1940 года за *экономикой развития* прочно закрепилось определение «дисциплина, изучающая причины экономической отсталости и способы ее преодоления». Как упоминалось выше, одной из причин выделения экономики развития в отдельную дисциплину стала «холодная война», в ходе которой некоторые районы мира, которые ранее игнорировались или оставались под контролем колониальных держав, приобрели стратегическое значение (Myrdal 1968; Rostow [1960] 1990). Вероятно, еще более важным является тот факт, что только после Второй мировой войны многие бедные страны стали независимыми государствами. Более того, в этих странах начался рост интеллектуальных элит, получивших образование в странах-метрополиях и соприкоснувшихся с типичными для развитых стран идеалами модернизации и ин-

дустриализации. Именно во имя этих идеалов элиты, стремившиеся к модернизации, становились лидерами движений за независимость (Myrdal 1968)⁶. С того самого момента, когда определилось ее значение, экономика развития оказалась на периферии так называемого «мейнстрима».

СБАЛАНСИРОВАННЫЙ РОСТ

В начальный период восхождения этой дисциплины было создано большое число серьезных научных работ (Hirschman 1981a). Историческая статья Пауля Розенштейна-Родана (Paul Rosenstein-Rodan 1943) по проблемам промышленного развития в странах Восточной и Юго-Восточной Европы заложила основы для обсуждения на последующие годы.

Розенштейн-Родан признавал «избыток населения, занятого в сельском хозяйстве», в качестве условия «скрытой безработицы» в сельскохозяйственном секторе, которая приводила к тому, что производительность избыточного населения оказывалась равна или приближалась к нулю. Выход, по мнению автора, заключался в перемещении излишка населения на работу в новый промышленный сектор. Этот сектор, добавлял он, нужно рассматривать «как одну огромную фирму или трест» (Rosenstein-Rodan 1943, pp. 202, 204).

Хотя Розенштейн-Родан не говорил открыто о «сбалансированном росте», именно его он имел в виду, предлагая рассматривать промышленный сектор в качестве неделимого и единого предприятия. Предпосылка его рассуждений заключалась в том, что только развивая различные виды бизнеса подобно департаментам одной компании, каждый из которых одинаково значим для ее деятельности, можно будет обеспечить внешнюю экономию, которая будет способствовать процветанию и экономической устойчивости промышленного сектора. Во-первых, многочисленные новые компании, появляющиеся на рынке, выступили бы с инициативой обучения рабочих новым специальностям. Во-вторых, индивидуальные предприятия стимулировали бы взаимный спрос благодаря своим потребностям в промежуточной продукции или спросу рабочих на потребительские товары. Розенштейн-Родан приводил в пример обувную фабрику: находясь в изоляции от других компаний, она обанкротится из-за недостаточного спроса на продукцию, поскольку сельскохозяйственные рабочие не смогут позволить себе купить обувь, а спрос со стороны рабочих фабрики – единственный, кто имеет средства, чтобы купить обувь, – будет недостаточным.

«Если же мы возьмем миллион безработных в сельскохозяйственном секторе и устроим их на работу не в одну, а в несколько отраслей, производящих множество видов товаров, на покупку которых рабочие будут тратить свои заработанные деньги, тогда то, что не подходило для одной обувной фабрики, подойдет для целой системы отраслей: она создаст свой собственный дополнительный

рынок [...]. Отрасли, производящие широкий ассортимент товаров, покупаемых на заработную плату, можно, таким образом, назвать взаимодополняющими» (Rosenstein-Rodan 1943, p. 206).

Этот пример хорошо обобщает идеи Розенштейна-Родана об экономическом росте. Во-первых, требовался широкомасштабный план, чтобы избежать «узких мест» частного сектора. Во-вторых, программа индустриализации не должна была фокусироваться только на «основных отраслях», таких как транспорт, металлургия, тяжелое машиностроение и энергетика: «Принадлежность к «основным» отраслям не ограничивается [...] некоторыми предприятиями жилищно-коммунального хозяйства. Мы видели, как взаимодополняемость делает все отрасли в некоторой степени «основными» (Rosenstein-Rodan 1943, p. 208)⁷.

В-третьих, следует отметить, что в предложении Розенштейна-Родана фактически отсутствует международная торговля. В некоторых разделах своей работы он указывает на необходимость экспорта отдельных видов продукции в целях обеспечения устойчивого платежного баланса. Однако в целом он придавал внешней торговле второстепенное значение и не считал ее частью механизма взаимодополняемости, необходимого для индустриализации.

В заключение отметим, что данная статья явилась фундаментом для последующей работы, охватывающей потребность в начальном этапе решительного и концентрированного развития с целью достижения минимально необходимого масштаба производства и ассортимента продукции, которые позволяли бы обеспечить самоподдерживающееся функционирование нового промышленного сектора. Это была концепция «большого толчка». Розенштейн-Родан описывает этот процесс в более поздней статье:

«Программа развития требует минимального уровня ресурсного обеспечения [...], чтобы иметь хоть какие-то шансы на успех. Запуск в стране программы самоподдерживающегося роста немного напоминает отрыв самолета от земли. Существует критическая скорость, которую необходимо преодолеть, прежде чем машина сможет взлететь»⁸ [...] Такова, в кратком изложении, задача теории большого толчка» (Rosenstein- Rodan 1957, p. 57).

Рагнар Нурксе развил многие из этих идей в своей содержательной и оригинальной работе «Проблемы формирования капитала в слаборазвитых странах». Главной задачей автора было найти способ разорвать «порочный круг бедности», который крепко связывал между собой инвестиционные стимулы, долю национального дохода, идущую на накопление, уровень личного потребления и масштабы рынка и удерживал их в равновесии на низком уровне. В двух приведенных ниже цитатах можно заме-

тить параллели с идеями Розенштейна-Родана о взаимодополняемости отраслей и необходимости активных и концентрированных действий.

«Сложность, порождаемая небольшим размером рынка, связана с индивидуальными инвестиционными стимулами на любой отдельно взятой линии производства. Эта сложность – по крайней мере, теоретически – исчезает в результате более или менее синхронизированного использования капитала в широком диапазоне различных отраслей. Это и есть выход из тупика; результатом здесь является всеобъемлющее расширение рынка. Люди, применяющие все более многочисленные и высококачественные инструменты в ряде взаимодополняющих проектов, становятся друг для друга потребителями производимой ими продукции. Большинство отраслей, производящих продукцию для массового потребления, являются взаимодополняющими в том смысле, что они обеспечивают рынок и, таким образом, поддержку, друг для друга» (Nurkse [1953] 1962, p. 11).

По мнению Нурксе, ведущая роль в этом процессе должна принадлежать предпринимателям-новаторам в понимании Шумпетера. Вот что писал об этом Нурксе:

«В нынешней ситуации, на мой взгляд, главный вопрос состоит в том, чтобы понять, как подобное фронтальное наступление – волна инвестиций в ряде различных отраслей – может оказаться экономически успешным, в то время как любое крупное вложение капитала индивидуальным предпринимателем в отдельно взятой отрасли может быть заблокировано или наталкиваться на препятствия из-за ограничений уже существующего рынка» (Nurkse [1953] 1962, p. 13).

Тот факт, что роль предпринимателя в понимании Йозефа Шумпетера играли частные предприниматели, а не бюрократы в некоторых странах с плановой экономикой (как имел в виду Розенштейн-Родан, хотя он и выступал против советской модели), является второстепенным. Основной идеей было вмешательство на разных фронтах, осуществляемое одновременно и такими темпами, которые позволили бы набрать достаточную высоту, чтобы обеспечить взлет всей экономической системы.

Тем не менее Нурксе более скептически, чем Розенштейн-Родан, оценивал способность бедных стран аккумулировать капитал, необходимый для успешной индустриализации. Вдохновляясь работами Джеймса Дьюзенберри о «демонстрационном эффекте» (1949), Нурксе утверждал, что предельная склонность к сбережению в этих странах оказалась бы значительно ниже, чем в промышленно развитых странах, когда те находились на на-

чальном этапе индустриализации. Слабо веря в кратчайший путь, который в основном зависел от доходов в виде помощи со стороны развитых стран, Нурксе считал необходимым проведение в развивающихся странах жесткой финансовой политики, которая способствовала бы более эффективному накоплению и использованию внутренних ресурсов (Nurkse 1952)⁹.

НЕСБАЛАНСИРОВАННЫЙ РОСТ

Аналитические исследования, лежавшие в основе концепции сбалансированного роста, приветствовались большинством ученых, начинавших проявлять интерес к экономике развития. Эти рассуждения, «будучи новыми и нетрадиционными, стремительно превращались в 1950-х годах в новую ортодоксию по проблемам развития» (Hirschman 1984, p. 87). Тем не менее некоторые исследователи открыто выступали за то, чтобы рассматривать процесс экономического развития как принципиально несбалансированный.

Основными сторонниками этого второго подхода были Альберт О. Хиршман и Пол П. Стритен. Как подчеркивает Хиршман (Hirshman 1984, p. 87 n. 1), в 1958–1959 годах они оба независимо друг от друга опубликовали работы в поддержку несбалансированного роста¹⁰. Из этих двух работ наиболее широкую известность получило исследование Хиршмана благодаря содержащейся в нем радикальной критике: автор ставил под вопрос само значение и общую полезность теории сбалансированного роста.

«Моя принципиальная позиция заключается в том, что как теория *развития* данная теория несостоятельна. Развитие предположительно означает процесс *изменения* экономики из одного типа в какой-либо другой, более продвинутый. Однако этот процесс отвергается как безнадежный теорией сбалансированного роста, для которой оказывается затруднительным наглядно показать, каким образом можно в любой момент прервать «устойчивое равновесие экономической отсталости» [...]. Теория сбалансированного роста приходит к выводу, что абсолютно новая, самоподдерживающаяся современная промышленная экономика должна быть надстроена над застойным и тоже самоподдерживающимся традиционным сектором» (Hirschman [1958] 1963, pp. 51–52; курсив автора).

Таким образом, Хиршман сводил теорию сбалансированного роста к статическому сравнению двух гипотетических образов. Это было похоже на сравнение двух состояний равновесия – равновесия в состоянии «экономической отсталости» и равновесия в состоянии «развития» – без рассмотрения процесса перехода от одного состояния к другому. Поэтому Хиршман с особой страстностью выступал против господствующей точки зрения:

«Многие из тех, кто приезжает с Запада в слаборазвитые страны, бывают поражены и ошеломлены повсеместной нищетой и неэффективностью, необъятностью задач, запутанностью и неразрешимостью проблем! Первым делом хочется забыть раз и навсегда про всю эту отсталость и мечтать о совершенно новом типе экономики, о котором можно было бы сказать: *«Там красота, там гармоничный строй!»** (Hirschman [1958] 1963, p. 52).

В основе критического подхода Хиршмана лежит глубоко укоренившееся убеждение в том, что сводить проблему к отсутствию какого-либо элемента (прежде всего, капитала) в корне ошибочно. В самом деле, это предположение приводило к мысли о том, что достаточно импортировать или каким-либо иным способом приобрести недостающий ресурс, чтобы стимулировать развитие.

Это общее убеждение подкреплялось повсеместным применением моделей, разработанных Роем Харродом в 1939 году и Ивси Домаром в 1946 году в целях анализа проблем роста в *развивающихся* странах. Однако первоначально эти модели предназначались для изучения краткосрочных финансовых циклов в *развитых* странах. Поэтому инструменты, которые пытались заимствовать из этих моделей, не подходили для стимулирования роста в слаборазвитых странах. Как указывал Уильям Истерли, «модель Домара не задумывалась как модель роста, не имела смысла как модель роста, а ее создатель отказался от нее как от модели роста более сорока лет назад». Тем не менее он добавлял: «Модель роста Домара была и до сих пор остается самой распространенной моделью роста в истории экономической мысли» (Easterly 2002, p. 28). Согласно краткому изложению этой апокрифической традиции – так называемой модели Харрода–Домара, – рост экономики в стране прямо пропорционален и напрямую связан с темпом роста капиталовложений, который, в свою очередь, зависит от нормы сбережений данной страны. Составив простое уравнение, можно посчитать объем капитала, необходимого для достижения желаемого темпа роста. Разница между этим показателем и объемом капитала, фактически накопленного в стране, определяет финансовый разрыв, который необходимо преодолеть, чтобы достичь заданного темпа роста. По этой причине помощь со стороны международных организаций была частью общего механизма перечисления средств (Easterly 2002, p. 29; Hirschman [1977] 1981b).

Хиршман, напротив, считал ресурсы и элементы, необходимые для развития, латентными, скрытыми, иногда недоступными, но тем не менее существующими. В часто цитируемом отрывке он указывал: «Развитие зависит

* Цитата из стихотворения Бодлера «Приглашение к путешествию». Перевод И. Озеровой. – *Примеч. ред.*

не столько от нахождения оптимальных сочетаний имеющихся ресурсов и факторов производства, сколько от изыскания и мобилизации на цели развития ресурсов и возможностей, которые скрыты, рассредоточены или используются неэффективно» (Hirschman [1958] 1963, p. 5).

При ближайшем рассмотрении эта концепция не была чем-то совершенно оригинальным. Следует отметить, что она упоминалась и в работах тех ученых, которых Хиршман критиковал. Например, пытаясь оценить и выявить скрытые или неэффективно используемые ресурсы, Розенштейн-Родан и Нурксе писали о «скрытой безработице» в сельском хозяйстве. Разница заключалась в широте и разнообразии, которые Хиршман считал типичной особенностью этих «скрытых ресурсов» (Hirschman [1958] 1963, p. 6). Задача, таким образом, заключалась не только в том, чтобы создать капитал, продуктивно загрузив недоиспользованную рабочую силу в обществе, не имеющем никакого представления о сбережении. Скорее, было необходимо выявить существующий, но неиспользуемый капитал, «скрытую или неверно направленную предпринимательскую активность, [...] широкое разнообразие полезных навыков», а затем «совместить все эти элементы» (Hirschman [1958] 1963, p. 6, курсив автора). Хиршмана интересовали динамические стороны развития, а именно, *процесс* развития¹¹. Он указывал: «Наш подход вынуждает нас искать «механизмы нажима и поощрения», которые выявят и мобилизуют наибольшее возможное количество этих ресурсов» (Hirschman [1958] 1963, p. 6).

Одним из первых непосредственных выводов из этого подхода было, по меньшей мере, частичное признание бесполезности усилий, направленных на выявление и устранение мнимых «препятствий на пути развития» (таких как расширенные семьи, отсутствие организованных трудовых навыков, недостаток сырья или капитала, недостаток предпринимательского менталитета, неэффективность государственного управления), ликвидация которых способствовала бы развитию. Хиршман не придавал им большого значения. Их устранение в некоторых случаях могло быть отложено, в других не имело смысла, а в третьих препятствие могло быть превращено в достоинство (Hirschman [1965] 1971с).

При проведении анализа сторонники несбалансированного роста не заостряли внимания на отсутствии того или иного фактора производства, который в сочетании с другими факторами мог бы привести к увеличению темпов экономического роста. Наоборот, они обращали внимание на слабости самого процесса объединения факторов. Кажущаяся нехватка отдельных факторов или «предпосылок» стала симптомом недостаточной способности объединять и использовать эти факторы в процессе развития. Короче говоря, ученые выявили еще один дефицит, который отличался от других дефицитов по своему качеству и важности. Стритен подчеркивает: «Одним

из аспектов требования несбалансированности является то, что оно выявляет точки, в которых необходимы наиболее безотлагательные действия, и тем самым экономит ресурс, которого часто не хватает, а именно, способность принимать решения» (Streeten 1959, pp. 182–183).

Вторым, но не менее важным выводом было то, что эти ученые больше не считали необходимым концентрировать усилия, необходимые для индустриализации страны, в течение короткого периода времени. Метафора о «взлете» потерпела крах. В 1959 году Хиршман писал Андре Гундер Франку:

«Если мы хотим [сразу] перейти от одного состояния равновесия к следующему, тогда из-за прерывности и «невидимых» факторов, которые я *принимаю как данность*, «большой толчок» или «минимальное критическое усилие» являются необходимыми. Но если мы допустим, что промежуточные положения неравновесия, стимулирующего развитие, устойчивы, по меньшей мере, в течение ограниченных периодов времени, тогда мы можем разбить большой толчок на ряд более мелких шагов»¹².

Такое изменение перспективы имело большое значение. Внимание сконцентрировалось исключительно на *процессе*. Эта концепция способствовала изучению всех тех механизмов, последовательностей и инструментов, которые использовались для стимулирования капиталовложений или давали эффект «заражения». Как указывал Хиршман, «перед теорией и политикой в области развития стоит задача изучения того, при каких условиях решения в области развития могут быть востребованы, несмотря на эти несовершенства [процесса формирования решений], посредством инструментов пошагового продвижения или механизмов стимулирования» (Hirschman [1958] 1963, p. 26).

Речь шла, таким образом, о поиске «скрытой рациональности» (Hirschman 1984, p. 91), которая посредством заведомо неправильных или искаженных процессов могла бы стимулировать результативную серию инвестиций. Указывая путь, навязывая определенные решения в будущем и стимулируя увеличение спроса на какой-либо продукт путем повышения доступности другого продукта («производные потребности»), одно-единственное вложение капитала могло породить целую серию новых инвестиций. Оно могло стимулировать новых, ранее разочаровавшихся потенциальных инвесторов и дополнить недостаточный потенциал принятия решений. Хиршман назвал это явление «взаимодополняемостью» инвестиций и в полной мере раскрыл его через концепцию «прямых» и «обратных» связей (“forward” and “backward” linkages) в своей работе «Стратегия экономического развития».

Эти «связи» привели к отказу от синхронных способов решения проблемы индустриализации (таких как «большой толчок», «минимальное критическое усилие», «взлет») и заменили их поэтапными решениями, которые

больше подходили для развивающихся стран. В 1950-х годах пользовался известностью Александр Гершенкрон, благодаря исследованиям процессов индустриализации в Европе. Он опроверг концепцию «универсальной» модели, которую можно было применить и к странам, первыми прошедшим индустриализацию («лидерам»), и к тем странам, которые за ними последовали («опоздавшим»), и разработал понятие «замещающих факторов» (Gershenkron 1962; наиболее важные труды написаны в 1952–1957 годах). Вдохновленный подходом Гершенкрона к анализу развивающихся стран, Хиршман подчеркивал в его работах «последовательности [...], которые казались сомнительными или *al revés* (ошибочными) с точки зрения здравого смысла» (Hirschman 1984, p. 94).

Рассматривая вопрос о связи между внешней торговлей и экономическим ростом, Хиршман, к примеру, утверждал (в противовес господствующему мнению), что «страны стремятся развивать сравнительные преимущества в статьях *импорта*» (Hirschman [1958] 1963, p. 122; курсив автора). Импортные продукты определяют путь, доказывают существование внутреннего рынка и, весьма вероятно, – если они преодолеют определенный барьер – будут заменены отечественной продукцией: «Таким образом, импортные товары разведывают и определяют спрос в стране; они одновременно снижают степень неопределенности и сокращают торговые издержки, тем самым заметно приближаясь к отметке, при которой будут созданы экономические условия для развития отечественного производства» (Hirschman [1958] 1963, p. 121). В частности, это привело к изменению отношения к торговой политике: «Поддержку нарождающейся промышленности не следует оказывать *до того, как* эта промышленность встала на ноги, но ее следует предложить – если вообще предлагать – только после того как это произойдет» (Hirschman [1958] 1963, p. 124; курсив автора).

В более общем смысле концепция «связей» нацелена на определение всех процессов и последовательностей, которые доказали свою эффективность в продвижении дополнительных инвестиций в секторах или взаимосвязанных производствах. Это привело бы к инвестиционным решениям, принятие которых было бы сопряжено с большими трудностями, если бы они не осуществлялись поэтапно (хотя и по-прежнему спонтанно)¹³.

Размышляя о технологиях, наиболее подходящих для развивающихся стран, Хиршман обратил внимание на то, что экономические процессы, которые оставляют незначительное место для низкой производительности, были весьма полезны для развивающихся стран, в которых отсутствовали индустриальные традиции, поскольку эти процессы могли способствовать более высокой эффективности и производительности. Таким образом, они могли подтолкнуть эти страны к достижению стандарта эффективности производства, сопоставимого с уровнем развитых стран. Хиршман

объяснял это на примере воздушного и наземного транспорта. Страна, менее развитая в промышленном отношении, будет вынуждена обеспечивать высокий уровень ремонта и технического обслуживания воздушного транспорта, поскольку низкое качество работ привело бы к недопустимому уровню риска. Однако та же страна может позволить себе иметь плохие дороги, поскольку это влечет за собой более низкий риск.

Обобщая, Хиршман выделял те виды производственной деятельности, в которых *процесс* был важнее *продукта* (Hirschman [1958] 1963, p. 147). Примером отрасли, основанной на процессе, является металлургическое производство, в котором машины определяют темп работы и производительность труда рабочего. Напротив, в деревообрабатывающей промышленности и жилищном строительстве рабочие могут сами выбирать темп работы и привычные для них методы труда при создании продукта. В процессе таких размышлений Хиршман обнаружил «скрытую рациональность» в том, что некоторые развивающиеся страны отдают приоритет капиталоемкому (сконцентрированному на процессе), а не трудоемкому (сконцентрированному на продукте) производству (Hirschman [1958] 1963, chapter 8).

Таким образом, эта скрытая рациональность выступала, говоря словами Гершенкрона, в качестве «замещающего фактора» по отношению к некоторым культурным предпосылкам индустриализации (определенным этическим нормам или мотивации к успеху). Она также отменяла привычный рецепт, согласно которому развивающимся странам следовало экономить дефицитные ресурсы (капитал) вместо избыточных (труд). Хиршман высказывался в поддержку динамической концепции, которая фокусировалась на создании механизмов стимулирования процессов роста. Эти механизмы в функциональном отношении были бы эквивалентными способности принимать решения (которая тоже является дефицитным ресурсом, по мнению Хиршмана и Стритена).

Кроме того, Стритен заметил, что процесс несбалансированного роста позволит более эффективно использовать ресурсы в долгосрочной перспективе. И напротив, сбалансированный рост, если он вообще возможен, неизбежно приведет к несвоевременным или неэффективным инвестициям, поскольку он требует состояния равновесия на протяжении всего процесса развития. По этой причине Стритен также настаивал на том, чтобы считать «процесс» фундаментальным фактором. До некоторой степени парадоксально, что позиция Стритена опиралась на работы Шумпетера, который тоже подвергся критике со стороны сторонников сбалансированного роста.

«Шумпетер считал этот тип инвестиций [характеризующийся «взаимодополняемостью»] ключом к пониманию экономического роста. Прогресс зависит от адаптации пассивных секторов к активному сектору, в котором возникают инновации. [...] Мы должны

признать, что эволюция неравномерна, прерывиста и дисгармонична по своей природе. [...] История капитализма изобилует внезапными всплесками и катастрофами. [...] Эволюция [...] скорее напоминает серию взрывов, чем плавную, хотя и непрерывную, трансформацию» (Streeten 1959, p. 181)¹⁴.

Подходы к развитию: программные займы или проектные займы

В то время как дискуссии по поводу теорий сбалансированного и несбалансированного роста продолжались, еще одна дихотомия стала причиной споров среди экономистов в области развития: целесообразность выделения займов на широкомасштабные программы развития и на отдельные проекты.

ПРОГРАММНЫЕ ЗАЙМЫ

Как и следовало ожидать, сбалансированный рост воспринимался и обеспечивался посредством политики планирования, а именно, инвестиций в *программы*. Мы уже видели, что Розенштейн-Родан рекомендовал рассматривать весь промышленный сектор как «одну огромную фирму или трест». Только крупный объем инвестиционных средств, достаточный для того, чтобы охватить всю обрабатывающую промышленность, мог бы «запустить» процесс развития; отдельным проектам не удалось бы достичь критической массы. Кроме того, фундаментальное значение придавалось учету *состава* инвестиционных программ, а также размышлениям о возможном воздействии денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики на инициативы в промышленном секторе.

Крайне важным было достичь уровня инвестиций, который не только сохранял бы высокий уровень занятости, но и поддерживал рост производительности труда (Dasgupta 1965, p. 54). Рост потребления во вред инвестициям считался опасностью, которой следовало избегать. Решая проблему возможности увеличения зарплат и преодоления трудностей, связанных с инфляцией, индийский экономист А. К. Дасгупта предложил «систему мер контроля, похожих на меры контроля в период войны» (1949, перепечатано в: Dasgupta 1965, p. 37). Столь радикальная позиция, сформировавшаяся под влиянием послевоенной ситуации, легче поддается пониманию в свете анализа, выполненного Джоном К. Гэлбрейтом несколькими годами позже¹⁵.

«Для Индии и индийского правительства экономическое развитие является политической необходимостью. Возможно – всего

лишь возможно, – если бы развитие опиралось на рыночные стимулы, оно проходило бы столь же стремительно, как и под управлением государства, или еще быстрее. Но предположим, что этого не произошло бы. Предположим, что не хватило бы частной инициативы и предпринимательской дальновидности. Или капитала. Кто может быть в этом уверен? [...] В этом случае полагаться на свободное предпринимательство было бы смертельным риском (Galbraith 1958, p. 591).

В те годы Индия выполняла свой второй пятилетний план. Его основной целью было развитие тяжелой промышленности, которое правительство Неру считало приоритетной задачей экономического развития страны. В то время этот план восхваляли и критиковали как индийскую версию социалистической экономики. В действительности, Неру¹⁶ и Гэлбрейт (назначенный экономическим советником при правительстве Индии после своего рабочего дипломатического тура), будучи приверженцами кейнсианства, считали этот путь единственно возможным для обеспечения экономического развития.

ПРОЕКТНЫЕ ЗАЙМЫ

Как программный подход, так и теории сбалансированного роста подверглись суровой критике. В статье, написанной в конце 1960-х годов, Альберт Хиршман обобщил высказывавшиеся в те годы многочисленные критические замечания, направленные против программного подхода (Hirschman [1968] 1971b).

Во-первых, программа помощи, привязанная к комплексной программе экономического вмешательства, а не к отдельному проекту, вероятнее всего, затронет макроэкономические вопросы, такие как отношение между инвестициями и потреблением, относительный масштаб государственного и частного секторов или курсы валют и система цен. При изменении этих переменных некоторые группы населения в стране, получающей помощь, явно выиграют от проведения реформ, в то время как другие группы – по крайней мере, в краткосрочном периоде – пострадают. Согласно Хиршману, первым и основным последствием применения программного подхода будет усиление внутренней оппозиции, что невозможно в случае отдельно взятого проекта, пусть даже очень значимого.

Во-вторых, программа помощи рискует оказаться бесполезной или чрезмерной тратой средств. Необходимо, чтобы правительство, получающее пакет помощи, направленной на достижение тех или иных макроэкономических целей, уже было привержено этим целям, независимо от полученной помощи. Таким образом, ценность помощи заключается лишь в том, чтобы «вознаградить добродетель [...] там, где добродетель спонтанно проявляет себя» (Hirschman [1968] 1971b, p. 277). С другой стороны, если кто-то считает, что по-

мощь может подтолкнуть правительство к проведению политики, к которой оно в противном случае не проявило бы интереса, тогда задача сильно усложняется, превращаясь в «насаждение добродетели» ([1968] 1971b, p. 278). В этом случае помощь будет обречена на неудачу, потому что правительства чаще всего не любят, когда им что-то навязывают. В продолжение этой мысли надо отметить, что многосторонние кредитные учреждения традиционно сосредотачивают свое внимание на финансово-бюджетных и денежно-кредитных показателях, которые, в отличие от практической применимости программных займов, легко контролировать. В результате эти учреждения уделяют намного меньше внимания экономическому росту или социальной справедливости, которые предположительно являются основными целями помощи.

Поэтому, согласно Хиршману, политика помощи, сосредоточенная на индивидуальных проектах, хотя и менее амбициозна, в конечном счете, оказывается более реалистичной и эффективной.

Отголоски споров в МБРР о теории развития

Внутри Банка споры о различных подходах к стимулированию развития бедных стран вылились в дискуссию между сторонниками программных займов и теми, кто выступал за предоставление займов на конкретные проекты.

КОНФЛИКТ ПОДХОДОВ: ПРОГРАММЫ ПРОТИВ ПРОЕКТОВ

В докладе миссии Карри четко выражена позиция, поддерживающая сторонников программного подхода. Локлин Карри часто подчеркивал необходимость разработки единого плана развития. В августе 1950 года, выступая в Американской академии политических и социальных наук, он заявил:

«Необходимо, чтобы наступление на эту проблему велось в рамках всеобъемлющей общей программы, которая обеспечит одновременные действия на многих фронтах. Экономические, политические и социальные явления настолько взаимосвязаны и переплетены, что сложно осуществить значительное и долгосрочное улучшение в одном секторе экономики, не затронув другой сектор [...]. Бедность, плохое состояние здоровья, безграмотность, отсутствие честолюбия, низкая производительность не только сопутствуют друг другу, они фактически усугубляют и поддерживают друг друга» (Currie 1950, p. 5).

Сторонники проектных займов, напротив, настаивали, что согласно Уставу банка «Займы, выделяемые или гарантированные Банком, направлены, за исключением особых случаев, на достижение целей отдельных

проектов в области реконструкции и развития»¹⁷. В связи с этим Банк мог заручиться стабильной поддержкой американских инвесторов (являвшихся основным и практически единственным источником финансовых средств, которые можно было тратить на международных рынках сразу после Второй мировой войны), только если он строго придерживался этой практики. Только индивидуальные и тщательно отслеживаемые проекты могли гарантировать американским финансовым рынкам, что займы используются в соответствии с жесткими критериями ответственного экономического управления (этот вопрос будет обобщен в главе 4).

Локлин Карри был не единственным, кто выступал за широкие и многосторонние программы развития. В период с 1947 по 1952 год Пауль Розенштейн-Родан, в то время наиболее влиятельный теоретик-экономист в Банке, противостоял растущему стремлению Банка повысить склонность к финансированию индивидуальных проектов¹⁸. В частности, Розенштейн-Родан утверждал, что привязывать заем к отдельному, четко определенному проекту невозможно. Он считал, что займы на самостоятельные проекты будут в итоге направлены на финансирование несущественного проекта, который страна-получатель свернула бы, если бы не получила от Банка кредитную линию. Другими словами, эти средства пойдут на финансирование проекта, который страна, по-видимому, в любом случае завершила бы. Речь шла о проблеме «взаимозаменяемости» ассигнований – по меньшей мере, частичного перевода средств из одной статьи расходов в другую, – что создавало, по словам Розенштейна-Родана, «проблему из области психоанализа: почему группа умных людей совершила то, что любой экономист (и не только экономист, а вообще любой логически мыслящий человек) расценил бы как довольно экстравагантное отклонение от курса, и начала придавать преувеличенное значение проектам [...]. Банк считал, что он финансирует электростанцию, а на самом деле финансировал бордель» [19].

Чтобы лучше понять существо дискуссии, интересно отметить, что в ответ на введение Банком ограничений на использование заемных средств правительство Колумбии намеренно пошло на обман, используя принцип «взаимозаменяемости», во время переговоров о предоставлении займа на улучшение водоснабжения Боготы, которая постоянно страдала от дефицита питьевой воды²⁰. Поскольку правительство Колумбии знало, что на электрификацию получить средства будет легче, чем на питьевую воду (используемую в основном для бытового водоснабжения), предварительный доклад, подготовленный ведомством, отвечавшим за контакты с Банком, запрашивал заем только на проект электрификации²¹. Однако в действительности запрашиваемая сумма покрывала стоимость обоих проектов – электрификации и питьевого водоснабжения.

ПРОГРАММА ИЛИ ПРОЕКТ: БАНК МЕНЯЕТ СВОЕ МНЕНИЕ

Даже несмотря на то, что склонность Банка предоставлять займы на индивидуальные проекты была закреплена в его Уставе, в годы переориентации от восстановления Европы к поддержке развития стран Третьего мира в Банке шли серьезные внутренние споры о масштабах и содержании этого мандата, а именно, об «особых обстоятельствах», определенных в Уставе, которые позволяют Банку делать исключения из этого правила. Хотя эта дискуссия была характерна для переходного периода, обсуждавшиеся в ней конкретные вопросы – а именно: имеет ли смысл выделять займы на самостоятельные проекты; насколько реалистично предлагать единые инвестиционные планы – возникли еще раньше. Следует отметить, что конфликт между двумя вариантами проявился, только когда Банк начал заниматься бедными странами.

Все авторы работ о начальном периоде деятельности Банка сходятся во мнении, что первые займы Банк выдавал на крупные восстановительные программы. Первый и самый крупный заем в 250 млн долл. США²² был выдан Франции в 1947 году. Все другие займы европейским странам шли на «правительственные программы по восстановлению стран» и «отличались от того, что рассматривалось как стандартная форма займов» (Kraske 1996, p. 55). Однако, по мнению вице-президента Банка Роберта Гарнера, займы на восстановление Европы считались исключением: «В то время казалось, что [они] не станут прецедентом для обычной деятельности»²³.

Другими словами, высшее руководство Банка не считало частью его роли предоставление займов на осуществление общих программ развивающимся странам. Исключения в пользу программных займов делали неохотно, как в случае с послевоенным восстановлением Европы.

Однако документы Банка не отказывались полностью от риторики, связанной с «планированием» и «программами». В те годы программы развития, в которые воплощались меры по модернизации какой-либо страны, были привычным делом, и многие миссии и организации разрабатывали такого рода программы. Как мы уже видели, миссия Карри получила широкий мандат и провела объективное и тщательное исследование социально-экономической ситуации в Колумбии. В публикациях Банка отмечалось, что «Банк предпочел бы [...] осуществлять финансирование на основе национальной программы развития, при условии что в ней тщательно проработаны те проекты, с помощью которых должны быть решены поставленные в ней задачи» (IBRD 1950с, p. 8).

Несмотря на это, Банк все чаще финансировал индивидуальные проекты – и эта практика продлится еще многие годы. В подготовленной сотрудниками Банка публикации, излагающей его цели и стратегии, этот вопрос излагается следующим образом:

«В отношении каждой страны-заемщика Банк стремится определить подходящие инвестиционные приоритеты, а затем адаптировать свою программу финансовой помощи таким образом, чтобы она удовлетворяла эти приоритетные потребности. Следуя этому подходу, Банк поощрял своих членов формулировать долгосрочные программы развития. [...] Существование такой программы, особенно в странах, чьи инвестиционные потребности высоки по сравнению с имеющимися финансовыми средствами, очень облегчает задачу выявления наиболее приоритетных проектов в свете их будущего вклада в реализацию программы в целом. [...] Если бы Банк давал займы на неуточненные цели или нечеткие программы развития, не проработанные до уровня конкретных проектов, при помощи которых программа планирует достичь своих целей, то существовала бы опасность, что средства Банка будут использованы на проекты, лишенные экономического или технического обоснования, на низкоприоритетные проекты либо на экономически неоправданный импорт потребительских товаров» (IBRD 1954, pp. 44–45).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Чтобы перейти к следующему этапу нашей дискуссии, важно изучить размышления Альберта Хиршмана об обстоятельствах, которые способствовали созданию его теорий. В предисловии к книге «Стратегии экономического развития», опубликованной в 1958 году, Хиршман заявил, что главная цель ее написания – «рассказать о своем непосредственном опыте, приобретенном в одной из так называемых слаборазвитых стран», то есть «поразмышлять о колумбийском опыте» (Hirschman [1958] 1963, pp. v–vi). Наблюдения, сделанные им во время пребывания в Колумбии, – как он еще раз объяснил в статье, написанной в 1980-е годы, – «стали ключевыми элементами концептуальной структуры, которую я создал примерно тремя годами позже в «Стратегии» (Hirschman 1984, p. 94).

Важно отметить – как будет показано в следующем разделе, – что эта концептуальная структура была создана в противовес теории Локлина Карри. Когда Хиршман прибыл в Колумбию в качестве советника Всемирного банка по экономическим вопросам, Карри уже работал там в течение трех лет: вначале как глава миссии Всемирного банка, а затем как экономический советник при правительстве Колумбии. Это было незадолго до того, как два экономиста достигли точки взаимной неприязни. В своем интервью в 1994 году Хиршман так вспоминал об этой ситуации: «Я чувствовал себя немного подавленным. Кроме того, мы спорили с другими консультантами из Америки [...], особенно с одним канадцем, Локлином Карри, который был членом

«мозгового треста» Рузвельта и человеком значительного ума» (Hirschman [1994] 1998, p. 81). Имеет смысл глубже рассмотреть теоретическую природу спора двух экономистов.

Конфликт Карри и Хиримана: денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика

Разногласия между Локлином Карри и Альбертом Хиришманом в рамках работы в колумбийском Совете вспыхнули, когда они совместно занимались положением в денежно-кредитной сфере и бюджетным планированием в стране. В некоторых отношениях их взгляды действительно расходились. Однако по другим вопросам, некоторые из которых были важными, их позиции имели между собой много общего.

АНАЛИЗ ОБЩЕЙ СИТУАЦИИ

Карри и Хиришман с одинаковых позиций оценивали условия в стране в денежно-кредитной сфере. Первым документом, имеющимся по этому вопросу, является меморандум, подготовленный Карри в конце мая 1952 года.

По мнению Карри, хотя в стране не было инфляции, стремительный рост государственных депозитов угрожал инфляцией. Если бы правительство тратило эти средства столь же быстро, это бы вызвало рост частных депозитов и соответствующий рост резервов коммерческих банков, тем самым создавая риск вторичного увеличения кредитов и депозитов. Внезапный рост денежной наличности в руках граждан обязательно привел бы к росту инфляции²⁴. Колумбийскому правительству следовало сосредоточить внимание на контроле долга коммерческих банков со стороны Центрального банка. Контролируя долг, правительство могло бы контролировать резервы коммерческих банков и частных депозитов²⁵.

Месяц спустя Хиришман выступил с аналогичным аналитическим докладом, сообщая об «инфляционной тенденции». Далее он писал: «Общественные работы, уже выполняемые или только планируемые [...], станут новым источником платежных средств в руках населения и будут, таким образом, выступать как постоянный фактор инфляции»²⁶. Расширяя анализ Карри, Хиришман указывал на краткосрочный циклический фактор: финансирование сельскохозяйственного сезона в период ожидания сбыта продукции, что позволяет фермерам возвращать заемные средства, полученные в первой половине года. Несмотря на сезонный характер этого фактора, в последние годы доходов всегда не хватало, чтобы выплатить все займы²⁷. Как и Карри, Хиришман считал, что еще не время охлаждать эту вероятную инфляционную тенденцию, но он предлагал постоянно отслеживать ситуацию и избегать превышения уровня государственных расходов.

Анализ государственного бюджета также подтвердил присутствие инфляционного давления. Это был еще один вопрос, по которому два экономиста сходились во мнении. Хиршман отмечал, что даже при небольшом профиците текущего платежного баланса в первом полугодии 1952 года амортизация государственного долга осложнила бы формирование общих излишков, накопленных по результатам особенно эффективно управляемого бюджета 1951 года. Вытекающая из этого экспансионистская денежно-кредитная политика добавила бы новые расходы к уже запланированным на второе полугодие затратам на нужды национальной полиции и военного министерства. Хиршман так говорил об этом: «Необходимо четко понимать, что с экономической точки зрения высвобождение этих излишков означает создание новых платежных средств»²⁸. Впоследствии это приведет к дефициту, а затем и к «уменьшению государственных депозитов в Банке Республики»²⁹.

Если правительство не сможет держать расходы различных министерств под строгим контролем, в следующем году проблема усугубится еще больше. Фактически данные, полученные в конце августа 1952 года, показали, что прогнозы по всем министерствам превысили бюджет, установленный правительством.

«Общие расходы согласно бюджетным ассигнованиям, установленным Президентом, составили 614,9 млн колумбийских песо. Тем не менее министры в своих проектах на 1953 год не смогли остаться в этих рамках. К этому моменту общие расходы составили 718,8 млн колумбийских песо. Эта цифра еще вырастет, когда остальные министерства (иностраннных дел, юстиции, санитарного надзора, общественных работ) представят свои проекты»³⁰.

Даже без учета предполагаемых расходных показателей Министерства общественных работ, этого преимущественно расходного министерства, сценарий на 1953 год выглядел весьма проблематичным, особенно учитывая циклическое увеличение платежных средств в первом полугодии каждого года в результате выдачи займов фермерам³¹. Хиршман и Карри, оба приходили к выводу, что вероятность инфляции, угрожавшей экономическому развитию и социальной стабильности в стране, была весьма велика.

ГИПОТЕЗЫ

Первым способом решить, по крайней мере частично, возникавшую проблему инфляции было рефинансирование долга Министерства финансов. Этот долг составлял около половины прогнозируемого дефицита; цель рефинансирования состояла в том, чтобы сдержать развитие проблемы³².

Решить проблему другой половины дефицита было куда труднее. Первоначально Карри и Хиршман сочли необходимым оценить статьи расходов различных министерств и перераспределить доли расходов между ними; таким образом, оба советника пытались сократить огромный объем средств, выделяемый министерствам, ведающим «общественным порядком» – военному министерству, министерствам полиции и юстиции, – чьи расходы колоссально выросли после апрельских событий 1948 года (убийства Гайтана и восстания «Боготасо») ³³. Одни эти три министерства тратили больше средств, чем министерства труда, социального обеспечения, общественных услуг, сельского хозяйства, образования, охраны здоровья, торговли и нефти, коммуникаций и телефонной связи, а также национального строительства вместе взятые, плюс государственные вклады в Аграрный кредитный фонд. С другой стороны, расходы министерств сельского хозяйства, охраны здоровья и образования составляли всего 14% общих расходов ³⁴ – крайне низкий показатель, учитывая важность задач этих министерств. Карри и Энрике Пеньялоса объявили, что «основной задачей должно быть постепенное перераспределение расходов в целях достижения более благоприятного воздействия на благосостояние граждан» ³⁵.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Экономические консультанты Совета полностью разошлись во мнениях по поводу оценки доходов на следующий год. Позиция Карри и Пеньялосы была довольно оптимистичной: «В такой стране, как Колумбия, где развитие идет полным ходом, доходы и имущество, подлежащие налогообложению, растут из года в год» ³⁶. Исходя из этого, по их подсчетам, дефицит наличных средств был крайне невелик – примерно 7 млн колумбийских песо. Они полагали, что при особенно благоприятном сценарии налоговых поступлений будет достигнут небольшой профицит ³⁷.

Хиршман гневно отреагировал на меморандум Карри и Пеньялосы. Во-первых, он выразил недовольство тем, что этот меморандум переключался с меморандумом на ту же тему, который в это же время представил президенту Республики министр финансов. Хиршман утверждал, что это подрывало репутацию Совета, который, по-видимому, был неспособен координировать работу с другими институтами. Это также угрожало доверительному сотрудничеству с министерствами, которое являлось предпосылкой эффективного влияния Совета на бюджетную политику ³⁸.

Во-вторых, Хиршман считал, что чрезмерно оптимистичная оценка будущих налоговых поступлений окажется явно вредоносной для подготовки бюджета на следующий год:

«Нужно быть наивным, чтобы не знать, что предварительные подсчеты Бюджетного управления были намеренно слегка занижены.

Министр финансов и директор Бюджетного управления вынуждены бороться с завышенными претензиями министров на первом этапе подготовки бюджета, и поэтому заниженная оценка доходов правительства является очень важной тактикой в сложной защите сбалансированного бюджета. Подготовив и распространив высокую и преувеличенную оценку дохода, Совет нанес серьезный ущерб министру финансов и директору Бюджетного управления в этой защите»³⁹.

Хиршман утверждал, что в идеале Колумбии хорошо бы иметь не только сбалансированный бюджет, но и бюджетный профицит. По этой причине доходы следует оценивать на разумно низком уровне⁴⁰.

Как мы видели в главе 2, Хиршман в своем письме Бёрку Нэппу ссылался на «грубую ошибку» Карри. Возможно, этой ошибкой (которая, по мнению Хиршмана, должна была уничтожить его соперника) была именно публикация меморандума, написанного Карри и Пеньялосой. Даты меморандума и письма Хиршмана Нэппу соответствуют этой гипотезе. Вероятно, Хиршман верил, что разочарование министра финансов меморандумом Карри и Пеньялосы, ослаблявшим позиции министра в борьбе против расточительных министерств, будет достаточным поводом для немедленной отставки Карри. Этого, однако, не произошло, и остается неясным, действительно ли меморандум Карри–Пеньялосы обеспокоил министра финансов.

Основным выводом из этого эпизода является то, что разногласия между Карри и Хиршманом были прежде всего тактическими. Как мы уже видели, они придерживались единой точки зрения на первоначальный анализ положения страны в денежно-кредитной и налогово-бюджетной сферах и способы решения проблем. Столкновение касалось вопроса о том, стоит ли раскрывать прогнозы доходов на следующий год, и если да, то в какой степени.

Это столкновение произошло как раз в период напряженности, описанный в главе 2. В качестве дополнительного доказательства крайней взаимной неприязни Карри и Хиршмана следует упомянуть, что Хиршман поставил под сомнение данные, представленные Карри и Пеньялосой, как «ненаучные», в результате чего дискуссия свелась к выяснению характера и значения цифр⁴¹.

Конфликт Карри и Хиршмана: металлургическое производство

Хиршман и Карри разошлись во мнениях также по вопросу о целесообразности строительства завода с полным металлургическим циклом в Пасдель-Рио. Чтобы полностью понять значение этого спора, стоит детально рассмотреть обе позиции. Начнем с Карри и миссии 1949 года.

АНАЛИЗ, ПРОВЕДЕННЫЙ МИССИЕЙ КАРРИ

В конце Второй мировой войны в Колумбии практически не существовало сталеварения. В 1947 году собственное производство обеспечивало только 7% внутреннего потребления стали в стране, благодаря двум сталелитейным заводам с электропечами, построенным незадолго до этого в Медельине и Пачо; первый изготавливал стержневую арматуру и полосовую сталь, а второй – чугун в чушках (IBRD 1950a, p. 90, table 20, and pp. 96 and 417)⁴².

Учитывая значительную стратегическую заинтересованность Колумбии в производстве стали и большой объем предлагаемых инвестиций, который повлиял бы на общую стратегию индустриализации в стране, миссия Карри уделила этому вопросу особое внимание. Раздел доклада, освещающий эту тему, во многом опирался на работу Карла Флешера, эксперта миссии по вопросам промышленности, топлива и энергетики. Особое внимание доклад уделял внутреннему рынку, что было характерно для того времени, особенно когда речь шла о развивающихся странах. Было маловероятно, что нарождающаяся промышленность могла бы производить продукцию на экспорт, ввиду высоких цен и/или низкого качества (Krugman 1993). Миссия подсчитала, что в 1955 году внутренний рынок сможет потребить около 150 тыс. т стали. При этом около 44 тыс. тонн составляли трубы большого диаметра, экструдированные профили и сталь для строительства зданий, что не оправдывало крупных капиталовложений, необходимых для создания отечественного производства. За вычетом этого, потенциальный спрос на отечественную продукцию в будущем составил бы около 100 тыс. т в год (IBRD 1950a, p. 418). После периода, когда страна не достигала даже уровня в 10 тыс. т в год, правительство активно наращивало темпы национального производства стали, Миссия Карри одобрила эти устремления и оценила варианты наиболее успешного достижения этой цели.

Когда миссия прибыла в Колумбию, два варианта уже рассматривались. Первый, получивший поддержку правительства, заключался в строительстве комбината, использующего внутренние ресурсы железа и угля. Второй вариант, предложенный частными группами, был скромнее. Он предполагал переработку металлолома вместо строительства завода с полным металлургическим циклом.

Возможность строительства металлургического комбината в Колумбии изучалась на протяжении многих лет. В 1944 году американская компания «Роллинг Милл», которую попросили провести исследование, рекомендовала отказаться от строительства. Другая американская компания – «Копперс» – придерживалась иного мнения и в январе 1949 года предложила построить завод в небольшом городке Беленсито в административном регионе Бояка, расположенном в нескольких милях от Пас-дель-Рио, где ранее были открыты месторождения угля, железа и кальция. Завод, пред-

ложенный компанией «Копперс», должен был производить 200 тыс. т в год, а его строительство стоило бы почти 95 млн долл. США. В октябре того же года «Копперс» снизила предлагаемый объем производства до 100 тыс. т, а стоимость строительства завода – до 40 млн долл. США, что тоже было недешево (IBRD 1950a, pp. 419–420). Вероятнее всего, новое предложение «Копперс» стало попыткой избежать критики со стороны миссии Карри, которая сомневалась в рентабельности крупного комбината.

Правительство постоянно оказывало давление на миссию, чтобы та дала согласие на проект «Пас-дель-Рио», но Флешер и Карри придерживались иного мнения⁴³. В своем итоговом докладе миссия раскритиковала оба предложения «Копперс». Во-первых, миссия утверждала, что итоговая стоимость завода, вероятнее всего, значительно превысит предварительные оценки. Стоимость аналогичных проектов в Чили и Бразилии, осуществленных несколькими годами ранее, превысила предварительные оценки в три раза⁴⁴. В частности, в докладе миссии подчеркивалось, что «Копперс» не учла некоторых существенных расходов, таких как «жилищное строительство и коммунальные объекты; создание центрального и вспомогательных складов для эффективного распределения конечной продукции; материалы для запуска производства; обучение рабочих и различные более мелкие расходы» (IBRD 1950a, p. 421).

Во-вторых, методы финансирования и мотивации не выглядели убедительно. В 1947 году для реализации проекта была создана государственная компания «Эмпреса сидерурхика насьональ де Пас-дель-Рио». В попытке превратить ее в открытую акционерную компанию, был издан указ (№ 4051 от 20 декабря 1949 года), согласно которому налогоплательщики могли использовать 2,5% суммы налогов, начисляемых по обычной ставке, на покупку акций компании. Хотя этот шаг мог быть эффективным способом сбора средств, он не оказывал стимулирующего воздействия на руководство компании: учитывая стратегическое значение производства стали, фактическую невозможность банкротства из-за поддержки государства и то, что все необходимые займы будут гарантированы государством, легко можно было предположить, что государство никогда не откажется от жесткого контроля над заводом. Миссию беспокоило, что руководство завода будет занято политикой, а не вопросами экономической и производственной эффективности (IBRD 1950a, p. 422).

В-третьих, ряд технических и географических характеристик свидетельствовали не в пользу осуществления проекта: низкое качество полезных ископаемых в Пас-дель-Рио, исчерпаемость и большая глубина залегания угольных месторождений, недостаток проточной воды, необходимой для системы охлаждения, и высота района над уровнем моря, затруднявшая процесс горения. Более того, территориальное расположение завода

было крайне неудобным. Metallургический комбинат в Беленсито был бы удален от основных транспортных магистралей страны. Продукцию пришлось бы транспортировать в Боготу по железной дороге, а из Боготы направлять в пункты назначения тоже по железной дороге, но с другой шириной колеи. Удаленность уменьшила бы привлекательность Беленсито для строительства других машиностроительных заводов, сдерживая, таким образом, создание «полюса роста». Это, в свою очередь, сделало бы невозможным использование побочных продуктов завода (например, избытка газа, превышающего потребности завода).

По оценкам миссии, все эти препятствия значительно повысили бы цену продукции, по сравнению с мировыми ценами. Даже первое, более масштабное предложение о производстве 200 тыс. т стали не изменило бы ситуацию, поскольку не привело бы к экономии на масштабе, которая могла бы обеспечить рентабельность проекта. Доклад приходил к выводу, что «территориальное расположение завода, с одной стороны, и неразвитость рынка с другой, обуславливают преждевременность и нецелесообразность строительства в данный период времени как крупных, так и мелких металлургических комбинатов в Беленсито» (IBRD 1950a, p. 425). Даже прогнозируемое развитие весьма отсталых в экономическом отношении районов, таких как Бояка и Сантандер, не являлось достаточным оправданием для осуществления проекта. Предлагалось рассмотреть другие, менее дорогостоящие и более рентабельные варианты, поскольку завод в Беленсито станет невыносимым бременем для экономики страны (IBRD 1950a, pp. 423–425).

Доклад предлагал другое решение: построить меньший по размерам сталелитейный завод по переработке импортируемого металлолома в Барранкилье, на северном побережье страны. Завод будет иметь электропечь для металлолома или чугуновых болванок, прокатный, сортовой и волочильный станы. В отличие от проекта «Пас-дель-Рио», не требовалось дополнительно строить электростанцию, так как она уже имелась в городе и была способна обеспечить потребность нового завода в энергии. Аналогичным образом, поскольку Барранкилья уже обладала достаточно развитой инфраструктурой, не требовалось строить жилье для рабочих. И, что самое важное, осуществляя только переработку металлолома, этот завод не нуждался в коксовой и доменной печах. Таким образом, реализация этого проекта казалась более легкой, чем проекта Пас-дель-Рио, а также более дешевой: стоимость проекта составляла менее 10 млн долл. США, из которых лишь половина должна быть потрачена на приобретение импортной продукции⁴⁵. В результате Международный банк затратил бы только 5 млн долл. США. Расположенный при впадении в море одного из немногих внутренних водных путей, этот завод мог бы снабжать продукцией не только внутренний рынок, но и рынки других стран Карибского бассейна (IBRD 1950a, pp. 426–427).

Кроме строительства сталелитейного завода в Барранкилье, доклад рекомендовал расширить металлопрокатный завод в Медельине, который мог использовать имеющуюся в изобилии электроэнергию и увеличить объемы производства прокатных профилей и чугунных болванок более чем в два раза при вложении 500 тыс. долл. США (IBRD 1950a, p. 427). Несомненно, доклад миссии Карри вызвал неприятные чувства в компании «Эмпреса».

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Вскоре после публикации доклада местные газеты запестрели заголовками о яростных спорах, которые тут же последовали за публикацией: «Руководство «Пас-дель-Рио» исправляет решение Карри», «Бояка не согласна с решением Карри», «План Карри невыполним», «Доклад мистера Карри ставит крест на Колумбии»⁴⁶. Поскольку мнение комиссии было известно еще до публикации доклада, в течение всего 1949 и в первой половине 1950 года колумбийское правительство находилось под постоянным давлением с тем, чтобы удержать миссию от наложения вето на строительство завода в Пас-дель-Рио.

В некоторых документах Международного банка, начиная с июля 1950 года, можно найти информацию о том, что правительство Колумбии обратилось к Банку Франции с просьбой о выдаче займа в 25 млн долл. США на покупку оборудования для сталелитейного завода, не уведомив об этом Международный банк⁴⁷. Доклад миссии Карри еще не был опубликован (его должны были опубликовать 14 августа 1950 года), однако между Международным банком и правительством Колумбии существовало соглашение о том, что оно должно информировать Банк о любых контактах с третьей стороной в целях получения дополнительных займов. Причиной для подписания данного соглашения было желание банка иметь четкие представления о финансовом положении в стране и обсуждать стратегии *до того*, как правительство возьмет дополнительные займы⁴⁸. Получение правительством кредитов от других учреждений затруднило бы выплату долга Банку или дальнейшую реализацию программы развития, которая могла бы предусматривать открытие Банком новых кредитных линий. Эта инициатива колумбийского правительства ставила под вопрос полезность Общей обзорной миссии и ее доклада.

Пока доклад Карри готовился к публикации, отношения между Банком и правительством Колумбии достигли низшей точки. Банк счел, что Колумбия «нарушила условия соглашения»⁴⁹, и 22 августа 1950 года, спустя неделю после публикации доклада Карри, Роберт Гарнер обратился с резким протестом к министру финансов Колумбии:

«Банк считал искренними желание правительства Колумбии строить свои планы и программы развития в соответствии с ре-

зультатами исследования колумбийской экономики, проведенного миссией Карри, и намерение Вашего правительства учитывать выводы и рекомендации миссии при распределении средств (собственных и зарубежных), которыми располагает Колумбия для осуществления инвестиций в развитие экономики. По этой причине Банк глубоко разочарован тем, что накануне публикации доклада Карри Ваше правительство без предварительных консультаций и уведомления Банка взяло на себя обязательства по реализации единственного проекта, который, если он будет осуществляться в его нынешней форме, поглотит значительную часть инвестиционных ресурсов Колумбии»⁵⁰.

В частности, упомянув каждое из условий соглашения, подписанного Банком и колумбийским правительством – «гарант должен незамедлительно уведомить Банк о конкретном предложении [связанном с принятием обязательств, ответственности или гарантий по выплате любого внешнего долга] и прежде, чем принять это предложение, предоставить Банку любую возможность [...] обменяться мнениями с гарантом относительно такого предложения»⁵¹, – Гарнер пригрозил заморозить кредиты согласно условию, при котором:

«Банк считает крайне важным полное признание и принятие этих условий [...]. Банк должен получить данное согласие прежде, чем Президент Банка будет иметь все основания рекомендовать Совету исполнительных директоров конкретное решение по вопросу о выдаче займа компании Central Hidroelectrica del Río Anchicaya Ltd»⁵².

По-видимому, угроза возымела действие: заем на строительство электростанции в Анчикайя был выдан через два с половиной месяца, 2 ноября 1950 года⁵³.

Как мы видели в главе 2, колумбийское правительство создало для изучения доклада Карри Комитет по экономическому развитию, который приступил к работе 28 сентября 1950 года. Первым вопросом на повестке дня президента Комитета Мартина дель Корраль было, как и ожидалось, строительство завода в Пас-дель-Рио⁵⁴.

Не прошло и месяца с момента создания Комитета, как отношения между ним и правлением «Пас-дель-Рио» серьезно ухудшились. Американская консалтинговая фирма «Артур Джи Мак-Ки», которую наняло правление, направила в Колумбию своего вице-президента Уильяма А. Хейвена. Хейвен попытался подорвать авторитет Комитета и его доверие к выводам доклада Карри, утверждая, что ни один представитель Комитета не имеет достаточной компетенции, чтобы обсуждать целесообразность строительства и технические параметры металлургического завода. Одновременно с этим

правление выкупило рекламное место в газетах, чтобы публично осудить обструкционизм, которому, по ее мнению, она подвергалась. В то же время правление утверждало, что стране нужна независимость от иностранцев в стратегически важном сталелитейном секторе, пока на рынке металлолома установился вялый спрос⁵⁵. Очевидно, что в столь напряженной ситуации правление было обеспокоено⁵⁶. «Не вызывает сомнений, – писал Жак Торфс своему непосредственному руководителю Леонарду Ристу, – что на Кабинет оказывают сильнейшее давление с тем, чтобы он аннулировал ограничительные меры, принятые согласно общей программе [...]. Как консервативные так и либеральные группы критикуют правительство за отказ от проекта “Пас-дель-Рио”»⁵⁷. Несмотря на это, Карри писал вице-президенту МБРР Роберту Гарнеру: «Комитет определенно на нашей стороне»⁵⁸.

Новый президент Комитета Рафаэль Обрегон написал памятную записку, которая, как казалось, частично подтверждала впечатление Карри. Местом строительства нового завода был выбран Пас-дель-Рио, что расходилось с предложением миссии Карри. Это само по себе было значительной уступкой правлению, учитывая, насколько серьезно миссия Карри критиковала неподходящее место для строительства завода. Несмотря на это, почти по всем остальным вопросам Обрегон фактически был на стороне миссии Карри. Учитывая высокую стоимость завода, предложенного правлением, Обрегон рекомендовал Комитету тщательно изучить проект, предложенный миссией Карри, который требовал меньших затрат и, что самое главное, был одобрен МБРР⁵⁹. Сооружение крупного сталелитейного завода происходило бы за счет других общественных работ, которые тоже считались необходимыми для развития страны, и потребовало бы непомерно большого объема ресурсов. Обрегон заявлял: «Мы все обеспокоены тем, что затраты на строительство завода лишат части финансирования другие приоритетные общественные сферы, такие как строительство дорог, нефтепроводов, сельское хозяйство, образование, здравоохранение и др. Имеющиеся средства в виде национальных сбережений и международных кредитов ограничены, и вложение капитала в один проект лишает средств остальные»⁶⁰. Две недели спустя был готов новый документ, несколько черновых вариантов которого подготовил неутомимый Карри. В этом документе предлагалось компромиссное решение.

«ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДОКЛАД МИССИИ КОМИТЕТУ» И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ФЛЕШЕРА

Общее мнение сводилось к тому, что продукция нового завода должна быть конкурентоспособной по отношению к импортным изделиям, которые к тому времени почти полностью удовлетворяли потребности страны в стали. Это позволило бы снизить нагрузку на платежный баланс. Для до-

стижения этой цели нужно было, прежде всего, оценить размер внутреннего рынка. «Информационный доклад миссии Комитету» использовал оценку, подготовленную миссией Карри, – около 100 тыс. т в год⁶¹.

Также на основании данных анализа, проведенного миссией Карри, цифру в 40 млн долл. США, предложенную компанией «Копперс», сочли заниженной. По мнению Комитета, общая стоимость завода в Беленсито – Пас-дель-Рио могла превысить 100 млн долл. США. Согласно оценкам «Информационного доклада», строительство завода поглотило бы две трети капитала, доступного промышленному сектору всей страны в год⁶².

Кроме того, имеющиеся финансовые средства представлялись недостаточными для реализации столь крупного проекта. Компании «Эмпреса», которая была намерена строить комбинат, удалось получить кредит в 37 млн долл. США ($\frac{1}{3}$ суммы – в Германии и $\frac{2}{3}$ – во Франции), который был на некоторое время заморожен из-за жалобы Банка⁶³. Дополнительные затраты, неизбежные и, вероятно, крупные, должны были быть покрыты за счет выпуска государственных облигаций Банком Республики. Однако оставался риск, что в итоге этому банку самому придется выкупить большую их часть, что поставило бы под угрозу антиинфляционную политику, которую с большим трудом проводили денежно-кредитные учреждения страны⁶⁴.

Прогноз «Эмпреса» о выпуске продукции по цене 20,76 долл. США за 1 т (что составило треть цены в 61,71 долл. США, рассчитанной миссией Карри для завода по переработке металлолома в Барранкилье) сочли ошибочным; себестоимость продукции в Беленсито, вероятно, была бы немного выше, чем в Барранкилье. «Информационный доклад» утверждал, что «все усилия, направленные на производство дешевой стали, могут быть поставлены под угрозу»⁶⁵.

Комитет сильно сомневался в этом: «Мы должны спросить себя, в какой степени современная страна может сделать важный сектор своей экономики, такой как сталелитейная промышленность, независимым от импорта»⁶⁶. Оба проекта строительства завода – Беленсито–Пас-дель-Рио и Барранкилье – подверглись серьезной критике. С одной стороны, Комитет не хотел недооценивать стратегическое значение, которое правительство и наиболее влиятельные лица, формирующие общественное мнение, придавали производству стали, независимому от внешних рынков. С другой стороны, он признавал, что строительство небольшого завода в Барранкилье в большей степени соответствовало экономическим условиям в стране:

«Впрочем, следует признать, что отечественное производство чугуна в болванках действительно устранил серьезную проблему сырья [...] и что комбинат будет способствовать значительно большей степени независимости. Цена этой независимости – крупные капиталовложения. Завод по переработке металлолома представ-

ляется менее дорогостоящим на современном этапе промышленного развития Колумбии, чем металлургический комбинат»⁶⁷.

Общее мнение склонялось в пользу строительства металлургического комбината. Такого завода в стране явно не хватало, и необходимо было принять положительное решение по его строительству⁶⁸.

Учитывая, что дискуссия зашла в тупик, МБРР снова направил в Колумбию Карла Флешера, основного автора первого предложения, которому предшествовал доклад Карри, с поручением достичь нового компромисса, который Комитет в итоге и принял. Флешер не настаивал на строительстве завода в Барранкилье, а одобрял расширение производства в Медельине и Пачо. Частью его рекомендаций было строительство металлургического комбината в Пас-дель-Рио, поблизости от месторождений полезных ископаемых. Однако завод должен был быть намного меньше, чем предложенный компанией «Копперс»: годовой объем производства снижался со 122 тыс. т, предусмотренных в первоначальном предложении «Копперс», до 60 тыс. т в год; кроме того, конструкцию коксовой и доменной печей, а также прокатных станов нужно было в значительной мере упростить, чтобы можно было произвести необходимое оборудование в Колумбии⁶⁹.

Это предложение, казалось, достигло поистине невозможного. С одной стороны, оно подтверждало потребность государства в производстве стратегического продукта – стали – и обеспечении независимости от международного рынка металлолома. С другой стороны, в нем удалось избежать гигантских капиталовложений, которые отнимали бы слишком много средств у других секторов, не менее важных для развития страны. Кроме того, производство большей части оборудования в Колумбии сокращало затраты в иностранной валюте (которые оценивались в 15 млн долл. США). Наконец, менее крупный завод позволил бы руководству и местным рабочим накопить опыт без риска серьезных ошибок. Доклад приходил к выводу, что «завод этого типа может быть построен намного быстрее, а его развитие будет соответствовать росту внутреннего рынка. [Такой] завод решит дилемму, созданную предыдущими проектами»⁷⁰.

Предложение Флешера было официально одобрено в документе Комитета – «Предварительном докладе о создании сталелитейного завода». Это, второе, предложение, разработанное Флешером, позволяло «увязать развитие Пас-дель-Рио с планом Карри и благоприятными перспективами более рациональной схемы финансирования, чем предлагаемая в настоящее время»⁷¹. При подготовке «Предварительного доклада», по совету МБРР и с согласия Карри Комитет обратился к нескольким фирмам с просьбой проверить технико-экономическое обоснование этого предложения⁷². Из них Комитет выбрал компанию «Американ Салем инжиниринг» из города Салем, штат Огайо. Ее президент и владелец Сэмюэл Кинер, полный

энтузиазма и уверенности в себе, – по мнению Карри, «весьма настойчивый торговец» – прибыл в Боготу 9 декабря 1950 года с целью ознакомиться с ситуацией и представить проект предложения⁷³.

Компания «Салем», созданная в 1934 году, в период Великой депрессии, консультировала по вопросам строительства самых различных предприятий – «от бетонного завода до завода по переработке плодов, от сталепрокатных станков до установок по заморозке пищевых продуктов»⁷⁴. Ее считали одной из самых влиятельных фирм в мире в области строительства сталелитейных заводов. У нее были представительства в Англии и Канаде, партнеры во Франции и Германии. Кроме того, до войны ей принадлежало около 90% берлинской компании Фридриха Сименса, которая изготавливала мартеновские печи (также известные как «сименс-мартеновские печи») и выдавала лицензии на их производство⁷⁵. Во время войны она участвовала в Манхэттенском проекте по созданию атомной бомбы⁷⁶. Ее заводы располагались по всей Северной Америке и по всему миру, за исключением Австралии.

Предложение компании «Салем» соответствовало приоритетным задачам, сформулированным Комитетом, о том, что металлургический комбинат не должен зависеть от импорта сырья и быть слишком дорогостоящим. Другими важными условиями были экономия иностранной валюты и использование как можно более трудоемких технологий (этот аспект был связан с необходимостью экономии капитала). Продукция должна была включать в себя болванки и арматуру, прокатные профили, металлоконструкции и стальные тросы. Простота технологий и оборудования также уменьшила бы зависимость от иностранных запчастей и технического персонала из-за рубежа. Общая стоимость строительства не должна была превышать 20 млн долл. США (включая материалы для запуска производства, а также общежитие и столовую для персонала, которые «Копперс» не учла в своих расчетах, согласно докладу Карри).

«Салем» предложила стратегию постепенного роста, от сравнительно простых технологий до самых современных. Важно было следовать избранному путем, «начав с нуля»⁷⁷. Такая политика поэтапного роста обосновывалась историческим опытом, и вместе с тем она была передовой, являясь наиболее подходящей политикой, позволяющей расширять бизнес на основе собственного опыта с использованием метода *обучения на практике*:

«В целом развитие сталелитейной промышленности во всем мире происходило на базе концепции малых предприятий. Производственные комбинаты появлялись благодаря упорядоченному росту небольших компаний, финансируемых за счет прибыли [...]. По мере того, как сталелитейные заводы с упрощенной техноло-

гией начинают приносить прибыль, а рабочие совершенствуют навыки использования сложного оборудования, можно планировать упорядоченный рост, что позволяет избежать многих проблем с эксплуатацией машин и ошибок с выбором оборудования, которые иногда возникают на производственных комбинатах [...]. Завод будет спроектирован таким образом, что ввод в эксплуатацию относительно недорогого оборудования увеличит [...] ассортимент изделий, которые можно будет изготавливать из сталелитейной продукции завода⁷⁸.

Эта концепция была принята и адаптирована к условиям Колумбии в «Предварительном докладе» Комитета: «Все существующие в стране важные отрасли промышленности начинали со скромного уровня и использовали относительно простое оборудование, которое позже было усовершенствовано, в то время как рабочие прошли обучение, рынки расширились, и стал доступен больший объем финансовых ресурсов»⁷⁹.

К 15 декабря Карри, казалось, был уверен в том, что новый, компромиссный вариант получит одобрение: «Все будет дешево и просто, а [...] дорогостоящие ошибки не будут сделаны местными ребятами»⁸⁰. Однако в последние две недели года, уже после завершения «Предварительного доклада» ситуация достигла критической отметки. Когда Комитет представил документ на одобрение правительству и поручил разработать технико-экономическое обоснование проекта, правление «Пас-дель-Рио» привело в действие стратегию по недопущению этого. Накануне заседания совета директоров компании «Эмпреса», назначенного на 20 декабря 1950 года, правление «Пас-дель-Рио» обратилось к Карри с просьбой дать подробный комментарий к новому предложению, содержащемуся в «Предварительном докладе». Карри охотно откликнулся на эту просьбу⁸¹. На следующий день, 20 декабря, совет директоров компании «Эмпреса» официально отверг возможность проведения нового исследования, утверждая что этот вопрос уже обсуждался и не получил положительного решения на переговорах с другими фирмами (были перечислены шесть компаний). В отличие от Комитета, «Эмпреса» считала, что крупный завод предпочтительнее маленького, благодаря экономии на масштабе: начальная недогрузка производственных мощностей позволит «Эмпреса» при необходимости быстро реагировать на рост рыночного спроса в среднесрочной перспективе. Кроме того, «Эмпреса» подчеркивала, что национальной экономике будет нанесен серьезный ущерб в случае отказа от производства таких видов продукции, как железнодорожные рельсы, стальные балки, броневые листы и стальные профили, «в которых страна срочно нуждается». Она также подчеркивала некомпетентность компании «Салем». Правление «Пас-дель-Рио» объявило, что не остановит строительство завода, производственные мощности которого уже тогда составляли 140 тыс. т в год⁸².

Резолюция совета директоров была немедленно опубликована. По-видимому, не без умысла «Предварительный доклад» Комитета был представлен как опубликованный документ, а письмо Карри – как официальная позиция Комитета, хотя сам Карри утверждал, что выступает только от своего собственного имени⁸³. Таким образом, правление сфабриковало повод открыто отвергнуть предложение, которое должно было рассматриваться только правительством, чье решение являлось окончательным. Более того, пресса в основном поддерживала идею строительства комбината и интерпретировала резолюцию правления как выражение официальной позиции правительства, которое, однако, еще не высказало своего мнения⁸⁴.

Комитет пытался высказать свою позицию в печати, но проиграл эту схватку. Колумбийское правительство оказалось загнанным в угол из-за роста националистической эйфории в поддержку отечественного производства стратегически важных товаров. Оно не стало вступать в конфронтацию и поддержало инициативу руководства «Эмпреса». На решение правительства повлияли также внешние обстоятельства. Война в Корее, начавшаяся 25 июня 1950 года, вызвала рост цен на металлический лом и очень помогла тем, кто отстаивал необходимость отечественного производства стали, несмотря на высокую стоимость строительства завода. Международный банк, принципиально выступавший против строительства комбината и решительно настроенный следовать выводам доклада своей миссии и рекомендациям правительству, сформулированным Комитетом на основании этого доклада, также был вынужден отступить. Очевидно, что окончательное решение о строительстве завода было принято не Банком, но я не смог найти никаких документов, свидетельствующих о давлении со стороны Банка на правительство или о его попытках поддержать работу Комитета. Говоря словами вице-президента Банка Роберта Гарнера, «Пас-дель-Рио стал национальным символом»⁸⁵. Противостоять этому было бесполезно.

СТАЛЬ И РАЗВИТИЕ: ПРИЧИНЫ РАЗНОГЛАСИЙ

Как показывает хроника событий, для того чтобы лучше понять споры о строительстве сталелитейного завода в Колумбии, происходившие вскоре после Второй мировой войны, мы должны провести различие между экономикой и технологией, с одной стороны, и политикой с другой. В самом деле, окончательное решение о строительстве завода в Пас-дель-Рио было принято исходя из политических соображений.

Правление «Пас-дель-Рио» смогло обеспечить своему проекту широкую и энергичную общественную поддержку. Это постепенно ограничило способность Комитета к действиям. Правление использовало мировые события, тон которым задавал корейский кризис и его последствия для сырьевых рынков, в качестве повода для организации кампании по формиро-

ванию общественного мнения, в основе которой лежали жизненно важные экономические и военные интересы страны. Правление умело связало все это с риторикой об экономическом росте страны: завод, первоначально задуманный слишком большим, станет в долгосрочной перспективе экономически эффективным, что укрепит позиции страны в стратегически важной отрасли. Иррациональность решения, обусловленного текущей чрезвычайной ситуацией, преодолевалась благодаря перспективам развития страны, стоящей на пороге индустриализации.

Помимо политического решения о поддержке проекта «Пас-дель-Рио», важно также рассмотреть разные мнения об экономической и технологической целесообразности различных предложений. В этой связи в Приложении А к подготовленному Флешером «Информационному докладу миссии Комитету» раскрываются концептуальные рамки, в которых происходила дискуссия между участниками процесса принятия решения, возможно, лишь за исключением правления. В Приложении А читаем: «Максимальный прогресс, достижимый при вложении инвестиций в сумме 5 млрд колумбийских песо [общий объем финансовых средств, как государственных, так и частных, доступных для инвестирования в 1951–1955 годах, по подсчетам Комитета], возможен только в том случае, если сумма, выделенная на развитие каждого сектора, например, транспорта, сельского хозяйства или промышленности, будет пропорциональна его вкладу в развитие колумбийской экономики за данный период»⁸⁶. В Приложении перечислялись также альтернативные варианты использования средств, необходимых на реализацию проекта «Пас-дель-Рио»: гидроэлектростанция с дополнительной мощностью 120 тыс. кВт (половина всего объема электроэнергии, производимого в Колумбии в 1950 году); или несколько теплоэлектростанций общей мощностью в 240 тыс. кВт; или 30 тыс. частных домов; или 266 дизельных локомотивов и 500 км новых шоссе и дорог и железнодорожных путей; или 23 тыс. больничных палат; или новые школы на 900 тыс. учащихся, что в два раза превышает возможности существующих учреждений начальной школы⁸⁷.

В результате возникли две концепции: согласно первой, развитие одного сектора должно было происходить пропорционально развитию других секторов, а согласно второй, инвестиции в разные сектора являлись альтернативными по отношению друг к другу. В основе обеих концепций лежало понятие сбалансированного экономического роста. Максимально возможный прогресс всей экономики мог быть достигнут только путем предотвращения исключительного использования доступных средств на развитие какого-либо одного сектора экономики или предприятия. На практике это означало, что инвестиции были взаимоисключающими и представляли собой «игру с нулевой суммой»⁸⁸.

Именно такой подход критиковали Хиршман и Стритен. По их мнению, он приводил к ложным и обманчивым предположениям при принятии инвестиционных решений. Согласно Хиршману, следовало думать не о предполагаемой исчерпаемости средств, рассматривая инвестиции как взаимоисключающие, а скорее о поиске механизмов мобилизации скрытых, но реально существующих ресурсов. Как подчеркивал Пол Стритен, пропорциональный рост различных секторов, который вряд ли позволял достичь максимально возможного прогресса, приводил к состоянию постоянной несоразмерности на уровне фирм, заводов и целых промышленных секторов.

Хиршман приехал в Колумбию всего лишь через год после того, как Карри, Комитет и Банк уступили проекту «Пас-дель-Рио». Хотя Хиршман не участвовал в основных дебатах по этому вопросу, он – что вполне естественно, учитывая стратегическую и общественную значимость проекта «Пас-дель-Рио», – тоже оказался вовлечен в него⁸⁹.

Критикуя склонность «международных организаций» и «разработчика экономических планов» (имелись в виду Международный банк и Локлин Карри) к составлению «общих планов» и, в частности, их отказ поддержать проект «Пас-дель-Рио», Хиршман в своей речи, произнесенной в 1954 году, заявил:

«Разработчику экономических планов следовало бы использовать свой талант, прежде всего, для детальной проработки эффективных отраслевых проектов [...]. Вопреки настойчивому предпочтению «общего» планирования, я пока еще не видел проекта, который был бы тщательно проработан и, тем не менее, отвергнут национальными или международными специализированными учреждениями, распределяющими инвестиционные средства, на том основании, что требуемые инвестиции слишком велики, исходя из необходимости обеспечения денежно-кредитной устойчивости и «сбалансированного» развития. В Колумбии единственным известным мне случаем, когда такого рода соображения вообще высказывались, был проект сталелитейного завода в Пас-дель-Рио. Однако доклад миссии Международного банка, в котором выдвигались возражения против этого проекта, содержал всего лишь одно, крайне расплывчатое утверждение о том, что деньги, затрачиваемые на «Пас-дель-Рио», могли бы быть более эффективно использованы в других секторах экономики» (Hirschman [1954] 1971a, p. 49).

Согласно Хиршману, из-за «обратных» или «прямых» связей новая отрасль не могла быть слишком крупной в контексте национальной экономики. В результате были бы созданы «сателлитные» и «несателлитные» пред-

приятия, что способствовало бы росту страны. «Золотое правило», предложенное Хиршманом, заключалось в том, что отрасль могла быть создана в развивающейся стране, когда существующий спрос равен половине объема спроса, необходимого для ее рентабельности (Hirschman [1958] 1963, p. 103, п. 4). Металлургическая промышленность являла собой яркий пример «обратных» и «прямых» связей. Хиршман делал следующий вывод: «Вероятно, экономически слаборазвитые страны не настолько глупы и думают не только о своем престиже, когда считают эту отрасль важнейшей!» (Hirschman [1958] 1963, p. 108). Видимо, Хиршман имел в виду проявление национальной гордости как реакцию на критику проекта «Пас-дель-Рио», настойчиво звучавшую сначала со стороны миссии Карри, а потом со стороны Комитета. Согласно Хиршману, «Пас-дель-Рио» был не только национальным символом, но и потенциальным генератором связей, а, следовательно, мощным инструментом развития страны.

Конечно, позиция Комитета во многих аспектах отличалась от взглядов Хиршмана. Тем не менее изучая основные аргументы миссии и Комитета, можно увидеть, как эти позиции сближались, несмотря на критику Хиршмана.

Соображения технического и территориального характера в докладе Карри подчеркивали слабость воздействия проекта «Пас-дель-Рио» в качестве стимула для развития других отраслей промышленности. Его удаленность сильно затруднит реализацию продукции и повысит ее стоимость. В то же самое время она помешает объединению других отраслей вокруг основного завода. Без значительных субсидий было бы крайне трудно сформировать «полюс роста», который миссия считала наиболее желаемым результатом и которому Хиршман посвятил главу в своей книге, написанной в 1958 году. (Hirschman [1958] 1963, chapter 10).

Когда выяснилось, что изменить местоположение завода не удастся, основной заботой Комитета стало снижение стоимости строительства. Несмотря на все доводы о возможной будущей прибыльности проектов с завышенной производственной мощностью, расходование двух третей годового объема капитала, доступного промышленному сектору, на единственное предприятие казалось чрезмерным⁹⁰. Комитет предлагал постепенный рост завода, тем самым привязывая его развитие к накоплению опыта и увеличению рыночной доли. Это уменьшило бы бремя неудачного местоположения и позволило бы предприятию наращивать мощь, несмотря на этот «врожденный» недостаток. Такая мотивировка в действительности не слишком отличалась от стремления Хиршмана найти «скрытые обоснования» процесса роста. Благодаря этим скрытым обоснованиям экономика сектора или страны находит новые пути роста, которые раньше оставались невидимыми или непредсказуемыми. Как ни парадоксально, но препятствия тоже могут играть положительную

роль в процессе роста, когда они помогают выработать решения и способствуют объединению усилий, направленных на то, чтобы избавиться от несостоятельных гипотез и найти решения, о которых раньше не задумывались.

Комитет взял на себя роль посредника между политико-идеологическими потребностями и лоббированием, с одной стороны и технологическими и экономическими вопросами с другой. Иными словами, Комитет находился в центре процедуры формирования и структурирования процессов принятия решений. Именно это Стритен и Хиршман подчеркивали как наиболее необходимый – и реже всего встречающийся в развивающихся странах – фактор роста.

В условиях, когда недостает профессиональных навыков, процесс «обучения на практике» приводит в действие механизмы освоения или совершенствования навыков и определяет их динамику. Эти механизмы могли бы способствовать воспроизведению «благодетельных» циклов развития, обучения и роста, преодолевая «узкие места» на рынке труда и капитала, а также ограничения спроса, вытекающие из производственной деятельности.

Возможно, что разногласия были обусловлены необходимостью выбора между трудоемким (предпочтение миссии) и капиталоемким производством (предпочтение Хиршмана). Предпочтение Хиршмана основывалось на принципе, согласно которому использование рабочей силы, не подготовленной для работы на промышленном производстве, может быть более производительным, если производство сконцентрировано на *процессе* (обычно являющемся капиталоемким, как в сталеварении), а не на *продукте* как таковом (обычно являющемся трудоемким, как в строительстве). Однако, несмотря на то, что эти разногласия интересны и даже важны, не они были главными. Главные разногласия относились к конкретному выбору способа реализации определенного проекта или вида производственной деятельности, а не к фундаментальным расхождениям по вопросу о характере процесса развития.

В целом подходы Карри и Комитета с одной стороны и Хиршмана, с другой, имели между собой гораздо больше сходства, чем можно было бы предположить на основе исторической реконструкции дискуссий между экономистами в области развития, несмотря на трения и разногласия по некоторым деталям рассматриваемой нами проблемы. Конечно, неверно было бы утверждать, что существовало полное взаимопонимание. Но дело в том, что позиции не были диаметрально противоположными и что все стороны придерживались гораздо более близких точек зрения на механизмы управления или помощи развитию бедных стран, чем сами они были готовы признать⁹¹.

Смена альянсов

Кажущийся непоправимым разрыв между Хиршманом и Карри был связан с различиями в их ценностной ориентации. Занимая противоположные исходные позиции в условиях более сложных и запутанных, чем это казалось вначале, они зачастую приходили к одним и тем же выводам.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПОЗИЦИЙ

Мы уже упоминали о том, что Международный банк, который все более предпочитал выдавать кредиты на индивидуальные, четко сформулированные проекты, продолжал вписывать их в рамки общих планов развития. Например, в своем официальном письме к Эмилио Торо Жак Торфс подчеркивал, что принципиальное значение для Колумбии имеет общая инвестиционная программа. Говоря о недавно созданном Совете, Торфс настаивал, что новый орган должен взять на себя «ответственность за формулирование общей инвестиционной программы, которая соответствовала бы экономическим возможностям Колумбии»⁹². Каждый отдельно взятый проект должен быть частью более широкой программы: «Необходимо, чтобы правительство могло оценить эти предложения в рамках соответствующей экономической политики»⁹³.

Другие вопросы содержали в себе такую же двойственность и вызывали такие же колебания позиций у основных участников дискуссии. Одним из примеров этого может служить сравнение между «общественным вспомогательным (накладным) капиталом» (ОВК) (social overhead capital) и «непосредственно производительной деятельностью» (НПД) (directly productive activities), предложенное Хиршманом в его книге «Стратегия экономического развития» ([1958] 1963, pp. 83–97). Под общественным вспомогательным капиталом Хиршман понимал все услуги, необходимые для поддержки непосредственно производительной деятельности: «В широком смысле [ОВК] включает в себя все общественные услуги, от законодательной деятельности и правопорядка, сферы образования и здравоохранения до транспорта, коммуникаций, энерго- и водоснабжения, а также такие виды сельскохозяйственного накладного капитала, как ирригационные и дренажные системы. Ядро этой концепции, по-видимому, может быть ограничено транспортом и энергетикой» (Hirschman [1958] 1963, p. 83). Согласно Хиршману, этот ограниченный ОVK представляет собой фундамент мероприятий, которым оказывает содействие Международный банк⁹⁴. Концепция ОVK в широком смысле – по моему мнению, а не по мнению Хиршмана – лежала в основе подхода миссии Карри.

В любом случае это понятие – ни в сокращенном, ни в более широком смысле – не удовлетворяло Хиршмана, который вместо этого отдавал пред-

почтение инвестициям в НПД. Этот уклон не только соответствовал его доктрине несбалансированного роста, но и являлся неотъемлемой частью этого роста. Конечно, небольшие инвестиции в ОВК были необходимы как начальное условие инвестирования в НПД, но было бы бесполезно и даже контрпродуктивно настаивать на этих капиталовложениях в условиях ограниченной производственной деятельности: «Избыточный потенциал ОВК, в сущности, допустим, [но] он скорее побуждает, а не принуждает» (Hirschman [1958] 1963, p. 93). И наоборот, расцвет НПД без инвестирования в ОВК может привести к спонтанному давлению в пользу развития необходимого ОВК. Иначе говоря, НПД «предоставляет дополнительные дивиденды в виде «вынужденных», «легких для принятия» или «обязательных» решений, приводящих к дополнительным инвестициям и объемам производства» [1958] 1963, p. 89). Как таковой, прогресс, достигаемый в процессе развития НПД, создает новые потребности и порождает давление в пользу их удовлетворения, что, по меньшей мере частично, компенсирует недостаток «способности к принятию решений». Именно эта способность, по мнению Хиршмана и Стритена, была подлинно дефицитным фактором в развивающихся странах. Таким образом, пользуясь понятиями ОВК и НПД, Хиршман критиковал подход, приписываемый Карри и Международному банку.

В упоминавшейся ранее статье, написанной в 1954 году, Хиршман предлагает другой набор категорий для мер вмешательства в развивающихся странах, что сближает его с Карри. В этой статье Хиршман критикует еще одну плохую привычку, типичную для Международного банка: «Крупные международные кредитные организации [...] ищут короткий путь экономического развития и готовы позволить убедить себя в том, что они нашли такой путь в виде проекта по строительству гидроэлектростанции, нескольких дорожно-транспортных артерий или ирригационной системы, [либо] крупного проекта из бетона и стали» (Hirschman [1954] 1971a, p. 52). Однако «разработка проектов в непопулярных, но не менее значимых сферах, таких как образование, легкая промышленность, совершенствование методов ведения сельского хозяйства и т. д.» была не менее важна и, согласно Хиршману, заслуживала того, чтобы инвестировать в них половину имеющихся средств (Hirschman [1954] 1971a, p. 53)⁹⁵. В этой связи полезно вспомнить, какое внимание доклад миссии Карри уделял таким «непопулярным, но не менее значимым сферам», как образование и здравоохранение, или, как подчеркивал Карри, необходимости связать «неэкономические сферы с сугубо экономическими» (Currie 1981, p. 55).

В итоге можно сказать, что позиции, занимаемые участниками разработки стратегий экономического развития Колумбии в 1940–1950-х годах, и разногласия между ними не были четкими и определенными. В табл. 1 наглядно показано, как изменялись альянсы между действующими лицами.

Эти противостояния, вдохновлявшие на создание разнообразных и не всегда ясно выраженных альянсов, не имели четкой последовательности. Чаще они пересекались во времени, вследствие чего трудно выявить стабильную взаимную оппозицию сторон. В реальной жизни было гораздо больше полутонов.

ТАБЛИЦА 1
*Смена альянсов между Локлином Карри,
 Альбертом Хиршманом и Всемирным банком*

Социальные накладные расходы	или	Непосредственно производительная деятельность
Международный банк Локлин Карри		Альберт Хиршман
Проектные займы	или	Программные займы
Альберт Хиршман Международный банк		Локлин Карри
«Поиски кратчайшего пути»	или	«Непопулярные» области инвестирования
Международный банк		Альберт Хиршман Локлин Карри

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ДИСКУССИЙ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ РАЗВИТИЯ: РОБЕРТ МЕРТОН И ЕГО ПРИНЦИП «РАСКАЛЕННЫХ УГЛЕЙ»

Рассмотрев два конкретных примера столкновения мнений Карри и Хиршмана, мы увидели, что различия между их позициями носили скорее тактический характер, в то время как основная мотивировка была почти одинаковой. Размежевание начиналось, как только они приступали к построению моделей.

Ключ к пониманию их столкновения лежит в сфере социологии науки. Роберт К. Мертон отмечает, что по своей природе научные исследования как вид деятельности привлекают эгоцентричных людей, которые стремятся к славе и поэтому склонны вступать в конфронтацию с теми, кто не согласен с их мнением или пытается его опровергнуть. Эта гипотеза ссылается на процесс отбора в рамках отдельно взятой группы и, в принципе, подлежит эмпирической проверке (Merton [1957] 1973a). Однако основное внимание в своем анализе Мертон уделяет системе норм, регулирующих научные исследования, понимаемые как институт.

«Именно эти нормы принуждают ученых предъявлять свои претензии. Способ, при помощи которого научные нормы помогают достичь такого результата, представляется достаточно ясным. Со всех сторон ученому напоминают о его роли в прогрессе зна-

ний и о необходимости наилучшим образом выполнять эту роль, которая заключается в том, чтобы как можно больше способствовать прогрессу знаний. [Наградой] становится общественное признание того, что человек успешно соответствовал самым строгим требованиям к выполнению роли ученого [...]. Признание и слава становятся в этом случае символом хорошо выполненной работы и наградой за нее» (Merton [1957] 1973а, pp. 293–294).

Здесь Мертон рассматривает вопрос о «приоритетах в научных открытиях», который служил причиной многих разногласий (и благородных жестов) среди ученых во все времена. Нескольким годами позже в другом исследовании Мертон расширил анализ конфликта между учеными, выйдя за рамки проблемы приоритетов. В 1959 году в докладе на Четвертом международном социологическом конгрессе в итальянском городе Стреза Мертон предложил столь глубокое описание конфликта в социальной науке, что из него стоит привести обширную цитату:

«Значительная часть противоречий между социологами включает в себе социальный конфликт, а не только интеллектуальную критику. Зачастую они связаны не столько с расхождениями в социологических идеях, сколько с конкурирующими определениями роли, которую социолог считает приемлемой для себя. Конечно, здесь имеет место интеллектуальный конфликт: ортодоксальная социология марксизма и ортодоксальная социология Вебера и Парсонса исходят из противоположных постулатов. Но, изучая расхождения во мнениях [социологов], мы должны обратить внимание на то, является ли причиной спора подобное практическое или методологическое противоречие, или такой причиной является утверждение, что той или иной социологической проблеме, тому или иному комплексу идей не уделяется то внимание, которого они предположительно заслуживают. Я полагаю, что зачастую эта полемика больше связана с распределением интеллектуальных ресурсов между различными видами социологической деятельности, а не с четко выраженным противостоянием социологических идей.

Эти противоречия вытекают из классического пути развития социального конфликта [...]. Как только конфликт делается достоянием общественности, он становится скорее битвой за статус, чем поиском истины [...]. Последующая поляризация вынуждает каждую группу социологов реагировать главным образом на стереотипные варианты того, что совершает другая группа [...]. Не то чтобы эти стереотипы не имели под собой реальной основы; однако в ходе социального конфликта они становятся самоподтверждающимися стереотипами по мере того, как социологи

отворачиваются от опыта, который мог бы их изменить. Социологи каждого лагеря развивают в себе избирательное восприятие того, что на самом деле происходит в другом лагере. В работах друг друга они видят, прежде всего, то, о чем их предупреждает враждебный стереотип, а затем тут же ошибочно принимают часть за целое. В этом процессе каждая группа социологов теряет мотивацию к изучению работы другой группы, поскольку в этом явно мало смысла. Они просматривают работы представителей «чужой» группы только для того, чтобы найти основания для новых нападок» (Merton [1961] 1973b, pp. 55–56).

Несомненно, этот абзац можно применить к любой группе представителей общественных наук, включая экономистов или специалистов в области экономики развития, как в нашем случае. В связи с этим в своей книге «На плечах гигантов» (1965) Мертон сделал остроумное наблюдение, которое выходит за рамки его полемики с социологами 1959 года. Изображая в карикатурных тонах спор между сэром Исааком Ньютоном и Робертом Гуком о приоритете определения теории цветов, Мертон описал взаимоотношения людей науки, действующих в соответствии с принципом «раскаленных углей» (Merton 1965, p. 29). Этот принцип – который, по словам Мертона, следовало бы назвать не его именем, а именами Гука, Ньютона и Мертона, гласил, что «[...] в споре двух неуступчивых соперников может родиться истина, но если срашивать их между собой, действуя чужими руками и руководствуясь чужими интересами, *«это вызовет ненужную горючность, которая только раскалит угли»*»⁹⁶.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, отметим, что спор о наилучшем пути развития бедных стран можно также интерпретировать, используя модели социального взаимодействия, которые типичны для закрытой и специализированной группы ученых, преданных делу прогресса знаний, – например, специалистов по экономике развития. Не прошло и нескольких лет, как теории сбалансированного роста, получившей широкое признание, была противопоставлена твердая, четко сформулированная и остро полемичная позиция, которая утверждала необходимость несбалансированного роста⁹⁷. Эти позиции быстро радикализировались и, без сомнения, как подчеркивал Мертон, вскоре сторонники каждой позиции стали воспринимать мнения своих противников сквозь призму стереотипов и удобных интерпретаций, что больше подходит для гонки вооружений, а не для прогресса знаний.

Это вовсе не означает, что не происходило вполне законных столкновений по принципиальным вопросам, т. е. не возникало интеллектуальной оппозиции. Возможно также, что личные качества отдельных людей влияли на ход и направленность споров. Подход Мертона не отвергает эти аспекты. Однако, кроме этого, он позволяет нам ответить и на другие вопросы,

которые в противном случае остались бы без ответа: например, каким образом спор постепенно вышел за рамки содержательных различий между разными группами и почему ученые, занимающиеся этими проблемами, втянулись в борьбу, которая все больше удалялась от первоначального содержания спора. (Стоит напомнить, что спор шел о *возможных* политических мерах – зачастую зависящих от обстоятельств и ограниченных, – которые могли быть применены в развивающихся странах.)

Все организации сталкиваются с проблемой управления конфликтами. Конфликт не является аномалией, зачастую он выявляет механизмы, которые позволяют лучше понять внутреннюю динамику организации. Кроме того, социологический подход позволяет нам понять не только условия, которые во все времена могут способствовать возникновению конфликта (например, желание получить одобрение со стороны коллег как доказательство хорошо проделанной работы и ее общественного признания), но и конкретные обстоятельства, которыми определяются эти условия и которые объясняют датировку конфликта.

В 1950-е годы «пионеры» экономики развития, движимые стремлением выделить свою дисциплину в отдельную отрасль экономической науки, создавали громоздкие теории анализа и экономического вмешательства – не только потому, что они, как однажды сказал Мертон о «социологах-первопроходцах», «были системно мыслящими людьми, но и потому, что в то время их роль состояла в том, чтобы обеспечить себе интеллектуальную легитимность» (Merton [1961] 1973b, p. 50). Это могло привести к противостоянию интеллектуальных структур в борьбе за внутреннюю гегемонию, что и произошло на самом деле. «Это не касалось специализации и выглядело скорее как соперничающие притязания на интеллектуальную легитимность – притязания, которые, как правило, были взаимоисключающими и конфликтовали друг с другом» (Merton [1961] 1973b, p. 51). Невольно вспоминается упрек, брошенный Хиршманом теории сбалансированного развития: «Как теория *развития* [эта] теория несостоятельна» (Hirschman [1958] 1963, p. 51, курсив автора).

В 1960 году в рецензии на книгу Хиршмана «Стратегия экономического роста» Амартия К. Сен высказал похожие соображения: «Спор о выборе между «сбалансированным» и «несбалансированным» ростом приводит читателей – по крайней мере, одного из них – в некоторое недоумение. В первоначальном виде обе доктрины выглядят убедительно, а с точки зрения оппонента каждая из них выглядит совершенно несостоятельной [...]». Доктрины «сбалансированного» и «несбалансированного» роста имеют между собой много общего» (Sen 1960, p. 591). В заключение своей статьи Сен формулирует важный вывод: «Трудно, однако, не заметить, что профессор Хиршман преувеличивает значение своей теории [...] Не сомневаюсь, что именно так происходит прогресс экономической мысли: мы

открываем скрытый до сих пор аспект проблемы и делаем его *сущностью* проблемы, а то и *всей* проблемой» (Sen 1960, p. 592, курсив автора).

Вместе с тем следует отметить, что конфликт играет также и положительную роль, по крайней мере тогда, когда им управляет группа коллег, включающая в себя представителей научного сообщества. В случае, когда исследование проводится миноритарной группой или является не таким заметным, как общепринятая концепция, конфликт может рассматриваться как чрезвычайно полезный инструмент для привлечения внимания сообщества. Такие споры способствуют общему росту и процветанию научной дисциплины⁹⁸.

Возможность разжигания конфликта, если он не является патологическим, может служить инструментом для того, чтобы умерить риск избыточного конфликта в сообществе. Это не парадокс: способность бросить вызов общепринятой теории или, по крайней мере, быть услышанным в научном сообществе может стать первым сигналом того, что конкретная идея или вопрос могут оказаться достаточно сильным катализатором внимания. С одной стороны, способность пойти на конфликт сдерживает экстремальные или непрактичные мнения; с другой стороны, она ограничивает «ортодоксальное» и стандартизирующее поведение. В поддержку такой трактовки свидетельствует дальнейшая судьба некоторых главных участников спора о «сбалансированном» и «несбалансированном» росте.

Альберт Хиршман в своей статье 1961 года стремился прекратить спор, подчеркивая, что по некоторым вопросам точки зрения оппонентов совпадают. Он утверждал, что эти две теории можно сравнить с двумя способами изучения ядра атома. Внимание может быть сосредоточено на ядре как таковом, которое является неделимым, или на энергии, которая удерживает его в этом состоянии. Хиршман указывал:

«Иными словами, я никоим образом не отрицаю взаимозависимости различных экономических мероприятий, в которой так преуспела теория сбалансированного роста. Наоборот, я предлагаю воспользоваться ее преимуществом и исследовать ту структуру, которая удерживает вместе эти взаимосвязанные мероприятия [...]. Другими словами, изучать несбалансированный рост означает изучать динамику процесса развития *в миниатюре*»⁹⁹.

Таким же образом, хоть и не столь открыто, много лет спустя Локлин Карри (который, несмотря на свою репутацию «тяжелого» в общении человека, не принимал участия в споре, хотя и не раз говорил о своей убежденности в необходимости реализации общего плана развития) подчеркивал невозможность сведения серьезного анализа проблем развития к принятию простых или односторонних решений. Таким образом, он косвенно подтверждал, что, по сравнению с дискуссией в специализированных журналах, прак-

тическая экономическая политика этих ученых на самом деле имела между собой меньше различий, чем сами они могли бы себе представить в своей полемической увлеченности. На конференции в 1975 году Карри заявил:

«Хотя я с глубоким уважением отношусь к могуществу экономических стимулов и эффективности децентрализованного процесса принятия решений, я, тем не менее остаюсь неисправимым сторонником планирования [...]. «Невидимая рука» превратилась в две руки, одна из которых действует более или менее незаметно посредством экономических стимулов, а вторая, более заметная, осуществляет национальную экономическую политику. В результате возникает смешанная стратегия, трудно поддающаяся классификации»¹⁰⁰.

В итоге изучение того, как специалисты в области экономики развития выступали в роли консультантов, помогает лучше понять их теоретические позиции и по-новому оценить масштаб различий между их теориями. Эти различия не исчезли, но их кажущаяся противоположность, подтвержденная – отчасти ошибочно – данными научной литературы, сегодня выглядит устаревшей. Вот что писал Хиршман об этой смене концепций:

«В своем интересном интервью Пол Кругман, молодой экономист из Массачусетского технологического института, заявил, что некоторых авторов, таких как Артур Льюис, Пауль Розенштейн-Родан, Гуннар Мюрдаль и Альберт Хиршман, следует «реабилитировать» как группу ученых, которые внесли значительный вклад в развитие экономики в 1950-е годы. Сегодня не подлежит сомнению, что всех нас всех объединяло нечто общее, так как все мы признавали, что «слаборазвитые» страны, как их называли в то время, нуждаются в проведении определенной государственной политики. Тем не менее между моими теориями и теориями других членов группы существовали значительные различия. Когда я писал «Стратегию экономического развития», моими «врагами» были именно те люди, с которыми теперь прочно связано мое имя» (Hirschman [1994] 1998, p. 109).

Сегодня нам легче оценить нюансы отношений между двумя доктринами, которые во времена зарождения этой научной дисциплины рассматривались как «враждебные друг другу», а сегодня могут рассматриваться как «родственные». Пол Стритен, еще один активный участник этой дискуссии, сделал к ней следующее пояснение: «Если оглянуться назад, то многое в споре о сбалансированном и несбалансированном росте кажется мне надуманным [...]. Часто на практике было больше согласия, чем в теории. Есть такой анекдот об экономисте: когда он видит что-то, что хорошо работает на практике, он спрашивает: а это подтверждается теорией?»¹⁰¹

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У истоков консультационной деятельности Банка

Идешь вперед. И время тоже идет – пока не замаячит впереди тeneвая черта, предостерегающая тебя, что страну ранней юности придется тоже оставить позади.

*Джозеф Конрад. «Тeneвая черта»**

Документы о миссии Карри и более поздние данные о взаимоотношениях между Колумбией и Международным банком, рассмотренные во второй главе, свидетельствуют о нарастающем конфликте между многосторонней организацией и главой ее первой Общей обзорной миссии Локлином Карри. Банк объяснял этот конфликт разногласиями между Карри и представителями Банка в Колумбии – прежде всего Альбертом Хиршманом, хотя он прибыл одним из последних.

В третьей главе исследовались возможные причины этого конфликта. Учитывая, что конфликт был серьезным и потенциально мог отрицательно повлиять на отношения между Банком и правительством Колумбии (Бёрк Нэпп грозил прекратить всякое сотрудничество), было важно выяснить, что, помимо личной несовместимости экономических советников, стало причиной решения Банка дистанцироваться от Локлина Карри. Была высказана гипотеза о том, что конфликт был вызван различными научными подходами, которые затрагивали Банк и делали продолжение сотрудничества невозможным: Карри был на одной стороне, а Хиршман и Международный банк – на другой. Можно было также проследить корреляцию между спорами по поводу экономического развития и формированием экономической политики Банка. Однако анализ, проведенный в третьей главе, опровергает эти гипотезы.

Несомненно, конфликт имел место и происходил в острой форме, но у него были две характерные особенности. Во-первых, позиции раз-

* Перевод А. Полоцкой. – *Примеч. ред.*

личных советников, какими бы несовместимыми они ни казались методологически и как бы ни оформлялись риторически, в действительности имели между собой больше сходства, чем это казалось на первый взгляд. Во-вторых, четкого разграничения между противоборствующими сторонами не существовало; напротив, разграничение было весьма расплывчатым, причем различные стороны занимали разные позиции по различным вопросам. Гипотеза о конфликте, основанном на научных разногласиях, и связанная с ней гипотеза о прямой связи между отсутствием разногласий и экономической политикой Банка не имеют под собой серьезных оснований. Спор происходил между учеными, но вряд ли являлся научным.

Реконструкция этого спора помогает нам понять, что его суть была отчасти искажена горячностью главных действующих лиц, и что сам спор традиционно воспроизводился сквозь призму такого искажения. Конечно, это *последующее* искажение спора было также обусловлено живучестью наиболее явных его противоречий, благодаря тому факту, что они были воспроизведены – и, таким образом, «заморожены» – в публикациях специализированных журналов. Кроме того, реконструкция спора представляется более простой и более точной, когда события рассматриваются сквозь призму доступных публикаций того времени. То, что она является более простой, не подлежит сомнению, а вот является ли она более точной – это еще вопрос. Несмотря на объективные трудности такой реконструкции (связанные, например, с разрозненностью архивных материалов и запутанностью многих ситуаций), более пристальное внимание к практическим аспектам экономической политики, несомненно, будет способствовать повышению точности результатов. Реконструкция этого спора также помогает нам лучше понять внешнюю среду, в которой формировалась экономическая политика Банка, – проблему роста и развития в период вскоре после Второй мировой войны и связанные с этой проблемой дискуссии.

Тема заключительной главы этой книги – формирование экономической политики Банка. С помощью архивных материалов я рассмотрю вопрос о займах для строительного сектора, предоставлять которые Банк отказывался на протяжении многих лет. Первый раздел посвящен опыту Колумбии – программе развития города Барранкилья, разработанной под руководством Локлина Карри. Карри тогда обратился к Банку за помощью. В займе было отказано. Второй раздел выходит за рамки этого отдельного случая и рассматривает первичные соображения Банка, касающиеся инвестиций такого типа. Анализируя, что именно отказался поддержать Банк, можно понять «от противного», какие инвестиции он поддерживал. В частности, при анализе причин, по которым были отклонены просьбы о предоставлении конкретных займов, можно лучше понять убеждения, на основе которых формировалась экономическая политика Банка в те годы. В тре-

тем и четвертом разделах рассматриваются альтернативы, отвергнутые Банком, и критерии, повлиявшие на его решения. В пятом разделе описывается период завершения споров, т.е. завершения переходного этапа, и рассматривается новая фаза развития Банка, которая продолжалась в течение 1950-х и первой половины 1960-х годов.

План развития города Барранкилья

ЗАПРОС О ФИНАНСИРОВАНИИ ПО ЛИНИИ МБРР

В первой половине 1952 года Сэмюэль Холлопедер из компании «Муниципальные предприятия» города Барранкилья обратился к Банку с просьбой о предоставлении ссуды для финансирования затрат в иностранной валюте на развитие водопроводной системы города, систем канализации и скотобоев. В письме недавно назначенному президенту Национального совета по планированию Рафаэлю Дельгадо Барренече вице-президент Банка Роберт Гарнер заявил, что Банк «из принципиальных соображений не будет рассматривать заявления о финансировании муниципальных проектов такого рода». Гарнер сообщил, что Банк рассмотрит заявления о финансировании проектов, связанных с коммунальными услугами, лишь в том случае, если «будут продемонстрированы конкретные данные о том, что эти проекты тесно связаны с развитием производственных мощностей». Единственное исключение, добавил он, может быть сделано, если будет показана «важность этих проектов для дальнейшего развития», и если «правительство Колумбии будет рассматривать их как часть всеобъемлющей программы муниципального развития»¹.

Учитывая необходимость поддержки со стороны национального правительства, делегация города Барранкилья в начале сентября 1952 года посетила Национальный совет по планированию и обратилась к нему с официальной просьбой поддержать заявление о предоставлении займа в сумме 5 089 700 долл. США по линии Международного банка для покрытия издержек в иностранной валюте на осуществление широкомасштабного инвестиционного плана. В протоколе встречи перечисляются цели плана: «Расширение водопроводной сети, расширение и улучшение канализации, благоустройство местного рынка, постройка новой скотобойни с мясоперерабатывающим заводом, улучшение организации уборки городских территорий, постройка современной больницы, мощение дорог и стандартизация системы трубопроводов»².

Общая сумма инвестиций была оценена в 95 млн колумбийских песо, из которых 25 млн планировалось выделить на жилищное строительство, 15 млн – на канализационные системы, 9 млн – на водопроводную сеть, 3 млн – на трубы и гидранты, 26 млн – на замену дорожного покрытия и до-

рожные работы, 5 млн – на сооружение новой больницы на 500 койко-мест, 2 млн – на школы, 3–5 млн – на рынки и скотобойни, почти 7 млн – на благоустройство района Зона-Негра и 120 тыс. колумбийских песо – на стадион³. Фактически, Зона-Негра – «возможно, самая ужасная из трущоб Колумбии»⁴, населенная чернокожими, – должна была стать основным адресатом плана в целом, поскольку программы по строительству жилья и прокладке канализации были нацелены в основном на этот район, жилищные условия в котором являлись «позором нации»⁵.

Как видно из этого списка, круг мер вмешательства был очень широким, а их целью являлось улучшение качества жизни беднейших слоев населения. Жители Барранкильи и прилегающих к ней районов понимали важность этой программы и ее значение для их благополучия и активно поддерживали ее. Поэтому Совет был уверен, что рост коммунальных тарифов, необходимый для покрытия затрат программы в национальной валюте, будет воспринят позитивно, если его результатом станут конкретные выгоды. В середине ноября Совет представил финансовую программу на рассмотрение президента Республики Колумбия Урданеты Арбелаэса. Источниками финансирования должны были стать средства граждан (почти 40% общей суммы предполагалось получить в результате повышения тарифов на коммунальные услуги и налога на собственность) и государственные средства (на долю средств из муниципальных, региональных и национального бюджетов приходилось 45% суммы), а также ряд менее значительных источников (например, частные предприятия, средства которых должны были составить 9% общей суммы)⁶. Президент Консультативного совета по общественным работам города Соледад, небольшого населенного пункта в нескольких милях от Барранкильи, имевшего доступ к единственному источнику воды (нефильтрованной и непригодной для питья) – реке Магдалена, написал письмо губернатору департамента Атлантико, предлагая единственный имеющийся у города резервуар для сбора воды, две турбины и три двигателя, используемые для закачивания воды для нужд города из реки Магдалена, в обмен на возможность подключения к новой расширенной водопроводной сети, которая могла бы, наконец, стать источником питьевой воды для населения города. Президент писал: «Большинство жителей Соледад – бедняки, но они готовы платить справедливую цену за доступ к питьевой воде. (...) Население этого муниципального образования давно мечтает пользоваться той же водой, что и жители Барранкильи»⁷.

В следующем году, несмотря на то, что некоторые проекты, в частности, строительство больницы, были отложены, и в полном объеме план не был опубликован, началась реализация большей части его мероприятий (в основном, строительство новых домов и канализационной системы

для района Зона-Негра)⁸. Как и надеялся Совет, население реагировало весьма позитивно, что позволило повысить плату за коммунальные услуги, не вызвав протеста⁹. Прежде всего, Совет еще надеялся, что ему удастся убедить Международный банк в социальной и экономической ценности плана. Бёрк Дж. Нэпп, первый директор подразделения Банка по работе в Латинской Америке, в то время находился в Колумбии, и Карри предложил ему посетить Барранкилью, чтобы встретиться с руководством этого города и оценить ситуацию лично. Как признавался Карри Холлопетеру: «Это будет хорошая возможность пробудить в нем интерес ко всему плану»¹⁰.

Как только в начале марта 1953 года план был опубликован, Совет направил его экземпляр в Международный банк, приложив к нему длинное письмо с ходатайством о займе¹¹. В этом письме Эмилио Торо (который был исполнительным директором Банка и хорошо знал эту организацию и ее руководство) стремился убедить скептически настроенного вице-президента Гарнера в эффективности и экономической осуществимости плана. Оспаривая аргументы Гарнера в пользу отказа в предоставлении займа¹², Торо отмечал, что Совет действовал в полном соответствии с замечаниями Гарнера и превратил обычный проект по улучшению водопроводной системы в «комплексную программу муниципального развития»¹³. Он подчеркивал важность того, чтобы часть источников финансирования, хотя бы скромная, приобрела форму внешнего займа, поскольку только таким образом Совет может гарантировать беспрепятственное осуществление плана в случае смены местной администрации¹⁴. Хорошо зная, что Международный банк не намерен создавать прецедент предоставления небольших займов муниципальным органам, Торо подчеркивал важность этого плана в общенациональном масштабе¹⁵. В то же время он стремился преуменьшить «социальную» значимость плана, говоря о гидротехнических сооружениях, скотобойне, общественных рынках и новой дороге между Барранкилей и Сьенагой, но не делая акцента на том, что фактически составляло основную часть плана, а именно, на программе жилищного строительства в районе Зона-Негра. Он также не упоминал о больнице и увеличении вдвое количества классных комнат в департаменте Атлантико¹⁶. В целом Торо настаивал на двух положениях, которые хотел услышать Гарнер: речь шла (1) о конкретном (и очень скромном – в размере 3,7 млн долл. США) проектном займе, (2) осуществляемом в рамках общего плана развития: «Хотя непосредственной целью займа является постройка водопровода, главная задача состоит в том, чтобы сделать возможным осуществление плана развития с бюджетом в 100 млн колумбийских песо»¹⁷. Таким образом, Совет надеялся, что Банк захочет направить краткосрочную миссию в Барранкилью до того, как делегация Колумбии получит приглашение посетить Вашингтон, чтобы ходатайствовать там о предоставлении данного займа¹⁸.

В ответ на продолжающееся молчание Банка правительство Колумбии дало своему послу в Вашингтоне инструкцию добиваться положительного ответа путем лоббирования¹⁹, после чего Гарнер написал Торо официальное письмо, в котором заявил, что Банк не будет участвовать в финансировании плана «Барранкилья». Стоит подробно процитировать это письмо:

«Банку следует сосредоточить усилия на проектах, которые приведут к наиболее значительному и быстрому росту объемов продукции и повышению производительности. Как правило, проекты развития на муниципальном уровне не соответствуют этому требованию. Однако мы считаем, что, выделяя займы на осуществление тех проектов, которые ему соответствуют, мы можем наиболее эффективно содействовать странам – членам нашей организации в развитии новых источников благосостояния и дохода, которые позволят им за счет собственных ресурсов улучшать коммунальные услуги, жилищные условия, здравоохранение и образование – фактически, пользоваться всеми плодами более производительной экономики»²⁰.

Довод Гарнера в этом письме к Торо был ярчайшим проявлением широко распространенной в то время веры в тесную причинную связь между экономическим ростом и социальным развитием. Одним из характерных примеров этой веры являлась теория «просачивания вниз». Она защищала тезис, согласно которому *даже если* распределение дохода от экономического роста в стране ухудшается, спустя разумный промежуток времени результаты будут положительными для общества в целом и, особенно, для наименее состоятельных слоев населения. Экономический рост являлся необходимым и достаточным условием для всестороннего развития страны. Возможно, именно это убеждение побудило Гарнера написать несколькими строками ниже:

«Что касается проекта «Барранкилья», то я убежден, что *несмотря на то, что его общественная полезность может быть значительной*, его экономические результаты даже близко не сравнятся с теми, которые могут быть достигнуты (...) путем реализации проектов, непосредственно ориентированных на продуктивные цели»²¹.

Для сегодняшнего наблюдателя, знающего, что экономический рост больше не может рассматриваться в качестве достаточной предпосылки для социального развития (хотя по-прежнему тесно связан с ним), это утверждение удивительно, однако в начальный период существования экономики развития оно выражало общепринятую точку зрения.

План «Барранкилья» в конце концов был опубликован в слегка измененной версии, которая учитывала отсутствие внешнего финансирования (Consejo Nacional de Planificación 1954, p. 8), но сохраняла свои основные характеристики. Главным последствием отсутствия внешнего финансирования было продление срока осуществления плана до 1958 года, так что теперь он был рассчитан не на пять, а на шесть лет, только и всего.

ПОЧЕМУ БАНК ОТКАЗАЛ В ФИНАНСИРОВАНИИ?

И вновь, как и в случае конфликта между Карри и Хиршманом, обращение к теоретическим дебатам не помогает. Внутри Банка эти дебаты были частью продолжавшейся более общей дискуссии в рамках новой науки об экономическом развитии – дискуссии, которая высветила противопоставление между «программой», или «планированием», с одной стороны, и «проектом» – с другой. Тем не менее план «Барранкилья» не дает оснований утверждать, что решение о целесообразности или нецелесообразности его финансирования определялось этими различиями. Конечно, такое противопоставление привело к дискуссии внутри Банка, Однако эта дискуссия всегда носила в большей степени практический, а не теоретический характер. Во-первых, важно помнить, что Банк начал свою деятельность с предоставления займов на программы послевоенного восстановления в странах Европы, а не на индивидуальные проекты. Во-вторых, несмотря на усиливающуюся тенденцию к финансированию отдельных проектов, Банк никогда не терял из виду программы общего характера, которые создавали условия для реализации конкретных проектов (IBRD 1954). В качестве примера можно привести ситуацию с заводом в Пас-дель-Рио. На фоне интенсивных публичных споров между некоторыми политиками, промышленниками и общественностью, с одной стороны, и Комитетом по экономическому развитию, – с другой, экономист Банка Жак Торфс предложил своему непосредственному начальнику, директору экономического департамента Леонарду Ристу вариант, при котором Банк открыл бы для правительства Колумбии «обусловленную» кредитную линию, чтобы найти компромиссное решение, удовлетворяющее Комитет²². Эта позиция была основана на убеждении, что, поскольку Банк вносит вклад в осуществление крупной *программы* последовательных инвестиций, он может выдвигать условия по поводу экономических решений правительства страны. В данном случае Банк, в конце концов, решил не участвовать в программе, но в ходе переговоров о предоставлении займов Колумбии он придерживался своей стратегии – не принимать решение о поддержке конкретных проектов, пока не будет опубликован всеобъемлющий план.

Таким образом, лучший способ понять причины тех или иных решений о займах заключается в том, чтобы рассматривать их не как результат

противоречия между «проектами» и «программой», а как следствие более фундаментальной и прагматической оценки самой природы этих займов. Говоря словами Роберта Гарнера, все, что не было «непосредственно ориентировано на продуктивные цели», не соответствовало критериям участия Банка²³. В тех случаях, когда инвестиции не были непосредственно ориентированы на эти цели, они немедленно воспринимались как слишком рискованные и не заслуживающие кредитования.

С другой стороны, такие люди, как Карри, полагали, что необходимость связывать между собой «неэкономические и строго экономические области» является очевидной – как писал Карри много лет спустя, размышляя о первых годах своего пребывания в Колумбии (Currie 1981, p. 55). С его точки зрения, необходимость связывать между собой различные области не противоречила необходимости направлять ресурсы на «продуктивные» цели. Никто, и тем более Карри, не сомневался в необходимости повышения производительности, как неотъемлемого элемента развития страны. Это могло произойти только путем развития механизированного сельского хозяйства и, в особенности, укрупнения промышленного сектора, обладающего ресурсами и факторами производства (включая энергетику, транспорт, сырье и машинное оборудование), зачастую при значительных объемах трудозатрат, или «неограниченном предложении» труда, по замечанию Льюиса (Lewis 1954). Таким образом, данное разграничение не представляется столь четким и ясным, каким оно должно было бы выглядеть в свете утверждения о необходимости поддерживать деятельность, «непосредственно ориентированную на продуктивные цели». Возможно, акцент следовало бы сделать на слове «непосредственно». Все, что не относилось к конкретным, четко определенным областям производства (прежде всего, к энергетике, транспорту и тяжелой промышленности), не считалось «продуктивным». Остается неясным, почему не учитывался продуктивный аспект других отраслей.

Помочь прояснить этот вопрос может информация о том, как Банк с самого начала подходил к предоставлению займов в сфере жилищного строительства. Таким образом, нам придется расширить сферу обсуждения и перейти от частного случая жилищного строительства и социально-экономического развития города Барранкилья к более общему и более актуальному вопросу о том, как Банк финансировал жилищные программы. (Подробнее см.: Alacevich 2009.)

МБРР и займы на жилищное строительство

Идея о том, что Международный банк может предоставлять займы на городское развитие и жилищное строительство, возникла внутри самого

Банка. Однако впервые разработала эту идею Международная организация труда (МОТ).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ МОТ И ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ МБРР

С 16 по 25 марта 1949 года Комитет МОТ по гражданскому строительству и общественным работам проводил свою вторую сессию в Риме. Пользуясь случаем, представитель делегации итальянских промышленников²⁴ г-н Гадола предложил, чтобы МОТ изучил возможность создания совершенно нового органа, Международного института кредитования строительства под контролем двух Бреттон-Вудских учреждений – Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Международного валютного фонда. Как отмечалось в протоколе заседания подкомитета: «Функция предлагаемого органа должна состоять в том, чтобы осуществлять сбор частных сбережений с помощью выпуска облигаций в тех странах, где существуют подобные сбережения, в целях выдачи ипотечных ссуд на строительство жилья, особенно для групп населения с низким доходом»²⁵. Основными целями этого предложения были оказание поддержки занятости и обеспечение ее стабилизации в международном масштабе: во-первых, с помощью стимулирования трудоинтенсивных видов деятельности, а во-вторых, путем содействия более эффективному распределению рабочей силы между странами. В отношении последнего вопроса подчеркивалось, что проект должен стимулировать миграцию из стран с избытком рабочей силы в страны, где наблюдается ее дефицит²⁶. Строительный сектор мог бы стать эффективным фактором роста, одновременно способствуя улучшению жилищных условий местного населения. В нем сочетались бы потребность в стимулировании экономического роста и социально направленные действия.

Резолюция была одобрена 25 марта, и Административный совет МТО получил приглашение связаться с представителями МБРР. Это произошло спустя месяц после того, как Юджин Р. Блэк, бывший исполнительный директор Банка от США, стал третьим президентом МБРР²⁷. Вопрос был немедленно передан в департамент экономики для первичного рассмотрения.

Департамент экономики, руководимый в то время Леонардом Ристом, разделил данный вопрос на две отдельные проблемы: 1) может ли жилищное строительство рассматриваться как проект, в достаточной мере ориентированный «на продуктивные цели», в соответствии с требованиями Статей соглашения МБРР²⁸; и 2) сможет ли Банк поддерживать с помощью кредитов (преимущественно в долларах США) проекты, расходы по которым в основном будут осуществляться в местной валюте, и, таким образом, удовлетворять лишь возможные «косвенные» потребности в иностранной валюте²⁹.

По первому пункту ответ был совершенно четким: «Несомненно, есть регионы, где недостаток жилья серьезно препятствует развитию новых отраслей промышленности и новых ресурсов, так что финансирование постройки нового жилья в этих регионах будет непосредственно продуктивным даже в узком смысле слова»³⁰. Что касается второго пункта, то здесь анализ был более сложным, в немалой степени потому, что на начальной стадии контактов было невозможно понять, какие именно варианты рассматривались МОТ. Банк акцентировал внимание на трех вариантах:

1. Новый институт продает облигации, гарантии по которым предоставляет МБРР.
2. Новый институт продает облигации; при этом Банк является гарантом не самих облигаций, но денежно-кредитной политики правительства, осуществляющего инвестиции в жилищное строительство.
3. Банк просто выступает в качестве спонсора нового института без каких-либо формальных обязательств.

Наиболее вероятным вариантом было то, что Институт кредитования строительства будет выпускать облигации на частных рынках стран-экспортеров капитала под гарантии МБРР. Однако доходы поступали бы в основном в долларах США, что было несовместимо с практикой финансирования исключительно проектов по строительству жилья, требующих в основном местной валюты. В результате было предложено, чтобы эти дополнительные ресурсы в валюте США добавлялись к общим ресурсам иностранной валюты страны-заемщика как дополнение «необходимое для того, чтобы справиться с инфляционным давлением, возникающим вследствие усиления строительной активности»³¹.

В качестве альтернативы Банк рассматривал вариант о том, что к нему обращаются с просьбой убедить потенциальных *местных* инвесторов покупать облигации Института на местном рынке; при этом Банк гарантировал бы им возмещение убытков, связанных с девальвацией местной валюты. Конечно, авторитет Банка помог бы «успешно контролировать правительство»³². Менее вероятный вариант состоял в том, что в проекте использовались бы только престиж и опыт Банка без каких-либо формальных гарантий в отношении облигаций, выпускаемых Институтом.

Хотя все эти три сценария, особенно первый, противоречили первоначально принятой Банком кредитной политике предоставления иностранной валюты для выполнения конкретных восстановительных программ, в «Статьях соглашения» открыто предусматривались кредиты, связанные с «косвенным» увеличением потребности в иностранной валюте³³. На этом основании департамент экономики рекомендовал более глубоко изучить этот вопрос и просил МОТ уточнить, какое именно участие требуется от Банка³⁴.

ОТКАЗ МБРР ОТ УЧАСТИЯ

Переговоры между МОТ и МБРР продолжались еще какое-то время, но Институт кредитования строительства так никогда и не был создан. Это случилось отчасти из-за конфликтов в МОТ, главным образом между представителями стран и техническим персоналом³⁵. Персонал МОТ чрезвычайно скептически отнесся к целесообразности создания столь крупного нового органа, а также к тому, что этому органу удастся найти ресурсы для финансирования проектов жилищного строительства, и что Банк действительно выступит его спонсором, как это предусматривалось в резолюции комитета МОТ, принятой в марте 1949 года.

С другой стороны, представители стран выражали потребность многих государств решать проблемы послевоенного восстановления, социальные проблемы или и те и другие вместе, и рассматривали новый институт под руководством МБРР как способ направить ресурсы в жилищный сектор. Дефицит жилья был широко обсуждаемой проблемой, и, по крайней мере, до середины 1950-х годов выдвигалось множество предложений о программах или учреждениях по финансированию жилищного строительства³⁶.

Со своей стороны, Международный банк стремился избежать любых соглашений по проектам, связанных с жилищным строительством³⁷. Как объяснял президент Банка Юджин Блэк своему коллеге из МОТ Дэвиду Морсу, Банк придерживался строгого правила, согласно которому ссуды в иностранной валюте могли использоваться только для финансирования расходов на импортные товары и услуги, и не могли быть перенаправлены на финансирование затрат в местной валюте³⁸. Существовало также более общее правило: кредиты, предоставляемые Банком, должны были предназначаться «на продуктивные цели». По словам Ричарда Демута, руководителя Бюро технической помощи и персонала по связям: «Первый тест, который проходит каждый проект, претендующий на финансирование по линии Банка, – это тест на производительность». Производительность же инвестиций в строительство жилья казалась слишком низкой³⁹.

Таким образом, Банк не предоставил ни одного займа на финансирование мероприятий в сфере жилищного строительства, городского планирования и строительных материалов. Лишь два займа касались, в ряду других вопросов, строительной отрасли. В займе на восстановление, предоставленном Нидерландам в 1947 году, часть средств использовалась на финансирование импорта материалов для жилищного строительства. Фактически, в Нидерландах постройка домов для рабочих взамен разрушенных во время войны была «необходимым шагом для восстановления голландских предприятий, игравших ключевую роль в национальной экономике»⁴⁰. В составе займа, предоставленного в 1952 году на совершенствование сельскохозяйственного производства в Исландии, часть средств была использована для

постройки ферм (IBRR 1952 а). Однако, поскольку Исландия была вынуждена импортировать почти весь объем строительных материалов, этот заем сочли совместимым с правилом о допустимости финансирования лишь валютной части сметы по проекту⁴¹. Кроме этих двух займов, Банк практически никогда не рассматривал предложений, относящихся к строительной отрасли, разве что в порядке исключения (например, сооружение строительного городка в рамках проекта по возведению дамбы).

Споры внутри Банка: займы с целью смягчения инфляционного воздействия и «социальные» займы

Несмотря на недвусмысленное решение не предоставлять займы, которые топ-менеджмент считает не соответствующими функциям Банка, внутренние дискуссии не прекратились. Споры концентрировались вокруг двух различных предложений: займов, вызванных последствиями воздействия других инвестиций на национальную экономику, и займов, предоставляемых с «социальной» целью.

ЗАЙМЫ С ЦЕЛЬЮ СМЯГЧЕНИЯ ИНФЛЯЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Первая дискуссия была посвящена теме, которую департамент экономики уже изучал в контексте предложения МОТ, – а именно, полезности предоставления займа в долларах в тех случаях, когда фактически необходимы инвестиции в местной валюте. Такой заем гарантировал бы стабильность платежного баланса, предположительно испытывающего давление в связи с ростом внутренних расходов, вызванным этими инвестициями. Позже это было названо «займом с целью смягчения инфляционного воздействия» (impact loan); другими словами, речь шла о займе, который не поддерживает напрямую конкретный проект, а смягчает последующее инфляционное воздействие этого проекта на платежный баланс страны.

Этот эффект подробно обсуждался в «Пятом годовом отчете Совету управляющих» Банка (IBRD 1950 с). В этом документе анализировалась возможность того, что местные затраты на рабочую силу или оборудование, производимое внутри страны, могут повысить спрос на импортные потребительские товары или сырье, или, как сказано в «Отчете», «потребность в иностранной валюте, косвенно обусловленную предшествующими затратами в местной валюте» (IBRR, 1950 с, р. 10). В «Отчете» содержался вывод о том, что в подобных случаях предоставление кредита Банком целесообразно, поскольку направлено на поддержку страны в период активного развития, а также на устранение или сдерживание инфляционных тенденций.

Этот анализ базировался на исследовании, которое Пауль Розенштейн-Родан, работавший тогда в департаменте экономики, провел в связи с за-

явкой о предоставлении займа с целью финансирования мероприятий по развитию южной Италии, поступившего в Банк от итальянского правительства в конце 1948 года. Правительство Италии располагало финансовыми средствами для осуществления инвестиционной программы с использованием внутреннего капитала, но не имело резервов иностранной валюты. По оценке Розенштейна-Родана, дополнительный доход, генерируемый в результате реализации этой инвестиционной программы, приведет к повышению внутреннего спроса. Это, в свою очередь, создаст дополнительный спрос на импортные товары. В результате страна окажется под инфляционным давлением, и у нее появится потребность в дополнительных резервах иностранной валюты. Банк мог бы взять на себя ответственность за предоставление этих дополнительных валютных ресурсов. Таким образом, данный кредит финансировал бы «последствия инвестиционной программы, осуществляемой итальянским правительством»⁴².

Интересно, что этот механизм во многих аспектах был аналогичен механизму, выявленному в исследованиях Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА) и ее руководителя Рауля Пребиша. Впоследствии Альберт Хиршман дал этому механизму новую формулировку и осветил его в своей книге «Стратегия экономического развития» (*The Strategy of Economic Development* [1958] 1963). В обоих примерах данный подход может быть определен как «структуралистский» в противоположность «монетаристскому»; проблемы платежного баланса и инфляции в развивающихся странах рассматривались не как следствие безответственной налоговой и денежно-кредитной политики, но как структурная несбалансированность, результат дефицита предложения, неизбежно возникающего в процессе развития.

Анализ, проведенный Пребишем и ЭКЛА, был вызван необходимостью определения антициклических мер, которые позволили бы странам Латинской Америки двигаться по пути индустриализации, не испытывая снижения занятости и налоговых поступлений, типичного для периодов депрессии, источником которой были страны, находящиеся «в центре» мировой экономики. Решением, предложенным ЭКЛА, было «импортзамещение».

В периоды роста, происходившего в странах «центра» (к числу которых относились США, и, после восстановления, страны Западной Европы), рост экспорта (и, соответственно, доходов) проявлялся также и на латиноамериканской «периферии». Этот рост, в свою очередь, вел к росту внутреннего спроса и, следовательно, импорта. Обратное явление происходило в периоды депрессии: спад экспорта вел к спаду занятости и, соответственно, импорта. Антициклическая политика для стран Южной Америки позволила бы сократить импорт за счет ограничения менее важных его статей (потребительских товаров) и концентрации на импорте това-

ров производственного назначения. Это привело бы к росту внутреннего предложения в среднесрочной перспективе. Такое предложение в большей степени соответствовало бы спросу, не создавая бремени для платежного баланса, и оказывало бы положительное воздействие на занятость благодаря созданию новых рабочих мест. Отечественная продукция постепенно заменила бы собой импорт, освободив «периферийные» страны от циклических процессов, порождаемых странами «центра».

Эта фаза индустриализации, осуществляемая посредством импортозамещения, не была бы полностью свободной от инфляционного давления. В важнейших публикациях ЭКЛА тех лет подчеркивалось, что «замещение импорта внутренним производством требует ввоза товаров производственного назначения. [...] Для импорта товаров производственного назначения понадобится еще больше сократить коэффициент импорта для текущего потребления, что приведет к дальнейшему повышению стоимости жизни» (ECLA 1950, p. 53). Однако такое препятствие «несомненно, частично может быть устранено благодаря сотрудничеству с международными финансовыми институтами» (ECLA 1950, p. 53–54).

Несколько лет спустя Альберт Хиршман провел углубленный анализ того, как «инфляционные импульсы передаются экономике посредством *определенных типов секвенций развития*» (Hirshman [1958] 1963, p. 158; курсив в оригинале), а не посредством непродуманной денежно-кредитной политики или повышенной склонности к затратам (государственным или частным). В странах, где возможности для предпринимательства в целом ограничены и где эластичность предложения в краткосрочной перспективе низка, рост цен на отдельные товары служит индикатором инвестиционных возможностей. К тому же в странах, переживающих этап индустриализации, в отличие от промышленно развитых стран, новое промышленное производство возникает в условиях, когда конкуренция очень ограничена, и, таким образом, не способствует сдерживанию цен на внутреннем рынке.

В противоположность позиции ЭКЛА, Хиршман заявлял, что инфляция, вызванная повышением спроса, не является определяющим фактором давления на платежный баланс. Не отрицая инфляции, он объяснял ее другими причинами: в некоторых случаях инфляция порождается утечкой иностранной валюты, а не повышением цен на внутреннем рынке; в результате этого давление на платежный баланс «происходит *вместо повышения цен, а не в дополнение к нему*» (Hirschman [1958] 1963, p. 166; курсив в оригинале).

Тем не менее, согласно анализу Хиршмана (в данном случае в соответствии с позицией ЭКЛА), реальные ограничения предложения были порождены ограниченностью внутреннего производства. Использование таких ресурсов, как иностранная валюта или международная помощь,

на которые не повлияло движение цен, было бы полезным, если бы оно способствовало росту импорта и одновременному подъему внутреннего производства, увеличивая, таким образом, эластичность предложения в условиях низкой или даже нулевой инфляции (Hirschman [1958] 1963, р. 167–168). В более поздней публикации Хиршман заявлял, что «потребность развивающихся стран в международной финансовой помощи обусловлена не столько тем, что эти страны слишком бедны, чтобы изыскать средства, необходимые для достижения того или иного целевого показателя роста [...], сколько определенными диспропорциями, порождаемыми процессом роста. На определенном этапе потребность развивающейся экономики в импорте входных ресурсов опережает ее способность к увеличению экспорта» (Hirschman 1984, р. 103).

Несмотря на единство мнений в отношении анализа, обосновывавшего целесообразность предоставления международных займов с целью увеличения ресурсов иностранной валюты в развивающихся странах, и несмотря на то, что это единство проявлялось как внутри Банка, так и за его пределами («Пятый годовой отчет Совету управляющих», Розенштейн-Родан, ЭКЛА и Хиршман), Международный банк не захотел взять на себя риск и изменить направление деятельности. Например, первые два займа, предоставленные Италии «с целью смягчения инфляционного воздействия», увенчались успехом, но не получили продолжения. Как отмечал Розенштейн-Родан: «Это противоречило мышлению многих людей, особенно [...] наиболее консервативному деловому мышлению сотрудников Банка»⁴³. Обычно персонал Банка концентрировался на технических аспектах проектов и не видел ни пользы, ни смысла в комплексном экономическом анализе. Широко распространенное среди сотрудников Банка негативное отношение к займам, выходящим за рамки «проектного подхода», в обобщенном виде выразил неназванный высокопоставленный представитель Банка, цитируемый Мейсоном и Ашером: «Зачем возиться с кредитами на программы и проекты, результаты которых трудно оценить, если мы уже сейчас являемся лучшими в финансировании проектов, связанных с электроэнергией и транспортом, и впереди еще множество энергетических и транспортных проектов, которые можно профинансировать?»⁴⁴

«СОЦИАЛЬНЫЕ» ЗАЙМЫ

Вторая дискуссия дополняла первую и была непосредственно связана с опытом проведения общих обзорных миссий Банка в развивающихся странах. Благодаря полученным из первых рук данным об экономических и социальных условиях, существующих в этих странах, члены миссий поняли, что в дополнение к стимулированию и поддержке «продуктивных» видов деятельности, необходимо срочно обратиться к решению вопросов,

которые по своему характеру являлись социальными. Согласно докладам многих миссий Банка, обращение к социальным вопросам было принципиально важно для содействия устойчивому и долговременному процессу развития. Развитие вызывало изменения темпов роста в различных секторах экономики, структур спроса и предложения, а также темпов роста городского и сельского населения, создавая, таким образом, давление на социальную структуру стран, в которых и так уже отмечался высокий уровень напряженности.

Например, кубинская миссия 1950 года рекомендовала предпринять немедленные действия, направленные на резкое увеличение объемов питьевой воды в городе Сантьяго, который в это время находился на грани гуманитарной катастрофы: «Город едва избежал катастрофы летом 1950 года, и не стоит рассчитывать, что такое же чудо спасет его в следующий раз» (IBRD 1951, p. 31). Миссия на Ямайке определила в качестве приоритетной задачи восстановление, по меньшей мере, 30% жилых зданий на острове (IBRD 1952b, p. 125), а заключительный отчет миссии в Никарагуа начинался с главы «Канализация, образование и здравоохранение», в которой указывалось:

«Затратам на улучшение санитарных условий, образования и здравоохранения, несомненно, должен быть отдан приоритет в любой программе, нацеленной на долгосрочный рост и развитие экономики Никарагуа. [Данная] программа [...] одновременно занимается проблемами роста производительности в натуральном выражении и улучшением условий жизни народа. Эта программа является неотъемлемой частью программы инвестиций в области сельского хозяйства, промышленности и транспорта» (IBRD 1953, p. 22).

Одним из наиболее интересных примеров является миссия в Колумбию, поскольку продолжительный визит Карри в эту страну позволил придать последовательный характер разработке и внедрению рекомендаций. Программа реконструкции города Барранкилья и его района Зона-Негра опиралась на отчет миссии за 1949 год, в котором рассматривались проблемы здравоохранения и жилищный вопрос, проблемы строительного сектора, а также проблема низкого охвата населения школьным образованием. Однако, как мы уже отметили, Банк не стремился двигаться в этом направлении.

Однако аргумент о том, что муниципальные коммунальные службы и, в особенности, жилищный сектор, не приносят прямого экономического эффекта, уже тогда выглядел не вполне убедительным. Локлин Карри предложит свою модель «ведущего сектора» только в 1970-х годах, используя строительный сектор в качестве эффективного примера; вместе с тем очевидно, что этот механизм, если не само его название, уже был задействован в программе строительных работ, предложенной для города Барранкилья.

Таким образом, вполне уместно процитировать мнение Карри по поводу строительного сектора, высказанное в 1974 году:

«Доля импорта является низкой. Доля неквалифицированного труда относительно высока. Потребность, которую удовлетворяет эта сфера, является столь актуальной, что в США и Канаде, несмотря на высокий уровень доходов населения, «внутренние операции» все еще поглощают около 30% располагаемого дохода. Имеющийся запас жилищных ресурсов столь велик, что сравнительно небольшое его увеличение окажет крайне незначительное воздействие на цены. [...] Правда, в развивающейся стране жилищные ресурсы не столь велики, но это более чем компенсируется высокими темпами роста городского населения и потребностью в реконструкции обширных районов, занятых трущобами (Currie 1974, p. 7).

Карри рекомендовал устранить все препятствия на пути развития в тех секторах, в которых может ожидать значительный (пусть даже латентный) спрос и которые, по прогнозам, могут достигнуть высоких темпов роста, «независимо от общих темпов роста экономики» (Currie 1974, p. 6). Эти условия (высокий, но латентный спрос) определяли сектор, обладающий потенциалом быстрого роста даже без первоначального корреспондирующего роста в других секторах экономики. Такой сектор стал бы лидером и локомотивом экономики, создавая импульс для непрерывного и устойчивого роста.

Карри не был удовлетворен объяснениями по поводу порочного круга бедности, рассматривающими бедность в категориях общего дефицита ресурсов и капитала; также его не убеждали решения, базирующиеся на необходимости одновременного совокупного роста в различных секторах экономики с тем, чтобы обеспечить ее процветание. В противоположность этому, он предложил выбрать один или несколько секторов, которые при соответствующем стимулировании и активизации могли бы служить локомотивами для других секторов. Здесь можно увидеть значительное сходство с теорией Хиршмана о «несбалансированном росте».

Пример Барранкильи был особенно интересным, поскольку потребность в стимулировании экономики посредством выбора пилотного сектора сочеталась в нем с необходимостью реагировать на социальные нужды. Работая в качестве экономического консультанта в Колумбии, Карри, таким образом, мог воплотить в жизнь свое давнишнее желание соединить «гуманитарные и социальные цели «Нового курса» [с] надежной экономической теорией»⁴⁵. Почти так же, как Гуннар Мюрдаль в своих размышлениях о бесполезности идей об «экономических» и «неэкономических» факторах (Myrdal 1957, p. 21), Карри жалуется, что Банк «придерживался странного

убеждения, что вода является социальным, а не экономическим фактором» (Currie 1979, p. 11). Речь здесь идет о том же самом разграничении между экономическими и социальными (и, следовательно, не имеющими отношения к экономике) вопросами, которое было бессмысленным для экономистов в области развития. Как утверждал Мюрдаль, «это разграничение является бесполезным и бессмысленным критерием с точки зрения логики; оно должно быть заменено разделением на «значимые» и «незначимые» или «более-менее значимые» факторы» (Myrdal 1957, p. 21–22).

Однако Банк не чувствовал потребности в принятии таких критериев и систематически отвергал проекты, которые носили откровенно «социальный» характер. Когда Карри в 1951 году предложил крупный и разносторонний инвестиционный план, охватывающий как социальную, так и экономическую сферы (естественное продолжение научно-исследовательской работы, проведенной миссией 1949 года), вице-президент Роберт Гарнер якобы сказал ему: «Черт возьми, Лок! Мы не можем возиться с образованием и здравоохранением. Мы же *банк!*»⁴⁶. Несмотря на рекомендации, Банк в 1950-е годы не выделил ни одного кредита Кубе или Ямайке. Из девяти кредитов, предоставленных Никарагуа, начиная с миссии 1953 года до конца десятилетия, ни один не имел социального компонента. Позицию Банка хорошо выражают слова Бёрка Нэппа:

«Вода – это то, что прежде всего нужно людям, но мы должны различать [...] удобства, которые повышают жизненный уровень, и [...] проекты, способствующие развитию экономики. [...] Мы должны концентрироваться на последних»⁴⁷.

Неуклонная приверженность Банка к «непосредственно производительным» займам

Позиция Банка, таким образом, не менялась, несмотря на размышления и возможности, возникавшие при рассмотрении возможных «займов с целью смягчения инфляционного воздействия» и «социальных займов». Такую политику обуславливали четыре основные причины: финансовая причина, заставлявшая учитывать объем средств, которые были доступны в то время для осуществления операций Банка; культурно-политическая причина, которая касалась высшего руководства Банка; политическая причина, которая включала в себя влияние различных политических и экономических элит США на внешнеэкономическую политику Соединенных Штатов; а также опыт предоставления первых кредитов Банка. Несмотря на то, что все эти четыре причины связаны между собой, здесь они будут рассматриваться по отдельности.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ СРЕДСТВ НА РЫНКЕ КАПИТАЛА США

Первоначально предполагалось, что Банк будет в основном выступать в роли гаранта прямых иностранных инвестиций в странах, находящихся на этапе восстановления, и только позже речь зашла о развивающихся странах. Иными словами, считалось, что Банк будет использовать свои ограниченные ресурсы, как гарантийный фонд. Таково было общее допущение, но обстоятельства опровергли его, как только Банк начал работать. Оказалось, что потоков прямых иностранных инвестиций было недостаточно, чтобы обеспечить восстановление Европы. В результате Банку пришлось работать не только в качестве гаранта, но и в качестве кредитной организации. На этом этапе для Банка стало необходимым привлечение на рынки капитала дополнительных средств, которые могли бы стать основой для кредитов, предоставляемых Банком сначала европейским, а затем развивающимся странам.

Фактический объем ресурсов, доступных Банку, составлял только 2% золота, внесенного всеми странами-участницами, плюс 18% суммы в долларах, внесенной США. В этих условиях Банк начал выпускать облигации, продажи которых позволяли ему заимствовать средства на рынках капитала. Для этого Банк должен был доказать свою финансовую надежность. Это стало первоочередной задачей президента Макклоя и его заместителя Гарнера, когда они пришли работать в Банк в марте 1947 года. Они занимались этим вместе с исполнительным директором от США, Блэком, который позже возглавил Банк.

Еще до того как Банк смог продавать свои облигации страховым компаниям, инвестиционным банкам, пенсионным фондам или поручительским фондам на рынке США, требовалось, чтобы отдельные штаты признали законную силу этих облигаций. В период между Первой и Второй мировыми войнами было много случаев, когда кредиты иностранным правительствам не возвращались: согласно Краске и др. (Kraske et al. 1996, p. 59), не было возвращено 34% всех займов иностранным правительствам, объявившим дефолт. Поэтому многие штаты США запрещали банкам, фондам и страховым компаниям выдавать кредиты зарубежным контрагентам. Поскольку Банк являлся финансовым учреждением, действующим на многосторонней основе, было необходимо убедить каждый штат, один за другим, разрешить местным финансовым организациям покупать облигации Банка.

Как вспоминал Гарнер, вначале «не было ни одного финансиста с Уолл-стрит, который бы согласился иметь дело с облигациями [Банка]»⁴⁸. Открытие кредита становилось возможным благодаря «информационным конференциям», с помощью которых Банк приобретал известность в финансовых кругах и в прессе, в особенности же – благодаря связям Джона

Макклоя, Роберта Гарнера и Юджина Блэка в финансовом мире США. В середине июля 1947 года было проведено первичное размещение облигаций Банка на Нью-Йоркской фондовой бирже. Спрос был значительно выше предложения, и выручка Банка составила более 250 млн долл. США.

Если в краткосрочном периоде руководство Банка могло положиться и полагалось на личные связи на Уолл-стрит, в долгосрочной перспективе Банку было необходимо доказать свою силу и надежность. Предельная осторожность при принятии инвестиционных решений стала визитной карточкой президента Макклоя, вице-президента Гарнера и исполнительного директора Юджина Блэка, позже ставшего третьим президентом Банка. Этим четко объясняется приверженность Банка к конкретным проектам «производительной направленности». Инвесторы хотели иметь гарантии, что их деньги будут вложены в производительные виды деятельности, которые можно будет легко отслеживать. Однако такая причина больше подходит для того, чтобы объяснить предпочтение кредитов, связанных с единичными и контролируруемыми проектами, а не с крупными инвестиционными программами, характеризующимися множеством переменных, которые значительно сложнее оценить. С другой стороны, это не объясняет, почему некоторые инвестиции, которые позволяли получить справедливую прибыль, могли быть тщательно спланированы и легко отслеживались (например, программы по строительству жилья), были отклонены. Таким образом, чтобы получить более полную картину, мы должны также оценить культуру управления банковским учреждением.

ФИНАНСИСТЫ С УОЛЛ-СТРИТ

Президенты Банка и их сотрудники имели сходный профессиональный опыт. Юджин Мейер, первый президент Банка, «был фигурой, широко известной на Уолл-стрит» (Kraske et al. 1996, p. 19). В возрасте 26 лет он уже разбогател на фондовом рынке, а в 71 год, когда ему предложили пост президента Банка, имел устойчивую репутацию инвестиционного банкира, обладавшего связями в кругах республиканцев (а также государственного служащего – члена различных комитетов и советов на протяжении долгих лет).

Джон Макклой и команда, которую он привел с собой в Банк в начале 1947 года, большую часть своей карьеры провели на Уолл-стрит. Закончив Гарвард, Макклой работал юристом в самых привилегированных кругах Нью-Йорка, что открыло ему доступ в крупнейшие корпорации страны. Он принадлежал к консервативной, республиканской части высшего общества Нью-Йорка (Bird 1992; Kraske et al. 1996). Роберт Гарнер – выходец из среды крупных североамериканских промышленников: «Во время работы в «Гэранти» [«Гэранти траст компани»] у меня появилось множе-

ство друзей на Уолл-стрит» (Garner 1972, p. 157). В 1942 году он стал вице-президентом по финансам в «Дженерал фудс». На должность президента Международного банка его предложил Макклою Гарольд Стэнли, один из двух совладельцев банка «Морган Стэнли» (Garner 1972 г., p. 206).

В 1949 году третьим президентом Банка стал Юджин Блэк; до этого он был вице-президентом банка «Чейз нэшнл», где отвечал за инвестиционный портфель. Как и Мейер, он «был опытным инвестиционным банкиром, фигурой, хорошо известной и уважаемой на Уолл-стрит. При просмотре писем, которые он получал, будучи исполнительным директором, а позже – президентом Всемирного банка, возникает ощущение, что листаешь справочник «Кто есть кто в финансовом мире США» того времени» (Kraske et al. 1996, p. 78). Блэк надеялся, что его преемником станет Дуглас Диллон или Дэвид Рокфеллер (оба – представители элиты социального и финансового истеблишмента США).

Этого не случилось, но Джордж Вудз, занявший этот пост в 1963 году, вышел из той же среды. Он был председателем «Ферст Бостон корпорейшн», инвестиционного банка, имевшего прочную репутацию на Уолл-стрит, и специалистом по поглощениям и андеррайтингу, т. е. «закупочной стороне инвестиционного бизнеса» (Kraske et al. 1996, p. 116).

Макклой стремился представить топ-менеджеров Банка как бизнесменов, стоящих вне политики, подчеркивая их связи с финансовой элитой США. Это был путь к укреплению независимости организации. Частью управленческой культуры этих людей и их подхода к профессии было восприятие Банка не как агентства по развитию, но именно как *банка*, чьи инвестиции должны быть продуктивными и, по словам Гарнера, вести к «максимально значительному и быстрому росту производительности и объемов производства»⁴⁹. С приходом Макклоя эта культура еще более укрепилась.

На проблему базовой идентификации Банка обратил внимание еще Рой Харрод, когда описывал Бреттон-Вудскую конференцию в своей биографии Кейнса: «Самый спорный вопрос никогда не обсуждался в полном объеме – а именно, должен ли Банк быть надежным консервативным учреждением в стандартном понимании, или же ему стоит отойти от ортодоксальных мер предосторожности в направлении большего риска» (Harrod 1951, p. 580). С приходом Макклоя решение было принято: «Банк должен был стать не политическим или благотворительным агентством, но устойчивым в финансовом отношении кредитным учреждением, а критерии, определяющие направление его бизнеса, должны были быть приемлемыми для Уолл-стрит» (Kraske et al. 1996 г. p. 53).

Усилия Макклоя оказались столь успешными, что посол США в Чили Клод Г. Боуэрс выразил озабоченность слишком тесными связями между

Банком и Уолл-стрит. В ходе обсуждения вопроса о предоставлении Банком кредитов Чили посол писал президенту США Гарри Трумэну: «Наши недруги [...] обвиняют нас в том, что Международный банк находится под влиянием Уолл-стрит, и что мы вернулись к «дипломатии доллара», забыв о политике добрососедства»⁵⁰.

Связи руководства Банка с Уолл-стрит были, безусловно, полезны для того, чтобы представить Банк как надежный и ответственный финансовый институт. Топ-менеджеры Банка вели себя как финансисты с Уолл-стрит не только из тактических соображений, чтобы позиционировать Банк в качестве кредитоспособной и заслуживающей доверия структуры – они и в самом деле были финансистами с Уолл-стрит. Культура и профессиональный жаргон, которые они принесли с собой в Банк, позже подверглась жестокой критике в первой официальной истории Банка:

«Первые материалы о Банке полны упоминаний о «надежной» экономической политике, «надежной» бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политике, и разного рода других «надежных» политических мерах. При этом подразумевалось, что различие между надежной и ненадежной политикой так же очевидно, как различие между днем и ночью [...]. Однако это различие не всегда является таким уж очевидным, и в этих случаях позиция тех, для кого оно очевидно, выглядит раздражающе доктринерской» (Mason and Asher 1973, p. 186, курсив в оригинале).

ВНЕШНЯЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США И УПАДОК «НОВОГО КУРСА»

С окончанием Второй мировой войны подошла к концу эра «Нового курса». Это имело значительные международные последствия в контексте роли США в восстановлении международного экономического порядка. Державы «Оси» потерпели крах, а страны Западной Европы, включая Великобританию, переживали чрезвычайно тяжелый период. Помощь из Северной Америки имела жизненно важное значение. Советский Союз отказался от всех форм международного сотрудничества и вместо этого сконцентрировался на своей сфере влияния, даже несмотря на участие в Бреттон-Вудской конференции. Со своей стороны, Бреттон-Вудские учреждения являлись частью нового международного порядка.

США стремились преодолеть внешнеторговые ограничения и двигаться в сторону большей интеграции рынков. В основе этой концепции, несомненно, лежали торговые интересы: американские производители нуждались в открытой торговой политике, чтобы продавать свою продукцию

на новых рынках. Однако это также было уроком, извлеченным из опыта 1930-х годов: внешнеторговые ограничения порождали политическую враждебность.

Чарльз С. Майер (Maier 1977, р. 609) охарактеризовал концепцию, которой придерживались США, как «эсхатологию мирного процветания», основанную на необходимости возрождения международных торговых отношений, с упором на производительность и экономический рост. Эта концепция уходила корнями в политический и экономический опыт «Нового курса» и экономику военного времени. Согласно Майеру, акцент, который США делали на международном экономическом росте в послевоенный период, был непосредственно связан с тем, как США преодолевали внутренний социальный конфликт в предшествующие 15 лет: невозможность искоренить конфликт вынудила США снимать напряженность посредством компромиссов.

На несколько лет американское бизнес-сообщество отказалось от традиционных стратегий трат и планирования, которые пропагандировались сторонниками «Нового курса». Экономика военного времени вынудила бизнес вновь разделить с правительством решение задачи по планированию и управлению ресурсами, необходимыми для поддержки усилий в оборонной сфере. Из этого сосуществования возник компромисс между двумя глубоко различными парадигмами. В соответствии с этим компромиссом, считалось, что экономический рост, благодаря повышению благосостояния в широком смысле слова, сумеет смягчить проблему распределения (которая в ее крайнем проявлении приобретает форму «классовой борьбы»). Состояние равновесия и, в конечном итоге, застой во взаимоотношениях между сторонниками стратегий перераспределения (типичных для довоенного «Нового курса») и представителями промышленного и финансового сообществ (недавно вернувшихся к непосредственной политической деятельности) побудили политическую элиту обратиться к так называемым «аполитичным стратегиям производительности» (Meier 1977, р. 613). Таким образом, американское общество смогло справиться с конфликтом с помощью экономического роста, в результате которого выиграли представители всех социальных слоев.

Устранение конфликта, связанного с распределением, путем решения проблемы дефицита стало краеугольным камнем экономической политики США – как внутренней, так и внешней: «Истинная диалектическая борьба идет не между классами, а между расточительством и изобилием» (Maier 1977, р. 615). Изобилия можно было достичь путем грамотного стимулирования экономики и ее механизмов, и оно стало в значительной степени результатом *технической*, а не *политической* компетентности. В период «холодной войны» эта стратегия принесла значительные политические дивиденды.

денды и, в частности, помогла в борьбе против коммунизма (Garner [1956] 1969). Международный банк и Международный валютный фонд являлись неотъемлемой частью этой картины, и их действия были, несомненно, созвучны этой «стратегии производительности».

Заслуживает внимания еще одна аналогия между Банком и политико-экономическим миром США: параллель между уходом из правительственных структур сторонников «Нового курса» вскоре после войны, и отстранением от должности сторонников «социальных» вопросов в первые годы работы Банка. Эта параллель является важной, поскольку в обоих случаях друг другу противостояли одни и те же силы, идеологии и подходы к экономическим и социальным реалиям.

После краха 1929 года промышленная и финансовая элита США была глубоко дискредитирована. На последующее десятилетие экономическая инициатива была отдана неортодоксальным политикам и экономистам, поддерживавшим «новый курс» Рузвельта. Десять лет спустя финансисты и промышленники, не поддержавшие экономический и политический план Рузвельта, были вновь призваны в правительство в связи с новыми потребностями и запросами военного времени. К концу войны и после периода конфронтации со сторонниками «Нового курса» они вновь встали у штурвала, тогда как поколение «Нового курса» оказалось на мели.

Бреттон-Вудские институты появились в результате работы сторонников «Нового курса» и ранних кейнсианцев. Однако Банком управляли люди, тесно связанные с Уолл-стрит, весьма критически относившиеся к Рузвельту (что ясно из жесткого суждения Гарнера: « [Рузвельт] причинил больше вреда нашей стране, чем кто-либо другой за всю ее историю»). Поначалу сторонники «Нового курса» пытались влиять на основные решения, касающиеся экономической стратегии Банка, о чем свидетельствует ряд предложений о расширении деятельности в «непродуктивных» областях; однако несколько лет спустя эти люди были отстранены от должности.

С этой точки зрения пример Локлина Карри особенно поучителен и демонстрирует растущую изоляцию, в которой оказались многие сторонники «Нового курса», когда ведущие позиции в Банке заняли финансисты с Уолл-стрит.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ БАНКА В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ: ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ ИЗМЕНЕНИЙ

Первые займы, предоставленные Банком европейским и развивающимся странам, оказались успешными и фактически были полностью возвращены. По мнению тех, кто призывал к осторожности и считал, что в условиях,

когда привлечение средств сопряжено с трудностями, участие в высокорисковых займах неприемлемо для Банка, причин для изменения политики не было. Успех первых займов подтвердил правильность этой позиции, в противоположность альтернативным предложениям о «займах с целью смягчения инфляционного воздействия» или социальных займах, и способствовал сохранению данной модели.

Обращаясь к истории займов, предоставленных Банком в первые 15 лет его существования – от долгого периода президентства Блэка (1949–1962 годы) до начала президентского срока Джорджа Вудза – мы видим подтверждение этого несомненного успеха. Первые два года фактической деятельности Банка – с 1947 по 1948 год, поскольку 1946 год был затрачен на создание внутреннего административного аппарата, – были посвящены кредитам на восстановление Европы на сумму около 500 млн долл. США. После снижения темпов работ в 1949–1950 годах (годы перехода от послевоенного восстановления к развитию) ежегодный объем займов, предоставленных Банком, стабилизировался на уровне около 325 млн долл. США вплоть до 1958 года, когда он вырос до 700 млн долл.⁵¹

Заслуживает особого упоминания сумма чистых трансфертов (фактическая сумма кредитов минус погашение долга по заемному капиталу, минус проценты), которая в 1961 году несколько превышала 40 млн долл. США⁵². Эта цифра означает, что страны-должники возвращали кредиты Банку, чьи прибыли росли «почти неприличным образом» (Mason and Asher 1973, p. 407).

Эпилог: прекращение споров

РЕОРГАНИЗАЦИЯ 1952 ГОДА

Период дебатов подошел к своему практическому и символическому концу одновременно с проведением внутренней реорганизации 1952 года – первой значительной реорганизации, затронувшей иерархию и подразделения Банка.

В первые годы существования внутренняя организация Банка соответствовала перечню функций (см. рис. 9). В дополнение к контролирующим структурам, т. е. Правлению, Совету управляющих и президенту, в Банке были созданы несколько подразделений, организованных по функциональному признаку. Наиболее важными из них были Юридический департамент, Кредитный департамент, Департамент исследований (Экономический департамент). Позже появились другие подразделения: Департамент маркетинга, созданный параллельно с уже существующим Департаментом по связям с общественностью – чья задача

состояла в том, чтобы сделать Банк узнаваемым среди потенциальных инвесторов и поддерживать хорошие отношения с финансовым миром, – а также Административный департамент. Кроме того, были созданы два представительства – в Нью-Йорке и Париже, которые облегчали, соответственно, контакты с Уолл-стрит и правительствами европейских стран. Наконец, в Банке были также Секретарь и Казначей (Mason and Asher, 1973 г, р. 866, chart H-I).

Кредитный департамент стал «сердцем» работы всей структуры. В его состав входили все сотрудники, ответственные за отношения с конкретными странами и участвующие в переговорах о предоставлении займов, а также технический и финансовый персонал. Также в Департаменте работали несколько экономистов, специализировавшихся на экономике отдельных стран. Впрочем, большинство экономистов работали в Экономическом департаменте, который проводил исследования, посвященные кредитоспособности стран и различным финансовым стратегиям.

Для одобрения займов требовалось положительное мнение Кредитного департамента о структурных, технических и финансовых аспектах проекта, а также Экономического департамента – о надежности данной страны. Не всегда отношения между этими двумя департаментами были гармоничными. К тому же на Кредитный департамент стала ложиться очень большая нагрузка, которая еще более усилилась в связи с ростом кредитов, предоставляемых развивающимся странам (Mason and Asher, 1973 г, р. 74–75).

Экономический департамент был создан первым президентом Банка, Юджином Мейером, как Департамент исследований. Его основной функцией была оценка экономических аспектов конкретных заявлений о предоставлении займов, поступающих от стран-клиентов⁵³. Осенью 1947 года конфликт по вопросу о разделении труда с Кредитным департаментом, недвусмысленно подтверждаемый информацией из архивов Банка⁵⁴, впервые побудил организовать работу этих подразделений так, чтобы они дополняли друг друга, а не конкурировали между собой. Предполагалось, что Кредитный департамент должен быть организован по географическому принципу и проводить исследования по отдельным странам, от которых в Банк поступают заявления о предоставлении займа; а Департамент исследований должен быть организован по функциональному принципу и проводить отраслевые исследования в региональном или глобальном масштабе⁵⁵. В итоге Кредитный департамент отверг этот механизм и выпустил рекомендации, направленные на то, чтобы сохранить в сфере своей компетенции все вопросы, связанные с предоставлением займов:

Примечание. В отсутствие президента и вице-президента Банка в центральном офисе Банка в Вашингтоне обязанности высшего руководителя Банка исполняет заместитель президента.

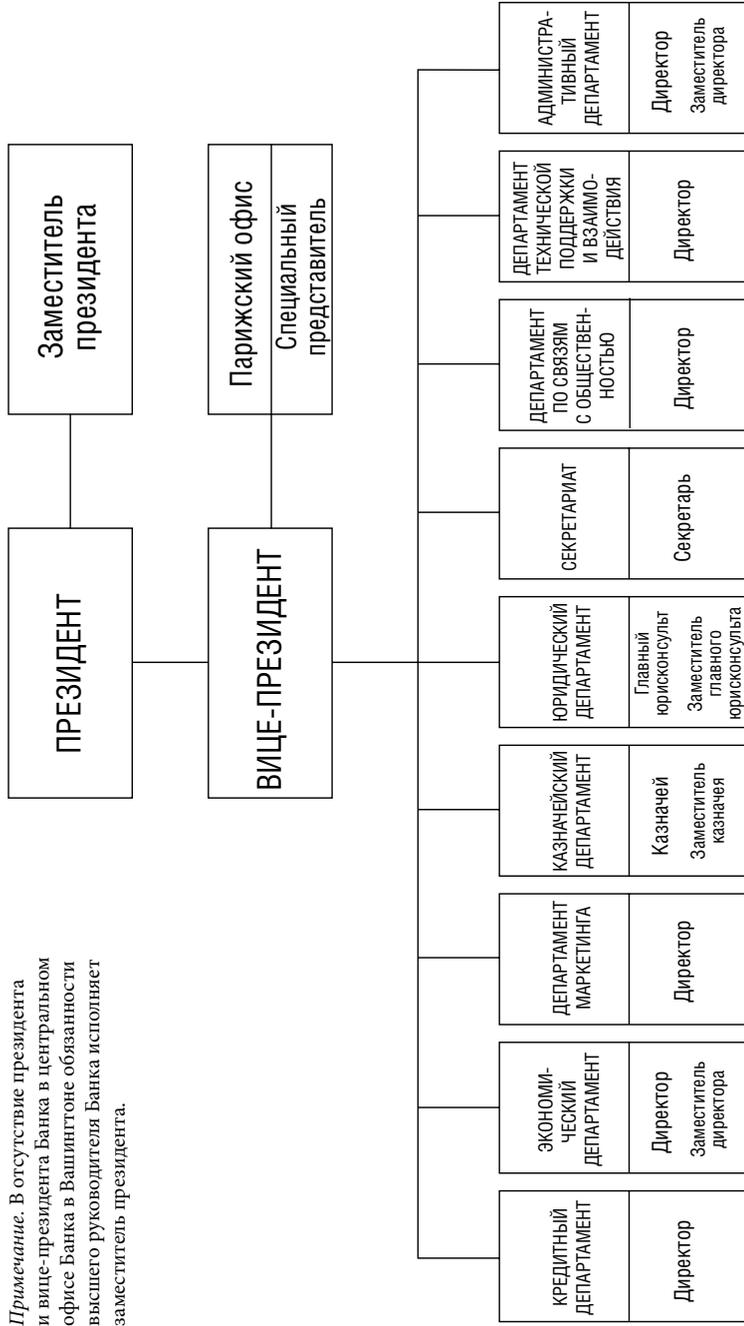

Рис. 9. Организационная структура МБРР в период по 22 сентября 1952 года
 ИСТОЧНИК: IBRD, "Report of a Committee on Bank Organization," March 28, 1952, Annex, A; Organization – Report of Committee on Organization 1952; Central Files; Fonds 2; World Bank Group Archives.

«Нынешнее разграничение обязанностей Кредитного департамента и Департамента исследований, проведенное между исследованиями, относящимися к конкретным заявлениям (фактическим или потенциальным), и исследованиями, относящимися к некоторым из таких заявлений [...], является искусственным. Нет никакой разумной причины относить первые к компетенции директора Кредитного департамента, а второе – к компетенции другого директора. Все исследования, относящиеся к рассмотрению запросов о кредитах (а под это определение подпадает 90% исследований, необходимых Банку), должны относиться к компетенции директора Кредитного департамента»⁵⁶.

В соответствии с этими рекомендациями, Департамент исследований должен был стать «обслуживающим подразделением [...], выполняющим работу, о которой его просят, и именно таким образом, каким просят»⁵⁷. Другим, еще более радикальным решением, предложенным Кредитным департаментом, было расформирование Департамента научных исследований и замена его экономическим советником, подчиняющимся непосредственно президенту: «Это должен быть советник высочайшего класса (в идеале, специалист калибра покойного лорда Кейнса). Президент мог бы просить этого советника высказать свое мнение по докладам о поданных заявках на предоставление кредитов *после* того, как они пройдут стадию Кредитного комитета»⁵⁸.

Естественно, Департамент исследований отверг эти рекомендации, заявив, что его роль состоит не только в том, чтобы удовлетворять срочные потребности в исследованиях, возникающие у Банка и, в особенности, у Кредитного департамента. Наиболее яркой отличительной чертой Департамента была его способность проводить более масштабные исследования, хотя и менее применимые для решения сиюминутных задач, но зато могущие, в конечном счете, способствовать реализации эффективных долгосрочных стратегий развития⁵⁹. Важно отметить, что Леонард Рист, руководитель Департамента, в начале 1948 года принял решение переименовать подразделение из Департамента исследований в Экономический департамент. Рист, француз по национальности, в 1961 году сказал: «Я понял, что слово «исследования» в английском языке может подразумевать, что вы собираете некую статистику, но не интерпретируете ее, – а это как раз то, чем я не хотел заниматься»⁶⁰. Розенштейн-Родан благоразумно заметил, что «отделы и сектора внутри [Экономического] департамента отвечают за то, чтобы привлечь внимание других сотрудников Банка к значительным событиям, могущим представлять для них профессиональный интерес»⁶¹.

Экономический департамент пережил еще одну интересную попытку реорганизации, но, в конечном счете, он «никогда не ходил в фаворитах

у Макклоя, Гарнера или Блэка» (Mason and Asher, 1973, p. 75)⁶². Новый междепартаментский комитет, под руководством Уильяма Илиффа, подготовил проект плана реструктуризации, который лег в основу проведенной в 1952 году реорганизации Банка.

Как показано на рис. 10, основным нововведением Илиффа стало создание трех департаментов, организованных по региональному принципу, для работы с Азией и Ближним Востоком; Европой, Африкой, Австралией и Океанией; и странами Западного полушария (в первую очередь, с Латинской Америкой). В состав этих трех региональных подразделений, на которые было возложено большинство оперативных задач, включая те, которые раньше были в ведении Экономического департамента, вошли, независимо от их специализации, сотрудники, поддерживавшие отношения с конкретными странами. Всё, что касалось подготовки, управления и оценки кредитов, теперь перешло в компетенцию этих региональных подразделений. Кроме того, они отвечали за оценку надежности конкретных стран, изучение программ развития «в самых широких аспектах», организацию обзорных экономических миссий и написание заключительных отчетов⁶³.

Инженеры, технические специалисты, финансовые аналитики и экономисты, обладавшие компетенцией в конкретных областях и занимавшиеся оценкой и управлением проектами в таких секторах, как транспорт, энергетика и сельское хозяйство, вошли в новый Департамент технических операций, который стал самым большим по численности. Ядро Банка составили три региональных подразделения, а также департаменты технических операций и маркетинга. Они были названы «операционными департаментами».

С другой стороны, численность Экономического департамента была сокращена, это подразделение было освобождено от всех операционных функций и сосредоточилось лишь на оказании консультационных услуг. Строго говоря, департамент как таковой исчез, освободив место для аппарата экономических советников. Это «должна быть очень небольшая группа, ответственная за консультирование по всем аспектам экономического подхода Банка к его операциям»⁶⁴. Координация с экономистами из региональных подразделений облегчалась бы с помощью постоянно действующего комитета, организованного в качестве форума для «обмена мнениями в отношении экономического подхода, принятого в каждом из трех региональных операционных подразделений»⁶⁵. Таким образом, бывший Экономический департамент мог играть консультативную роль, но в то же время был исключен из цепочки принятия решений: «Наша концепция состоит в том, что экономический советник не должен нести функциональной ответственности, и, в то время как в его задачи будет входить консультирование операционных менеджеров [...], линия функциональной ответственности будет проходить от операционных менеджеров через главного операционного менеджера к дирекции департамента»⁶⁶.

Леонард Рист саркастически отметил, что лежащая в основе этого концепция отражает американскую военную традицию с ее четким разграничением между командной цепочкой и вспомогательными службами. В условиях Банка операционные подразделения естественным образом должны будут входить в командную цепочку, тогда как службы экономического и научно-исследовательского анализа попросту будут играть вспомогательную роль⁶⁷.

Новая организационная структура вступила в силу 22 сентября 1952 года⁶⁸. Многим сотрудникам пришлось поменять департамент, рабочее место и привычное окружение. На некоторое время моральное состояние сотрудников ухудшилось, как и боялся А. С. Г. Хор, директор бывшего Кредитного департамента:

«Даже если признать, что в целом внедрение предлагаемой новой структуры принесет пользу (с чем я не согласен), эта польза может быть куплена слишком дорогой ценой разрушения и подрыва морали, которые эта встряска повлечет за собой [...]. Я знаю, что почти все сотрудники моего Кредитного департамента глубоко переживают случившееся. Они сплотились в единую команду, уверенную в своих силах. Они по достоинству ценили растущую мощь, которая возникала благодаря тому, что подразделение избавлялось от слабых сотрудников и принимало на работу сильных. Они чувствуют себя победителями и, судя по достигнутым результатам, действительно ими являются, и они не хотят, чтобы департамент распался»⁶⁹.

Основная цель реорганизации, по-видимому, оправдывала этот риск. Разделение между региональными департаментами, работавшими со странами, и Департаментом технических операций, который оценивал техническую и финансовую составляющие отдельных проектов (вне связи с официальными представителями этих стран), служило системой взаимного контроля и освобождало процесс принятия решений от какой бы то ни было предвзятости. В частности, эта система гарантировала, что Банк не будет утверждать слабые проекты из простой симпатии к официальным представителям стран и что технически обоснованные проекты не будут приниматься без тщательного мониторинга экономической ситуации в стране. Иными словами, Банк «одновременно защитил себя от технократа и дипломата»⁷⁰. Как писали Мейсон и Эшер, «отношения между территориальными департаментами и Департаментом технических операций – т.е. «между регионом и ДТО» – после 1952 года стали самой сложной и всеобъемлющей организационной проблемой» (Mason and Asher 1973, p. 76).

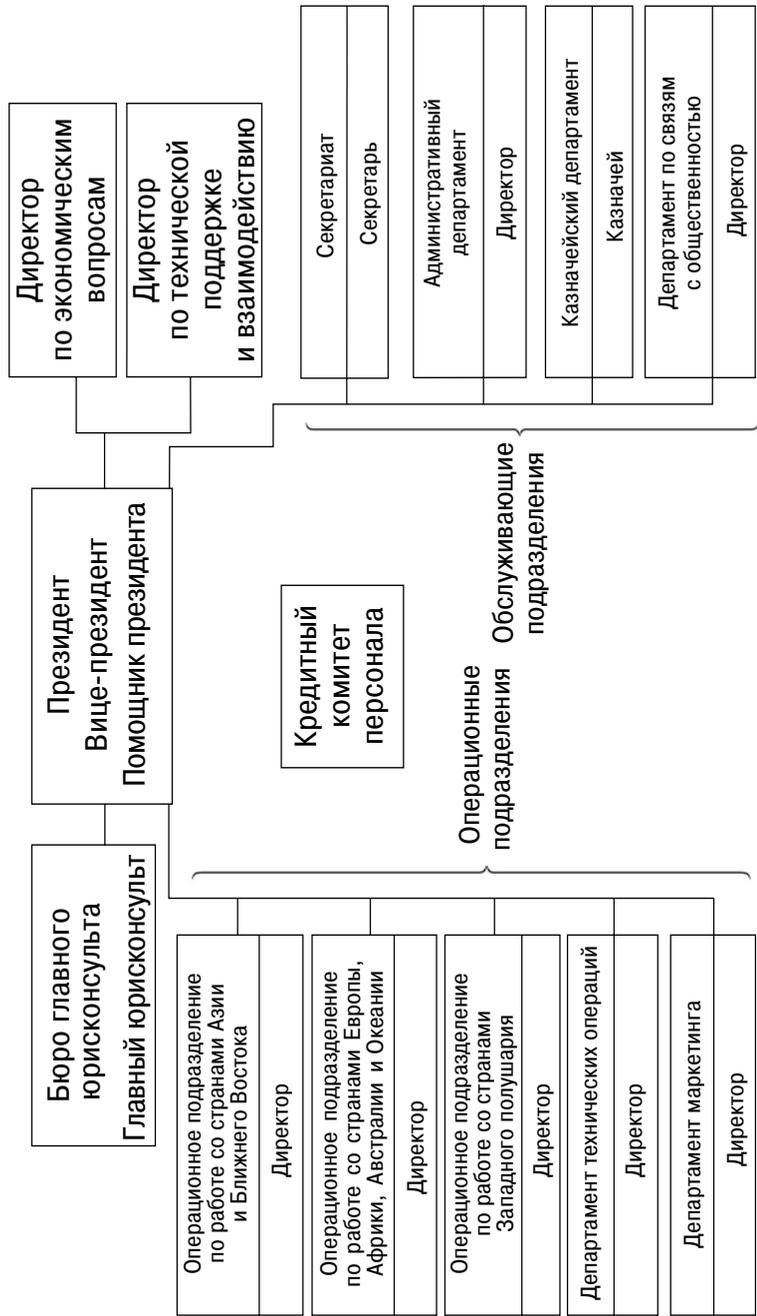

Рис. 10. Организационная структура МБРР с 22 сентября 1952 года

источник: IBRD, Organization – Report of Committee on Organization 1952; Central Files, Fonds 2; World Bank Group Archives.

Другой намеченной целью, очевидной, но редко акцентировавшейся официально, была полная перестройка функций и обязанностей экономистов внутри Банка. Ссылаясь на этот период, новейшая официальная история Банка сообщает, что административная реорганизация 1952 года была явно направлена на достижение этой цели: «Уменьшить размеры и полномочия Экономического департамента» (Kapur, Lewis, and Webb 1997, p. 130). Леонард Рист, занимавший тогда должность директора Экономического департамента, заявил в 1961 году: «Это было заранее обдуманное намерение унижить, таким образом, людей, и я до сих пор оскорблен этой формулировкой [...]. Я воспринимаю [это] именно как сознательно нанесенную пощечину»⁷¹.

Фактически Экономический департамент становился всё сильнее. Он стал оказывать серьезное влияние на принятие решений о кредитах, выделяемых Банком, и на формирование его экономической политики, и стремился делать это на основе масштабной концепции. Как вспоминал Рист:

«Я активно боролся за то, чтобы заставить моих экономистов мыслить социально-политическими категориями, а также заставить остальных воспринимать это как часть работы экономиста. Я не говорил, что это работа одних только экономистов. Это была серьезная борьба. На самом деле я сказал: «Завтра я хочу составить мнение о будущем мексиканской политики, но это не означает, что вы не можете придерживаться собственных мнений. Тогда, по крайней мере, мы сможем обсудить их». Это было время, когда теория могла быть такой: «Вы не имеете права иметь собственное мнение о будущем мексиканской политики». Это никогда не высказывалось именно в такой форме, но подразумевалось именно это. И это было очень большой проблемой в рамках известного конфликта между Кредитным и Экономическим департаментами»⁷².

Исследовательская деятельность и неортодоксальные предложения, исходившие от Департамента, воспринимались с раздражением, иногда плохо скрываемым. Роберт Гарнер, комментируя в 1961 году вклад Розенштейна-Родана в работу Банка, заявил:

«Честно говоря, я никогда не чувствовал, что Банк – это его сфера, и, в конце концов, он ушел в Гарвард – в науку, где, как мне кажется, он может наилучшим образом себя проявить. Я пришел к выводу, что Банк – не место для разработки комплексных экономических стратегий или проведения исследований; наше дело – прикладная экономика. Мир полон экономистов-теоретиков [...], и для нас было крайне неразумно пытаться что-то сделать на этом поле»⁷³.

Альберт Уотерстон добавил, что с Розенштейном-Роданом «такой человек, как Боб Гарнер, даже разговаривать бы не стал»⁷⁴. Больше того, Гарнер дал Бёрку Нэппу указание перевести Розенштейна-Родана на должность заместителя директора Экономического департамента⁷⁵. В конце концов, в 1954 году Розенштейн-Родан ушел из Банка⁷⁶.

Только в 1960-х годах роль экономистов в Банке была оценена по достоинству: «Вудс впервые придал работавшим в Банке экономистам такой же вес в процессе кредитования, как у менеджеров по кредитам и проектных аналитиков» (Kamarck 1995, p. xii).

БАНК ПРИ БЛЭКЕ

В 1950-х годах – вплоть до 1962 года – Международный банк возглавлял Юджин Блэк, который в 1947 году был назначен исполнительным директором от США, а в 1949 году стал президентом, заменив Макклоя, который был направлен в Германию в качестве Верховного комиссара. На протяжении этих лет Банк непрерывно и последовательно рос и приобрел непрекращаемый авторитет успешной организации.

Основным видом деятельности Банка стало финансирование инфраструктурных проектов, нередко отличающихся значительными размерами и высокой капиталоемкостью. В 1950-х годах более 80% инвестиций в развивающиеся страны были направлены в энергетический и транспортный секторы (Karuz, Lewis, and Webb 1997, p. 109). К тому же, несмотря на признание необходимости наличия рамочной программы мер вмешательства в странах-участницах, Банк вновь подчеркнул, что оказывает предпочтение финансированию разовых и ясно очерченных *проектов* в области развития. Концепция Банка заключалась в том, что кредит, предоставленный на отдельный проект, который легко формулируется и отслеживается, легче вернуть, чем кредит на осуществление крупной программы, которую сложнее контролировать. Благодаря финансированию крупных проектов в области общественных работ Банк приобрел рычаг влияния на макроэкономические показатели стран, благополучное состояние которых было жизненно важно для получения прибыли от инвестиций. Фактически «обусловленность» предоставления кредитов всегда существовала в той мере, в какой Банк считал необходимым защищать свои инвестиции.

Способность планировать проекты, а также наличие технической и инженерной квалификации, необходимой для их завершения, стали неперенными условиями достижения этих целей. Роль экономистов резко сократилась, и Банк под руководством Блэка стал по преимуществу «банком инженеров». По словам Мейсона и Эшера, Банк был «чрезмерно озабочен инженерными аспектами проектов» (Mason and Asher, 1973,

р. 78). Другие сектора, включая здравоохранение, образование и доступ к источникам водоснабжения, не рассматривались. Сельское хозяйство получало лишь незначительную часть общего объема инвестиций⁷⁷. В соответствии с подходом Блэка, прогресс развития неизбежно происходит в результате роста совокупных экономических показателей, и попытки ускорить процесс сокращения бедности путем осуществления программ социальной помощи могут препятствовать повышению производительности. Во внутреннем отчете по Индии, датированном июлем 1958 года, говорилось: «Не последнее место среди опасностей, которые необходимо предотвращать на данном этапе развития Индии, занимает осуществление социальной помощи в ущерб экономической эффективности. Государственная политика постепенной ликвидации неравенства, выходящая за определенные рамки, с трудом согласуется с задачей быстрого экономического развития»⁷⁸.

Что уж точно не изменилось, так это крайняя осмотрительность Банка в вопросах предоставления кредитов. Блэк строго следил за соблюдением кредитной дисциплины, не допуская ее ослабления, даже несмотря на то, что Уолл-стрит к тому времени уже убедился в надежности Банка и высоком профессионализме его персонала⁷⁹.

Даже администрация США иногда выражала недовольство столь крайней осторожностью. Правительство ожидало, что Банк будет более явно участвовать в антикоммунистических социальных инициативах. И хотя Банк не стремился запятнать свою репутацию финансового института со строгими правилами, он играл отведенную ему роль. В самом деле, некоторые кредиты выдают политическую подоплеку проведенной оценки, что может быть объяснено лишь в контексте «холодной войны»⁸⁰.

Блэк всегда старался сопротивляться политическому давлению, выталкивавшему Банк за рамки жесткой финансовой дисциплины. Только в 1960 году, в конце своего долгого президентства, Блэк решил основать организацию для поддержки тех развивающихся стран, чьи макроэкономические показатели не позволяли им получить кредит в МБРР. Международная ассоциация развития (МАР) была создана в качестве инструмента льготного кредитования стран, находившихся в сложном финансовом положении и испытывавших трудности с регулированием платежного баланса. Другой аффилированной организацией, которую Блэк, а до него Гарнер, энергично и убежденно поддерживали, была Международная финансовая корпорация (МФК), созданная в 1956 году. Ее целью было участие (всегда в качестве миноритарного акционера) в прямых иностранных инвестициях в развивающиеся страны, которые были закрыты для Банка. Участие аффилированных организаций МБРР облегча-

ло движение частного капитала в направлении инвестиционных возможностей в странах, находящихся в наиболее неблагоприятном положении. МФК удовлетворяла потребность в стимулировании трансферта частно-предпринимательского потенциала в страны, обладающие возможностями для устойчивого роста, что соответствовало политической концепции Блэка (Haralz 1997).

К 1963 году, когда Блэк покинул пост президента и бразды правления перешли в руки Джорджа Вудса, Банк в течение более чем десяти лет продолжал расти в твердом убеждении, что содействие развитию должно осуществляться посредством финансирования индивидуальных проектов в области инфраструктуры и непосредственно производительной деятельности. «Именно этого, по мнению руководства МБРР, следовало ожидать от разумно управляемого международного финансового учреждения в области развития» (Mason and Asher, 1973, p. 462).

Выводы

Цель данного исследования состояла в том, чтобы описать альтернативы экономической политики Всемирного банка в 1940–1950-е годы. Мной была предпринята попытка представить очерк деятельности Банка в первые годы его существования. Это были годы, когда внутренняя структура Банка еще создавалась, а функциональные отношения между различными игроками не раз приходилось корректировать; годы, когда Банк учился методом проб и ошибок. Этот процесс усложнился в связи с внезапно возникшей необходимостью переориентировать миссию Банка с послевоенного восстановления Европы на развитие стран, находившихся в неблагоприятном положении, – изобретая для себя новое занятие и приобретая новый опыт. Я попытался оценить, как этот конкретный исторический и институциональный контекст повлиял на кредитную политику Банка.

Эта методология может быть успешно применена при исследовании любых институтов: каждый из них можно понять в полной мере, лишь глядя сквозь призму исторического анализа, рассматривающего ситуацию глубже, чем анализ официальных должностей, и документирующего процессы изменений, динамику отношений между различными игроками, а также сравнительная значимость, которую эти игроки приобретают с течением времени. Здесь могут вновь оказаться полезными здравые мысли Леонарда Риста, хотя и высказанные по другому поводу:

«Понимаете, некоторые люди могут судить о политике только тогда, когда они видят, какой формы нос у того парня, который этой политикой занимается. Если вам нравится его лицо, значит, его политика будет хорошей, особенно если вам нравятся его публичные выступления. Однако публичные выступления рассчитаны на публику, и совершенно не обязательно являются ключом к его будущим решениям. Поэтому стоит отбросить этот элемент личного восприятия и в первую очередь руководствоваться историческим контекстом, социальным давлением и традициями страны, где всё это происходит [...], которые являются только фоном, а затем переходить к анализу того, какие

силы действуют в данный момент. Я думаю, что ребята [в Экономическом департаменте] это усвоили. И, полагаю, это доставило им удовольствие»¹.

Такой анализ позволяет выявить и изучить споры между различными способами понимания и управления работой Всемирного банка. Он показывает взлеты и падения подхода, который являлся не альтернативой, а дополнением к основному набору политических мероприятий Банка.

Переход от реконструкции к развитию создал окно, через которое можно наблюдать появление новых перспектив и идей в области развития, бросавших вызов руководству Банка, которое проявляло тогда некоторую одномерность мышления. Капур, Льюис и Уэбб назвали это «трещинами в мраморной плите» (Kapur, Lewis, and Webb 1997, p. 130). В Банке накапливались мнения сотрудников, отличавшиеся от модели «кредитов, стимулирующих непосредственно производительную деятельность», и это нарушало предполагавшуюся целостность и единство мыслей и действий. Для описания момента кризиса, когда напряженность между двумя перспективами достигла апогея, взят частный, но красноречивый пример, связанный с деятельностью Банка в Колумбии.

В конце концов, «окно» закрылось после искоренения или корректировки несовместимых (или рассматриваемых в качестве таковых) точек зрения. Хотя дебаты между сторонниками различных альтернатив продолжались и после 1952 года, а Пауль Розенштейн-Родан оставался в Банке еще два года, проведенная в 1952 году реорганизация сыграла значительную роль. Ликвидация Экономического департамента, т.е. ограничение его функций до сугубо консультативной роли, недвусмысленно показала желание руководства обуздать силы, воспринимавшиеся как центробежные. Понятно, что в постоянно растущей организации со сложной структурой процессы протекают инерционно, а перемены не происходят в один день. Однако реорганизация 1952 года знаменовала собой окончание определенного периода. Новый этап, начавшийся после 1952 года, характеризовался значительной согласованностью и стабильностью под руководством Юджина Блэка, занимавшего пост президента дольше всех в истории Банка.

Анализ периода до 1952 года позволяет нам лучше понять истоки силы, продемонстрированной позже, во время долгого и стабильного руководства Блэка. Это была сила, выкованная, по крайней мере частично, в ходе конфликта с позициями, которые, по словам Роя Харрода, стремились «отойти от ортодоксальной осторожности в направлении большей приемчивости» (Harrod 1951, p. 580). В то же время мой анализ помогает понять не только положительные стороны этого длительного периода, но и причины последующего кризиса Банка. Пятнадцатью годами позже

эти положительные стороны и растущие успехи в управлении кредитами спасли Банк от признания того, что надежды на развивающиеся страны, появившиеся во время «первого периода» существования экономики развития, были напрасными.

Крах надежд на повышение благосостояния в результате усилий по содействию росту, предпринятых в 1950-х годах – крах, который стал очевидным в 1960-е годы, – проявился двояко. Во-первых, он выразился в серии неоправданных обещаний: улучшения благосостояния беднейших слоев населения, являвшихся объектом этих политических мер, не произошло; во многих странах возрос уровень безработицы; а выгоды от экономического роста распределились гораздо менее равномерно, чем это первоначально ожидалось. Во-вторых, этот крах выразился в непреднамеренных драматических последствиях политических мер, которые должны были стать благодеянием. Альберт Хиршман вспоминал: «Всё сильнее было ощущение того, что усилия по обеспечению роста – не важно, удачные или неудачные – влекут за собой катастрофические побочные последствия в политической сфере: от утраты демократических свобод и поворота в сторону авторитарных, репрессивных режимов до массовых нарушений основных прав человека» (Hirschman [1979] 1981 с, pp. 98–99).

К счастью, эти признаки «легковесности» и «порочности» политических мер, направленных на обеспечение роста, не приобрели форму реакционной риторики, т. е. риторики, которая предостерегала бы от принятия мер, считавшихся бесполезными или опасными (Hirschman 1991). Вместо этого они усиливали потребность в дискуссии и пересмотре исходных положений. Ганс Зингер писал, что в 1950-х годах:

« [...] [экономическое развитие стало быстрорастущим направлением экономической науки. В порыве энтузиазма экономисты начали мыслить в категориях моделей экономического роста. Это был пик популярности формулы Харрода–Домара, рассуждений о средней и приростной капиталоемкости, показателях сбережений и инвестиций, увеличении и уменьшении дефицита ВВП. Но затем пришло время разочарований. Стали закрадываться сомнения: а так ли всё просто? Что означает «дефицит ВВП» применительно к странам с натуральным хозяйством? [...] Проблема слаборазвитых стран заключалась не только в росте, но в развитии. Развитие – это рост *плюс* перемены; при этом необходимо, чтобы перемены были не только экономическими, но и социально-культурными, не только количественными, но и качественными. Основная концепция должна заключаться в улучшении качества жизни людей» (Singer 1965, pp. 3 and 5).

Пока в научных кругах обсуждались эти проблемы (Генеральный директор МОТ Дэвид Морс на протяжении 22 лет говорил о том, что ВВП «свергнуто с престола» [Morse 1971, p. 7]), Международный банк продолжал придерживаться линии, установленной Блэком и Гарнером в начале 1950-х годов. Вудс робко приоткрыл дверь для займов, которые до сих пор не предоставлялись, но сделал это только потому, что Банк был вынужден, по политическим причинам, реинвестировать свои доходы, которые все считали чрезмерными. Но в целом Банк плелся в хвосте общей тенденции и не поспевал за исследованиями в области экономического развития.

Только с назначением на пост главы этого учреждения Роберта Макнамары, пятого президента Банка (1968–1981) и первого менеджера, ставшего политиком, Банк предпринял попытку выйти на новые рубежи в сфере развития (особенно во время второго срока Макнамары)². Банк предпринял исследование и осуществил внедрение политических мер, непосредственно связанных с борьбой против бедности, в результате чего займы приобрели уклон в сторону борьбы с бедностью, а не только «непосредственно производительной деятельности». Наиболее зримыми плодами этого изменения ориентиров стали стратегия «Перераспределение в сочетании с ростом» (Chenery et al. 1974), а позже стратегия основных потребностей (выдвинутая МОТ [ILO 1976, 1977] и примененная Банком)³.

Несмотря на то, что Банк возник по инициативе лорда Кейнса и сторонников «Нового курса», он с самого начала нес на себе сильный отпечаток воздействия высших финансовых кругов США, придерживавшихся консервативных и республиканских взглядов. Этим объясняется господствовавший в течение долгого времени консервативный подход к проблемам и стратегиям развития, ориентированным на страны, находящиеся в неблагоприятном положении. Однако, как показало мое исследование, в первые годы своего существования Банк испытывал воздействие различных точек зрения, углубленно рассматривающих комплексные экономические и социальные реалии слаборазвитых стран. Но Банк отверг эти точки зрения и активно дистанцировался от них.

Отзвуки этих дискуссий внутри Банка почти смолкли, когда в середине 1960-х годов споры в Экономическом департаменте высветили потребность в дополнительных подходах к экономическому росту. Банк забыл о проводившихся им ранее исследованиях по вопросам развития и поэтому оказался неспособен быстро адаптироваться к новым требованиям. Ореол успеха, приобретенный Международным банком за долгий период президентства Блэка, не позволял Банку в полной мере понять изменения, происходившие вокруг, и уделить им должное внимание. Успех Банка был основной причиной его неспособности к переменам. Когда позже Банк об-

наружил, что идет не в ногу со временем, он отреагировал на это, стремясь отвоевать утраченные позиции.

Подобные колебания – от крайнего ужесточения дисциплины к застою и обратно – характерны не только для этого периода истории Всемирного банка. Напротив, этот механизм можно обнаружить и в другие десятилетия, и он, возможно, помогает объяснить причины взлетов и падений на протяжении шестидесятилетней истории Банка.

ПРИМЕЧАНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

Примечания

СОКРАЩЕНИЯ

В практических целях в примечаниях сокращены ссылки на некоторые архивные источники.

Colombia 1 – Colombia, General Negotiations 1; Country Operational Files; Fonds 1; World Bank Group Archives.

Colombia 2 – Colombia, General Negotiations 2; Country Operational Files; Fonds 1; World Bank Group Archives.

Colombia 3 – Colombia, General Negotiations 3; Country Operational Files; Fonds 1; World Bank Group Archives.

Currie Mission – Currie Mission – Colombia, General Survey Mission (CURRIE) 1949–1952, Country Operational Files; Fonds 1; World Bank Group Archives.

Colombia Mission I – Colombia, General Survey Mission – Report I, Country Operational Files; Fonds 1; World Bank Group Archives.

Colombia Tech. Ass. III – Colombia Technical Assistance III, Country Operational Files; Fonds 1; World Bank Group Archives.

Housing 1 – Housing and Urban Development vol. 1; Central Files; Fonds 2; World Bank Group Archives.

LBCP – Lauchlin B. Currie Papers, Rare Book, Manuscript, and Special Collections Library, Duke University, Durham, NC.

Oral Hist. 44 – Fonds 01, Columbia University Project; WB IBRD/IDA 44 Oral Histories; World Bank Group Archives.

Org. Econ. Dept. – Organization–Economic Department General, 1947–1964; Central Files; Fonds 2; World Bank Group Archives.

Org. Report – Organization–Report of Committee on Organization 1952; Central Files; Fonds 2; World Bank Group Archives.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. О трудностях, которые испытывал Банк на начальном этапе своего существования и, особенно, о закрытии финансовых рынков США для международных облигаций см. интересные размышления Дэвидсона Соммерса, который в те годы был генеральным юрисконсультом Всемирного банка. Davidson Sommers, oral history interview, June 22, 1989, Truman Presidential Museum and Library, <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/sommersd.htm>.

2. См., напр., аргументацию в Oliver (1900).

3. См., напр., аргументацию в Mason and Asher (1973) и Kraske (1996).

4. Обсуждение статичного и антиисторического характера маргиналистского подхода см. в Dasgupta (1985). Об историческом и институциональном подходах см., напр.: Rutherford (1994) и Hodgson (2001).

5. Я должен сознаться, что допустил упрощение при цитировании этого текста. Вместо того чтобы прервать цитату, мне следовало бы продолжить ее словами: «чем социолог». Таким образом, Хиршманом был предложен контраст между «историком» и «социологом». Сравнение удалено не для того, чтобы изменить смысл слов автора. Говоря проще, полезно избежать того, чтобы какие-то полемические пассажи двадцатипятилетней давности заслоняли более глубокий смысл работы Хиршмана. Его целью не было прямое противопоставление чутья социолога чутью историка. Он хотел восстановить некоторую степень свободы в социальном анализе.

6. В качестве иллюстрации этого чутья важны воспоминания Хиршмана о том, как он впервые читал труды Карла Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» была особенно превосходной работой. Его книги по истории были гораздо менее ортодоксальными, чем труды по экономике [...] Мне хочется понять, каким образом случаются события, как в действительности происходят перемены» (Hirschman [1994] 1998, p. 67).

7. Цит. по: Sanfora (2004, p. vii).

8. Стэн Либовиц и Стивен Марголис подвергли сомнению историческую ценность примеров, приведенных для доказательства тезиса о зависимости от пути. В Liebowitz and Margolis (1995) обсуждается пример видеомэгнитофонов Beta и VHS, в Liebowitz and Margolis (1998) – форматы Beta и VHS, а также клавиатура для пишущих машинок QWERTY.

9. Oral history interview, Leonard Rist, July 19, 1961, p. 47, *Oral Hist.* 44.

ГЛАВА 2

1. Пятого ноября 1947 г. Цит. по: Kapur, Lewis, and Webb (1997, p. 83).

2. Одновременно с миссией в Колумбию Банк также направил миссии в страны Центральной Америки: Гватемалу, Никарагуа, Коста-Рику, Сальвадор, Гондурас, Панаму и Доминиканскую Республику. См.: «Economic Technology Meeting», December 16, 1948, *Colombia 1*.

3. «IBRD Relations with Colombia – Confidential», Mr. Gordon, January 19, 1950, *Colombia 2*.

4. «Outgoing Wire», John J. McCloy to Professor Lionel Robbins, March 1. 1949, *Currie Mission*.

5. Официально ответственность за содержание окончательного доклада миссии нес только глава миссии. Кроме того, было открыто заявлено, что мнения и интерпретации, включенные в доклад, не обязательно соответствуют мнениям и интерпретациям Банка. Причина того, что Банк сохранял дистанцию, состояла в том, чтобы предоставить миссии дипломатическую свободу и дать Банку возможность свободно выражать свою позицию. Тем не менее было ясно, что Банк будет всемерно поддерживать как миссию, так и ее работу.

6. Некоторые замечания в связи с этой темой см. во введении Пьера Франческо Ассо и Марчелло Де Чекко к работам Хиршмана 1930-х годов (Asso and De Cecco [1945] 1987).

7. См., напр., номер журнала *HOPE – History of Political Economy*, vol. 10, No. 4 (1978), посвященный Карри, или материалы научной сессии об экономистах «Нового курса»,

проходившей в рамках ежегодного собрания Американского экономического общества, в *American Economic Review: Papers and Proceedings*, vol. 62, No. 1–2 (1972).

8. «Translation of the text of a cable from the President of Colombia, addressed to Mr. McCloy, received April 28», Marcus H. Elliott to Mr. A. S. G. Hoar, April 30, 1947, *Colombia 1*.

9. «Office Memorandum – Colombia», Mr. A. S. G. Hoar to Mr. D. Crena de Iong, May 2, 1947, *Colombia 1*.

10. «Office Memorandum – Colombia, Review of Current Problems», Latin-American Division to Mr. A. S. G. Hoar, August 5, 1947, p. 3, *Colombia 1*.

11. Gonzalo Restrepo-Jaramillo, Ambassador of Colombia, to Mr. John McCloy, President IBRD, February 25, 1948, *Colombia 1*. Конференция закончилась 2 мая 1948 года. См.: «Ratification by the United States of the *Pact of Bogotá*», November 22, 1948, приложение к: Paul C. Daniels for the Secretary of State to the Diplomatic Missions in the American Republics, January 12, 1949, в *Foreign Relations of the United States 1949*, vol. 2 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1975), pp. 419–424.

12. Oral history interview, Sir William Iliff, August 12, 1961, p. 1, *Oral Hist. 44*.

13. «Office Memorandum – President's Latin American Tour – Colombia», W. A. B. Iliff to Mr. J. J. McCloy, 22 March 1948, *Colombia 1*.

14. Причина убийства неизвестна. Фактически толпа вырвала убийцу из рук полиции и линчевала. Государственный секретарь США Джордж Маршалл находился в Боготе и наблюдал за ходом только что начавшейся конференции. По договоренности с колумбийскими властями Маршалл заявил, что это преступление было результатом международного коммунистического заговора; см.: «Memorandum of Conversation, by the Secretary of State», Dean Acheson, Washington, D. C., April 19, 1949, in *Foreign Relations of the United States, 1949*, vol. 2 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1975), pp. 605–607; и Yépez (1994, p. 42). Однако предположение, что это политическое убийство было организовано «правыми», кажется гораздо более вероятным, потому что, как докладывал американский посол в Боготе, «большинство жертв – либералы» (Willard L. Beaulac, to the Secretary of State, Bogotá, November 2, 1949, in *Foreign Relations of the United States, 1949*, vol. 2 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1975), pp. 616–618). Кроме того, политика либеральной партии была «очень притягательной для трудящихся классов и для неимущих» («File Copy – Recent Events in Colombia», Victor L. Urquidi to Mr. A. S. G. Hoar, April 13, 1948; *Colombia 1*). Посол США отмечал также, что «либералы обвиняют правительство консерваторов в том, что оно объединилось с консервативной партией, чтобы противостоять либералам, и имеются доказательства, подтверждающие это утверждение» (Willard L. Beaulac to the Secretary of State, Bogotá, November 2, 1949, in *Foreign Relations of the United States, 1949*, vol. 2 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1975), pp. 616–618).

15. Из многих аспектов этого восстания упомянем то, что рабочие-нефтяники в г. Барранкабермеха организовали «совет». «Боготасо» стало одним из наиболее значительных событий в новейшей истории Колумбии. Оно освещается во многих произведениях художественной литературы и упоминается в дискуссиях об особенностях городской прозы в послевоенной Колумбии. Г. Торрес считает его переходом от традиции к современности в жизни колумбийской столицы (Torres G. 1998).

16. «File Copy – Recent Events in Colombia», Victor L. Urquidi to Mr. A. S. G. Hoar, April 13, 1948, *Colombia 1*.

17. «Office Memorandum – Colombia», Jacques Torfs to Mr. G. H. Clee, Loan Officer, April 28, 1948, *Colombia 1*.

18. «Memorandum of Conversation by the Secretary of State», Washington, D. C., July 12, 1948//*Foreign Relations of the United States, 1948*, vol. 9 (Washington, D. C., Government Printing Office, 1972) pp. 440–444, цитата со с. 441.

19. Первоначальная сумма распределялась следующим образом: 5 млн долл. США – на сельскохозяйственное оборудование; 10 млн долл. США – на ирригацию, электрифици-

кацию, реки и порты, железные дороги и соляные копи, соответственно; и 15 млн долл. США – на шоссеиные дороги («Office Memorandum – Colombia», Marcus N. Elliott to Files, June 1, 1948, *Colombia 1*). Дополнительная сумма в 28 млн долл. США предназначалась для нового металлургического завода, о котором МакКлюэ сказали во время его визита в эту латиноамериканскую страну; см.: «Colombia – Report and Recommendations», prepared by Loan Department in consultation with Economic Department, November 18, 1948, *Colombia 1*.

20. Ответственность за весь процесс была возложена на Гилберта Кли, и он разделял ее со своим главным советником, Жаком Торфсом, уже знакомым со страной. «File Copy – Colombia, Discussions with officials of», Gilbert H. Clee to Mr. M. Elliott, June 15, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Discussions with officials», Jacques Torfs to Mr. Gilbert H. Clee, June 16, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Discussions with officials», Jacques Torfs to Mr. Gilbert Clee, June 22, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Discussions with officials», Jacques Torfs to Mr. Gilbert Clee, June 29, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Interview with the representatives of the Colombian Government, July 8, 1948», Jacques Torfs to Mr. M. Elliott, July 14, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Meeting with Colombian Representatives», Tuesday, July 20», Jacques Torfs to Mr. Marcus H. Elliott, July 21, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Interview with the representatives of the Colombian Government, July 8, 1948», Jacques Torfs to Mr. M. Elliott, July 14, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Discussions with officials», Jacques Torfs to Mr. Gilbert Clee, June 22, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia», Gilbert H. Clee to Mr. W. A. B. Iliff, July 2, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Meeting with Colombian Representatives, Tuesday, July 20», Jacques Torfs to Mr. Marcus H. Elliott, July 21, 1948, *Colombia 1*.

21. В докладе, подготовленном Жаком Торфсом для Гилберта Кли, упоминаются следующие институты и компании: «American and Foreign Power» и ее южноамериканский филиал «Sarco»; «Standard Oil of New Jersey» и ее колумбийский филиал «Tropical Oil Co»; «Foreign Bondholders Council»; «National City Bank» и, наконец, «Raymond Concrete Pile Co.» («Office Memorandum – Colombia», Jacques Torfs to Mr. G. H. Clee, Loan Officer, April 28, 1948, *Colombia 1*).

22. См. несколько писем от отдельных бизнесменов в ответ на вопросы, сформулированные ANDI в связи с этими кредитами: Eduardo Uribe Uribe, manager of Cia. Antioquena de Telares S. A. to ANDI, June 1, 1948, *Colombia 1*; «Re: Financiaciones externas», Hijos de Eleazar Ospina & Cia. to ANDI, July 1, 1948, *Colombia 1*; «Ref: Financiaciones externas», Gaseosas Colombianas S. A. to ANDI, July 2, 1948, *Colombia 1*.

23. Официальный обменный курс составлял 1,75 колумбийских песо за 1 доллар США, но он был неустойчивым. На черном рынке в период с августа по сентябрь 1948 г. курс обмена составлял от 2,50 до 2,85 колумбийских песо за 1 доллар США. Это было явным симптомом нехватки сильной валюты. См.: «Colombia – Report and Recommendations», prepared by Loan Department in consultation with Economic Department, November 18, 1948, *Colombia 1*. Семнадцатого декабря 1948 г. колумбийский песо был девальвирован приблизительно на 10%, с 1,75955 до 1,94991 за доллар. См.: «Colombia: Foreign Exchange Rates, Recent Modifications to System», J. Torfs to Mr. Leonard B. Rist, December 22, 1948, *Colombia 1*.

24. «Colombia – Conference with Financial Mission of Colombia», Gilbert H. Clee to Files, September 7, 1948, *Colombia 1*.

25. Цели Миссии в Колумбию включали в себя также обсуждение с американскими инвесторами программы ликвидации долгов на международном рынке, образовавшихся у провинциальных и муниципальных властей Колумбии за предшествующие годы, а также вопроса о возможном вступлении страны в ГАТТ. См.: David M. Clark, Commercial Attaché for the U. S. Ambassador in Colombia (Beaulac), to the Secretary of State, Bogotá, December 17, 1948, in *Foreign Relations of the United States, 1948*, vol. 9 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1972), pp.476–478.

26. «Office Memorandum – Reply furnished by Colombian Mission on July 20, 1948 to IBRD Questionnaire», Laura B. Hughes to Dr. Harold Larsen, August 4, 1948, *Colombia 1*.

27. «Office Memorandum – Preliminary Report on Colombia», Dr. Larsen to Dr. Rosenstein-Rodan, March 31, 1949, *Colombia 1*.

28. «Colombia», Gilbert H. Clee to Mr. W. A. B. Iliff, September 23, 1948, *Colombia 1*.

29. «Office Memorandum – Colombia, Meeting between the Colombian Financial Mission and the IBRD», W. A. B. Iliff to Files, September 23, 1948, *Colombia 1*.

30. «File Copy – Colombia», G. Lincoln Sandelin to Mr. A. Broches, October 20, 1948, *Colombia 1*; «File Copy – Colombian negotiations», Gilbert H. Clee to Mr. A. S. G. Hoar, November 1, 1948, *Colombia 1*; «Office Memorandum – Colombia, Enabling legislation to provide a Government guarantee for IBRD loans», A. S. G. Hoar to Mr. Robert Garner, November 17, 1948, *Colombia 1*; Gilbert H. Clee to Sr. Don Jose Camacho-Lorenzana, November 18, 1948, *Colombia 1*.

31. «Colombia – Report and Recommendations», prepared by Loan Department in consultation with Economic Department, November 18 1948, *Colombia 1*.

32. «Staff Loan Committee – Minutes of Staff Loan Committee Meeting», November 23, 1948, *Colombia 1*; «Colombia – Report and Recommendations», prepared by Loan Department in consultation with Economic Department, November 18, 1948, *Colombia 1*.

33. «Colombia», Robert L. Garner to Mr. Emilio Toro, December 1, 1948, *Colombia 1*.

34. «Colombia», Robert L. Garner to Mr. Emilio Toro, December 1, 1948, *Colombia 1*.

35. «Incoming Wire», Emilio Toro to IBRD Mr. Garner, December 6, 1948, *Colombia 1*.

36. «Economic Technology Meeting», December 16, 1948, *Colombia 1*; «Colombian Loan Application – Memorandum on Meeting of Working Party, Tuesday, March 8», M. F. Verheyen and P. A. Kanters to Mr. Crena de Iongh, March 10, 1949, *Colombia 1*; «Office Memorandum», H. B. Ripman to Mr. D. Crena de Iongh, July 19, 1949, *Colombia 1*; John J. McCloy to Don Gonzalo Restrepo-Jaramillo, March 17, 1949, *Colombia 1*; Gonzalo Restrepo-Jaramillo to Mr. McCloy, March 21, 1949, *Colombia 1*; Gonzalo Restrepo-Jaramillo to Mr. McCloy, March 25, 1949, *Colombia 1*; «File Copy», R. L. Garner to Dr. Lauchlin Currie, August 22, 1949, *Currie Mission*.

37. Пауль Розенштейн-Родан с 1930 по 1947 год преподавал экономику в Лондонском университете. Во время Второй мировой войны он организовал межправительственную комиссию под эгидой британского правительства для изучения экономического роста менее развитых союзных стран. После окончания войны британское правительство пригласило его на работу в Международный валютный фонд, но он выбрал Банк. См.: Oral history interview, Paul Rosenstein-Rodan, August 14, 1961, pp. 1–2, *Oral Hist.* 44.

38. «Office Memorandum – Mission to Colombia», Paul F. Craig-Martin to Dr. Rosenstein-Rodan, December 21, 1948, *Colombia 1*; «A Short Description of the Agricultural Economy of Colombia», prepared by Maurice F. Perkins, December 21, 1948, *Colombia 1*.

39. В 1930-е годы численность населения Боготы достигла 330 тыс. чел., а в следующее десятилетие выросла до 650 тыс. Население Барранкильи в 1930-е годы составляло 150 тыс. чел. Население Кали увеличилось со 100 тыс. в 1940 году до 280 тыс. в 1950 году (Casetta 1991).

40. «Memorandum of Conversation, by Mr. Albert H. Gerberich of the Division of North and West Coast Affairs», Washington, September 24, 1948, in *Foreign Relations of the United States, 1948*, vol. 9 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1972), pp. 456–460, цитата со с. 457–458.

41. Многонациональные компании США пришли в Колумбию в первом десятилетии XX в., когда американский капитал использовался в странах Латинской Америки для получения «легких и быстрых» денег. Местные власти с готовностью шли навстречу, только бы привлечь эти инвестиции. Статьи, забастовка против компании «Юнайтед Фрут», произошедшая в 1928 году в городе Санта-Марта, – о ней рассказывает Габриэль Гарсия Маркес в романе «Сто лет одиночества» – закончилась убийством более 100 рабочих местной полицией (Casetta 1991).

42. «Office Memorandum – Colombia, Minerals», Charlotte Katz to Mr. Samuel Lipkowitz, February 11, 1949, *Colombia 1*; «Office Memorandum – The Role of Minerals in the Colombian

Economy and Some Suggestions in Connection with the Bank Mission», Samuel Lipkowitz to Dr. Rosenstein-Rodan, December 21, 1948, *Colombia I*.

43. «Office Memorandum – Proposed Colombian Development Program», A. D. Spottswood to Dr. P. N. Rosenstein-Rodan, February 11, 1949, *Colombia I*. Например, в 1943 году правительство Перу создало компанию «Peruana Santa Corporation» для развития города Чимботе, по образцу Управления ресурсами долины Теннесси в США (см.: Alacevich and Costa 2009).

44. «Memorandum», transmitted by Gonzalo Restrepo-Jaramillo to Mr. John Mc Cloy, January 11, 1949, *Colombia I*.

45. Ibid.

46. «Mission to Colombia – Letter no. 9», Lauchlin Currie to Mr. Robert Garner, September 5, 1949, *Currie Mission*.

47. Это также было вызвано высокой стоимостью внутренних перевозок, делавшей импорт дорогостоящим (IBRD 1950a, p. 90).

48. Неопределенность связана с тем, что в документе не говорится о роли, которую Уильямс должен играть в миссии, хотя значимость Уильямса заставляет предположить, что он был бы главой миссии. В том же документе отмечается целесообразность рассмотрения кандидатуры Уильямса, даже учитывая, что два сотрудника Банка – Дик Демут и Харолд Ларсен – обладали необходимой компетентностью, чтобы занять должность, на которую предлагался Уильямс. Демут и Ларсен входили в высшее руководство Банка (Демут позже возглавил департамент технической помощи). Их квалификация не была аналогичной квалификации Уильямса, и поэтому они не могли рассматриваться как альтернативные кандидатуры, кроме, может быть, наделения их общей ответственностью за миссию. В документе, направленном Гарнеру Ристом, говорится: «Я пока что не связался с профессором Уильямсом из Федерального резервного банка Нью-Йорка. Думаю, что прежде чем сделать это, мы должны быть абсолютно уверены, что никто из сотрудников Банка не в силах взвалить на себя этот груз. Как Вам известно, среди нашего персонала есть два человека, которые представляются компетентными для этого, – господа Демут и Ларсен». Источник: «File Copy – Confidential – Colombia», Leonard B. Rist to Mr. Robert L. Garner, January 10, 1949, *Colombia I*.

49. Его позиция, которой придерживалось меньшинство, опиралась на концепцию «ключевой валюты». Уильямс считал, что для осуществления американского плана, подготовленного Уайтом, был необходим период глобальной стабилизации «ключевых валют». Такая стабилизация установила бы более прочный международный монетарный порядок, хотя и постепенно. См. также: Asso and Fiorito (2009).

50. Douglas H. Allen to Mr. John J. Mc Cloy, February 25, 1949, *Currie Mission*; Earl B. Schwulst to Mr. John J. McCloy, February 25, 1949, *Currie Mission*.

51. «Outgoing Wire», John J. McCloy to Professor Lionel Robbins, March 1, 1949, *Currie Mission*; «Incoming Wire», Robbins to McCloy IBRD, March 8, 1949, *Currie Mission*. В своей биографии Кейнс Рой Харрод пишет: «Профессор Роббинс показал себя весьма искусным переговорщиком и завоевал большое уважение к себе в Соединенных Штатах. Кейнс стал полагаться на него и ценить его мнение. Роббинс часто играл роль посредника» (Harrod 1951, pp. 554–555).

52. Leonard B. Rist to Mr. Laughlin [sic] Currie, April 22, 1949, *Currie Mission*; Dr. Harold Larsen to Mr. J. Torfs, May 9, 1949, *Currie Mission*. Джон Уильямс в 1927–1931 гг. был научным переводителем Карри в его работе над докторской диссертацией в Гарвардском университете. Поэтому можно предположить, что Уильямс рекомендовал кандидатуру Карри в качестве альтернативы вместо себя. Я благодарен Роджеру Сэндилендсу, который подтолкнул меня к этой догадке.

53. Эта книга до сих пор вызывает споры. Сэндилендс (Sandilands 1990) уделяет большое внимание аргументации, обвиняющей Федеральную резервную систему

в том, что она стала причиной Великой депрессии в 1930-х годах, поскольку проводила неоправданно пассивную кредитно-денежную политику. Киндлбергер (Kindleberger 1991) сомневается в этой интерпретации и подробно описывает проведенный Карри анализ мультипликатора.

54. «Я рад, что именно по моей инициативе Кен Гэлбрейт был приглашен в Вашингтон» (Currie 1972, p. 141).

55. Как пишет Мейсон (Mason 1982), Винер считал, что Карри и Уайт «слишком хороши» для Гарварда. Гэлбрейт (Galbraith 1971) утверждает, что Карри не получил места преподавателя в Гарварде, в частности, потому, что его сочли недостаточно эрудированным. В 1970-х годах Карри все еще помнили и воздавали ему должное за большой вклад в статистику в 1930-е годы, когда он стремился создать более надежные статистические инструменты анализа, оценки и интервенции (Jones 1978, Currie and Krost 1978; Currie 1978a, 1978b).

56. «Memorandum on Full Employment» Currie to Roosevelt, March 18, 1940, Franklin D. Roosevelt Presidential Library, Hyde Park, New York, цит. по: Barber (1996, p. 130).

57. Ibid.

58. Речь была произнесена 6 января 1945 года. Текст доступен в Интернете по адресу: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=16595>.

59. Единственной известной публикацией Карри этого периода является стенограмма конференции, в которой он участвовал в качестве президента Совета по итальянско-американским делам, проведенной 5 марта 1946 года в миланском Институте международных исследований. Тема конференции – «Послевоенная Италия в экономическом мире».

60. В 1936 году в газете «Нью-Йорк дейли ньюс» по инициативе влиятельного выразителя идей республиканской партии была напечатана антирузвельтовская «Декларация независимости демократов», написанная Гарнером (Garner 1972, p. 166).

61. Карри был первым главой миссии, который не являлся сотрудником Банка. См.: «IBRD Press Release No. 139», *Currie Mission*.

62. Lauchlin Currie to Professor Alvin Hansen, June 3, 1949, *Currie Mission*; Alvin H. Hansen to Lauchlin Currie, IBRD, June 4, 1949, *Currie Mission*.

63. «File Copy – Confidential – Colombia», Leonard B. Rist to Mr. Robert L. Garner, January 10, 1949, *Colombia 1*.

64. «Colombia: Currie Mission Report», G. Gondicas to Mr. A. S.G. Hoar, July 6, 1950, *Currie Mission*.

65. Oral history interview, Leonard Rist, July 19, 1961, pp. 26–27, *Oral Hist. 44*.

66. На деле сотрудничество между Фондом и Банком свелось в конечном итоге к тому, что у них общая библиотека, они совместно используют часть переводческих служб и совместно проводят ежегодное собрание.

67. «Outgoing Wire», John J. McCloy to Professor Lionel Robbins, March 1, 1949, *Currie Mission*.

68. Карри обладал писательским талантом. Это видно из тех нескольких страниц его автобиографии, где он описывает первые двадцать лет своей жизни. Сэндилендс очень уместно включил этот текст без сокращений в первую главу своей биографии Карри (Sandilands 1990).

69. Lauchlin Currie to Mr. Robert L. Garner, July 24, 1949, *Currie Mission*.

70. Lauchlin Currie to Mr. Robert L. Garner, August 8, 1949, *Currie Mission*.

71. Lauchlin Currie to Mr. Robert L. Garner, August 10, 1949, *Currie Mission*.

72. Lauchlin Currie to Mr. Robert L. Garner, September 12, 1949, *Currie Mission*.

73. «Address by Dr. Lauchlin Currie, chief of mission of the International Bank for Reconstruction and Development, on the occasion of a farewell luncheon tendered the mission by the Banco de la Republica, October 28, 1949», October 28, 1949, *Currie Mission*. Это оригинал текста, написанный Карри по-английски. В архиве Всемирного банка имеется

также перевод на испанский язык, который был зачитан Карри на прощальном завтраке: «Discurso del Dr. Lauchlin Currie, Jefe de la Misión del Banco Internacional de Reconstrucción y Fomento pronunciado el 28 de octubre de 1949, con motivo del almuerzo de despedida ofrecido por el Banco de la Republica», October 28, 1949, *Currie Mission*.

74. Например, Межамериканское санитарное бюро в Вашингтоне, ВОЗ, ФАО, а также американские и иностранные компании. См.: John R. Murdock to Mr. Lauchlin Currie, November 17, 1949, *Currie Mission*; Herbert Broadley to Mr. Lauchlin Currie, 27 April 1950, *Currie Mission*; Mary McDonnell to Miss Agnes Maher, September 5, 1950, *Currie Mission*.

75. «Presentation of Colombian Report», William L. Ayres to Mr. Robert L. Garner, July 14, 1950, *Colombia 1* (курсив в оригинале)

76. Доклад Банка за 1948 год был по этому вопросу более пессимистичен: «Ввиду уровня прироста населения проблемой, на деле, может стать не то, как увеличить душевой доход, а как сохранить его». Источник: «Economic Technology Meeting – Colombia», December 27, 1948, *Colombia 1*.

77. «Interview with C. Edwin Halaby, Manufacturer's Representative in Colombia», Lauchlin Currie, June 14, 1949, *Colombia 1*.

78. Это было эквивалентно 2,5 млрд долл. США, из которых чуть больше 500 млн предназначалось для импорта. Однако в 1951 году Колумбия провела очень резкую девальвацию, что привело к падению обменного курса с 1,95 до 2,51 колумбийских песо за 1 долл. США.

79. Herbert Broadley to Mr. Lauchlin Currie, 27 April 1950, *Currie Mission*. Мне не удалось обнаружить других документов, в которых содержалась бы критика предложений Карри по сельскохозяйственному сектору и, в особенности, по регрессивному налогу. Альберт О. Хиршман очень интересно исследовал эволюцию сельскохозяйственных реформ в Колумбии в своей книге «Путешествия к прогрессу» («Journeys Toward Progress», 1968).

80. John R. Murdock, WHO Assistant Director, to Mr. Richard H. Demuth, June 26, 1950, *Currie Mission*.

81. «The Need for Foreign Capital in the Development Program for Colombia», Jacques J. Polak, attached to «Memorandum», J. J. Polak to Dr. Rodan, June 22, 1951, *Colombia Tech Ass. III*.

82. Полак сообщил Розенштейну-Родану, что Торфс, которому он показал написанный им критический отзыв, в ответ заявил, что имелись конкретные и очень серьезные причины, по которым из доклада были удалены некоторые выводы. См.: «Memorandum», J. J. Polak to Dr. Rodan, June 22, 1951, *Colombia Tech Ass. III*.

83. В беседе 3 декабря 2004 года Жак Дж. Полак снова высказал свое убеждение, что в тот период «в Банке не было места для экономистов».

84. «IBRD Relations with Colombia – Confidential», Mr. Gordon, January 19, 1950, p. 5, *Colombia 2*.

85. Кредит на сумму в 3,5 млн долл. США, соглашение о котором было подписано 2 ноября 1950 года, был использован для строительства электростанции в Анчикая. См.: «Colombia» (дата неизвестна, вероятно, конец мая 1951 года), *Colombia 2*. Решение о выделении кредита на строительство электростанций было продиктовано озабоченностью в связи с тем, что отказ в предоставлении кредита поставит под угрозу принятие и выполнение правительством Колумбии общего плана развития, представленного в докладе Карри. См.: «IBRD Relations with Colombia – Confidential Draft», W. A. Iliff, January 23, 1950, *Colombia 2*.

86. S. W. Anderson to Files, January 30, 1950, *Currie Mission*. В нескольких документах Банка подчеркивалось намерение Банка оттянуть утверждение кредитов на конкретные проекты до окончания работы над докладом миссии о глобальной стратегии, хотя на практике всё произошло совсем не так. См., напр.: «Colombia: Conversations with Ambassador re Projects under Consideration by the Bank», D. W. Smyser to Files, September 22, 1949, *Colombia 2*.

87. Willard L. Beaulac to the Secretary of State, Bogotá, July 25, 1949, in *Foreign Relations of the United States, 1949*, vol. 2 (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1975), pp. 609–611. Экспортно-импортный банк (Эксимбанк) был создан в 1934 году путем слияния двух государственных банков, организованных Франклином Д. Рузвельтом с целью стимулирования торговли с Советским Союзом и Кубой. Эксимбанк был призван помогать американским капиталам пересекать национальные границы, не создавая в то же время конкуренции частным банкам. В течение многих лет Эксимбанк увязывал финансовые и коммерческие интересы частных инвесторов с политико-дипломатическими интересами правительства США. Об истории этого института см.: Becker and McClenahan (2003).

88. Martin del Corral to Mr. Eugene Black, October 3, 1950, *Colombia 2*, «Office Memorandum – Study of Report in Colombia», Lauchlin Currie to Eugene Black, March 17, 1950, *Currie Mission*.

89. «File Copy», R. L. Garner to Mr. Richard H. Demuth, November 21, 1950, *Colombia Mission*.

90. «Press Release», IBRD, August 2, 1950, *LBCP*.

91. «Тем не менее, – отмечает Сэндилендс, – и железнодорожный, и речной транспорт в Колумбии плохо использовались и плохо управлялись. Система автомобильного транспорта, будучи более гибкой, всегда использовалась полнее, а тем более – по мере расширения дорожной сети» (*Sandilands 1990*, p. 170).

92. Эта тема будет обсуждена ниже, в главе 3.

93. «Colombia: Agriculture Needs an Increase of Bank Credit», S.W. Anderson to Mr. A. S.G. Hoar, February 3, 1951, *Colombia Mission 1*; «Colombia: Agriculture Needs an Increase of Bank Credit», E. de Vries to Mr. A. S.G. Hoar, February 9, 1951, *Colombia Mission 1*.

94. Урданета Арбелас сменил Лауреано Гомеса, который серьезно заболел. См.: *Sandilands (1990, p. 168)*.

95. Jacques Torfs to Mr. Rist, January 29, 1951, *Colombia 2*.

96. «Confidential – Copy of undated airmail letter from Mr. Torfs, received in Bank on February 8, 1951», Jacques Torfs to Mr. Rist, February 8, 1951, *Colombia 2*.

97. «IBRD – Inter Office Memorandum», G. Grayson to Files, February 16, 1951, *Colombia 2*.

98. «Notes on Meeting of Staff Loan Committee Held 2:30 p.m., Thursday, March 22, 1951 – Confidential», *Colombia 2*.

99. E. G. Burland to Mr. A. S.G. Hoar, February 19, 1951, *Colombia 2*.

100. R. L. Garner to Mr. E. G. Burland, February 28, 1951, *Colombia 2*.

101. E. C. Burland to Mr. A. S.G. Hoar, March 1, 1951, *Colombia 2*.

102. «Draft», Martin Del Corral, June 3, 1951, *LBCP*.

103. Заявление, сделать которое Торфс потребовал от экономического советника президента Колумбии, позволяет нам считать, что стороны уже начинали испытывать неудобство от создавшейся ситуации. Это можно понять из текста письма: «Учитывая, что согласно тому, о чем Вы меня информировали, у кого-то может возникнуть возможность ошибочно подумать, что Вы принимали какое-либо участие в услугах, предоставлявшихся доктором Локлином Карри, я пользуюсь случаем, чтобы настоящим заявить, что такое участие никогда не имело места». Источник: Alfonso Patiño to Jacques Torfs, June 27, 1951, *Colombia 2*.

104. «File Copy», R.L. Garner to H.E. Señor Dr. Don Cipriano Restrepo-Jaramillo, Ambassador of Colombia, January 13, 1952, *Colombia 2*; E.G. Burland to Mr. A. S.G. Hoar, Loan Director, March 21, 1952, *Colombia 2*; «Colombia», Jacques Torfs to Dr. Harold Larsen, March 25, 1952, *Colombia 2*; E. G. Burland to Mr. A. S.G. Hoar, Loan Director, March 1, 1952, *Colombia 2*.

105. «Excerpts from a proposed letter from Mr. Hirschman to Messrs. Toro and Delgado in response to a request for some ideas concerning the staffing of the Planning Office», без даты (вероятно, начало апреля 1952 г.), *Colombia 2*.

106. R. L. Garner to Dr. Emilio Toro, May 13, 1952, *Colombia 2*.

107. Ibid.

108. A. S. G. Hoar to Mr. E. G. Burland (Tommy), March 14, 1952, *Colombia 2*.

109. E. Toro to Mr. Garner, May 20, 1952, *Colombia 2*.

110. «File Copy – Personal and Confidential», R. L. Garner to Dr. Emilio Toro, May 26, 1952, *Colombia 2*.

111. Lauchlin Currie to Bill Howell, August 21, 1952, *Colombia 2*.

112. Albert O. Hirschman to Mr. Richard H. Demuth, August 13, 1952, *Colombia 2*.

113. «Положение Хиршмана очень трудное с тех пор, как на сцене появился Карри. Он [Хиршман. – *Примеч. пер.*] кажется очень обеспокоенным, и у меня довольно сильное ощущение, что мы слишком долго оставляли его в одиночестве [...]. Единственная поддержка, которой [Карри] пользуется в высоких кругах, исходит от Торо». Источник: Willem Koster to Orvis, September 14, 1952, *Colombia 2*.

114. Albert O. Hirschman to Mr. J. Burke Knapp, September 20, 1952, *Colombia 2*.

115. Ibid. Следует отметить, что Карри, размышляя позднее об этих событиях, высказал гораздо более позитивное мнение о столкновениях в Совете: «Обсуждения кратких рабочих документов были энергичными и деловыми, подготавливая членов комитета к встречам с президентом» (Currie 1981, p. 180).

116. Albert O. Hirschman to Mr. J. Burke Knapp, September 20, 1952, *Colombia 2*.

117. Ibid.

118. «Functions and Organization of the Colombian Planning Office», J. Burke Knapp to Mr. Robert L. Garner, October 7, 1952, *Colombia 3*.

119. Нэпп писал Хиршману: «Альберт, мне хотелось бы, чтобы вы могли придумать что-нибудь явно более удовлетворительное для Вас. Хочу Вас заверить, что соображения, выдвинутые в Вашем письме ко мне от 20 сентября, были тщательно рассмотрены. Я твердо уверен, что в условиях, о которых Вам более подробно напишет Жак, Вы найдете прекрасные возможности для применения своих великолепных талантов». Источник: J. Burke Knapp to Mr. Albert Hirschman, October 10, 1952, *Colombia 3*.

120. «Outgoing Wire», Garner to Chairman Consejo Economico de Planificación, October 10, 1952, *Colombia 3*.

121. Emilio Toro to Mr. Robert L. Garner, October 10, 1952, *Colombia 3*.

122. J. Burke Knapp to Mr. Jacques Torfs, November 7, 1952, *Colombia 3* (курсив в оригинале) и J. Burke Knapp to Mr. Albert O. Hirschman, November 7, 1952, *Colombia 3*.

123. J. Burke Knapp to Mr. Jacques Torfs, November 7, 1952, *Colombia 3*.

124. Вот что Нэпп писал Хиршману: «Однако, Альберт, главная цель моего письма состоит в том, чтобы дать Вам знать, что мы здесь, в Банке, считаем, что, по крайней мере, до настоящего момента, с Вами поступали несправедливо. Мы понимаем те чрезвычайные трудности, с которыми Вам пришлось столкнуться, и сочувствуем Вам. Могу себе представить, до какой степени пережитое Вами отрицательно повлияло на Ваше отношение к ситуации в Колумбии в целом и на Ваши планы успешной работы там в будущем. Если Вы чувствуете, что захотите остаться, если обстановка улучшится, что, как я надеюсь, случится в скором времени, то нам доставит удовлетворение, если мы и дальше сможем опираться на Вашу поддержку в Колумбии. С другой стороны, я хочу, чтобы Вы знали, что, если Вы решите уйти, я буду рад видеть Вас штатным сотрудником созданного в Банке Департамента Западного полушария». Источник: J. Burke Knapp to Mr. Albert O. Hirschman, November 7, 1952, *Colombia 3*. Торфс заверил Нэппа, что реакция Хиршмана благоприятная: «Кажется, Альберт Хиршман воспрянул духом. Он полностью осознает, что ему придется занять второй по значению пост в группе советников, но, к моему удивлению он, по-видимому, с готовностью соглашается на эту ситуацию». Источник: «Colombia Mission Report #2 with Planning Office», Jacques Torfs, November 10, 1952, *Colombia 3*.

125. J. Burke Knapp to Mr. Jacques Torfs, November 7, 1952, *Colombia 3*.

126. R. L. Garner to Dr. Emilio Toro, November 17, 1952, *Colombia 3*; J. Burke Knapp to Dr. Emilio Toro, December 3, 1952, *Colombia 3*.

127. «Colombia Mission Report #3 with Planning Office. Week of November 10th to 17th», November 18, 1952, *Colombia 3* (курсив в оригинале).

128. «Colombia Mission Report #2 with Planning Office», Jacques Torfs, November 10, 1952, *Colombia 3*.

129. «Colombia Mission Report # 3 with Planning Office. Week of November 10th to 17th», Jacques Torfs, November 18th, 1952, *Colombia 3*.

130. По мнению Торфса, президент не был в курсе проблем Совета, так как Торо фильтровал информацию. Банку следовало действовать в обход Торо: «Что касается доктора Карри, то здесь дела идут так, как если бы доктор Торо не получал никаких сообщений из Вашингтона [...]. Я убежден, что переписка между Банком и доктором Торо по вопросу о деятельности доктора Карри будет оставаться безрезультатной, потому что доктор Торо будет либо просто оставлять письма у себя, либо излагать мнения Банка правительству в своей «интерпретации». До тех пор, пока не будет установлена прямая связь между Банком и правительством (т. е. президентом) Республики по этой проблеме, она будет оставаться нерешенной. Для Банка было бы чрезвычайно желательно предпринять такие шаги как можно быстрее. Доктор Карри возвращается сюда к концу следующей недели. Я и Альберт будем крайне заняты работой над нашими долгосрочными проектами [...]. Доктору Карри будет не очень трудно приступить к уничтожению всего, что мы начали делать за последние несколько недель». Источник: «Colombia Mission Report #5 with Planning Office. Week from November 23rd to November 29th», Jacques Torfs, December 5, 1952, *Colombia 3*.

131. Emilio Toro to Mr. Robert L. Garner, November 28, 1952, *Colombia 3*.

132. J. Burke Knapp to Dr. Emilio Toro, December 3, 1952, *Colombia 3*; J. Burke Knapp to Mr. Jacques Torfs, December 3, 1952, *Colombia 3*.

133. Jacques Torfs to Mr. Burke Knapp, December 12, 1952, *Colombia 3*.

134. «Seventh Report on Mission with Planning Office – Weeks from December 8 to 13 and from December 15 to 20», Jacques Torfs, December 20, 1952, *Colombia 3*.

135. Emilio Toro to Lauchlin Currie, July 28, 1953, *LBCP* (курсив в оригинале).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Цит. по: Sandilands (1990, p. 166).

2. R. L. Garner to Dr. Emilio Toro, November 17, 1952, *Colombia 3*.

3. «He venido a estudiar los problemas del pais: Currie», August 28, 1950, *LBCP*.

4. Чтобы восстановить ход этих споров, я буду использовать некоторые публикации, которые не относятся к периоду времени, освещаемому в этой книге. Может показаться, что я ошибаюсь в хронологии, но это не так. Результаты исследований, опубликованных в конце 1950-х – начале 1960-х годов, были широко распространялись в научно-исследовательских организациях и научных кругах, а также были представлены на конференциях. Например, Рагнар Нурксе опубликовал работу «Формирование капитала в слаборазвитых странах» в 1958 году, однако в ее основе лежали несколько докладов, с которыми он выступал в Рио-де-Жанейро в 1951 году. В этой главе мы подробно рассмотрим аналогичный случай, касающийся Альберта Хиршмана.

5. См., напр., великолепную обзорную работу Чарльза Омана и Ганешана Вигнараджи (Oman and Wignaraja 1991).

6. Как писал Уолт Ростоу: «Как исторический факт, реактивный национализм, противостоящий вмешательству со стороны более развитых стран, является наиболее важной и влиятельной мотивирующей силой при переходе от традиционных к современ-

ным обществам – по крайней мере, не менее важной, чем мотив получения прибыли. Люди, обладающие реальной властью или влиянием, стремятся искоренить традиционные общества, прежде всего, не для того, чтобы заработать больше денег, а потому, что традиционное общество не сумело – или вряд ли сумеет – защитить их от унижения со стороны иностранцев [...]. Это, конечно, относится также и к колониальным владениям в южном полушарии (Rostow [1960] 1990, pp. 26–27).

7. Позже Пауль Розенштейн-Родан смягчил свою позицию, присоединившись к тем, кто считал, что вначале необходимо развивать общественный вспомогательный капитал. В 1984 г. он утверждал, что «прежде чем строить фабрики по производству потребительских товаров, необходимо создать и спонсировать основной неделимый блок общественного вспомогательного капитала, или инфраструктуру, потому что частные рыночные инициативы не создадут его вовремя» (Rosenstein- Rodan 1984, p. 208).

8. Massachusetts Institute of Technology, Center for International Studies, *The Objectives of United States Economic Assistance Programs* (Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology, Center for International Studies, 1957), p.70.

9. Среди ученых, внесших вклад в разработку концепции «внешней экономии», которое, как мы увидели, является центральным в теории сбалансированного роста, стоит вспомнить Тибора Скитовски. В свою очередь, Скитовски заимствовал основную идею из работы Джеймса Мида (Meade 1952) о развитых странах и применил ее к развивающимся странам. В частности, Скитовски подчеркивал разницу между денежной внешней экономией и технологической внешней экономией от прямой взаимозависимости, и их последствиями (Scitovsky 1954, 1959).

10. Хиршман отмечает, что хотя они со Стритеном проводили исследования независимо друг от друга, однако озаглавили свои работы почти одинаково. Прежде чем книга Хиршмана получила свое окончательное название – «Стратегия экономического развития», – она имела рабочее название «Экономика несбалансированного роста». Статья Стритена называлась «Несбалансированный рост» (Hirschman 1984, p. 87, n. 1).

11. См. рассуждения Андреа Гинзбурга (Ginzburg 1983), который утверждал: «Если, используя античную метафору, «инкапсулировать» теорию Хиршмана в одну из трех форм социальной мысли, выделяемых У. Старком (W. Stark), то он окажется среди тех, кто рассматривал общество не как организм или механизм, а как процесс» (Ginzburg 1983, p. 16).

12. Из письма Альберта О. Хиршмана Андре Гундер Франку от 18 августа 1959 года; цит. по: Hirschman 1984, p. 105; курсив автора.

13. Хиршман представлял концепцию «связей» более конкретно, чем она изложена здесь. См., напр., его рассуждения о сателлитных отраслях (Hirschman [1958] 1963, chapter 6). Приведем рассуждения Стритена на ту же тему: «Выберите проекты, которые: (1) продвигая вперед некоторые отрасли, сосредоточивают давление дисбаланса на тех группах и отраслях, чей ответ на вызов будет, по-видимому, самым сильным; (2) не только создают «узкие места», но и устраняют их; (3) не только обеспечивают товарами и услугами промышленность, сельское хозяйство и потребителей, но и стимулируют развитие в других направлениях [...]; (4) создавая новый продукт или услугу, требуют дальнейших инвестиций по другим линиям» (Streeten 1959, p. 183).

14. Цит. по: J. Schumpeter, *Business Cycles* (New York and London: McGraw Hill Book Company, 1939), p. 102.

15. Гэлбрейт, специалист в области экономики сельского хозяйства, был при президенте Кеннеди послом США в Индии.

16. Неру, которого с раннего возраста обучали частные преподаватели из Великобритании, в возрасте 15 лет уехал в Англию. Два года он учился в Харроу-Скул, а затем в 1907 году был принят в Тринити-колледж Кембриджского университета, который окончил в 1910 году. В том же году поступил в докторантуру по юриспруденции в лондонскую

«Иннер темпл». Получив лицензию на юридическую деятельность в 1912 году, он вернулся в Индию после семи лет обучения в лучших учебных заведениях Великобритании. См.: Brecher 1959.

17. *Articles of Agreement*, Article III, Section 4 (vii).

18. Частые споры между Розенштейном-Роданом и руководством Всемирного банка вынудили экономиста уйти из Банка вскоре после его общей реорганизации в 1952 году (Oliver 1975, pp. 272–73).

19. Из интервью. Paul Rosenstein-Rodan, August 14, 1961, pp. 1–2, *Oral Hist.* 44. Бёрк Нэпп придерживался того же мнения, что и Розенштейн-Родан, в отношении займов США Европе в послевоенное время в рамках Плана Маршалла. Позже, вспоминая об этом, Нэпп говорил: «Кредитоспособность стран должна подтверждаться исходя из их общей способности обслуживать долг, а не на основании того, какие блага они собираются получить в рамках программы помощи. [...] Вопрос о том, ссужаете деньги на коммерческих или льготных условиях, должен зависеть от конкретной страны и ее способности мобилизовать ресурсы и возвращать долг, а не от типа проекта». Из устного интервью: J. Burke Knapp, July 24 and 30, 1975, доступно в Интернете по адресу: www.trumanlibrary.org/oralhist/knappjb.htm, paragraphs 92 and 94.

20. «Ensayos del acueducto de Bogota», March 26, 1953, *LBCP*. См. также: «Resumen del Plan para Bogota», Lauchlin B. Currie, May 28, 1953, *LBCP*.

21. «Поскольку [электрическая] компания находится в лучшем положении для получения кредита, чем «Уотеруоркс», рекомендуется, чтобы заявка на кредит была подана только электрической компанией». Источник: «Waterworks», January 1, 1953, p. 4, *LBCP*. См. также: «Expansion of Electric Power for Bogota», January 1, 1953, *LBCP*.

22. Что в 1994 году соответствовало 2,4 млрд долл. США (Kraske et al. 1996, p. 55).

23. Из интервью: Robert L. Garner, July 19, 1961, p. 6, *Oral Hist.* 44.

24. «Memorandum sobre el concepto de los medios de pago y la politica monetaria», Lauchlin Currie, May 21, 1952, *LBCP*.

25. «Memorandum sobre el concepto de los medios de pago y la politica monetaria», Lauchlin Currie, May 21, 1952, *LBCP*.

26. «Situacion monetaria – Analisis y recomendaciones», Albert Hirschman, June 21, 1952, *LBCP*.

27. «Situacion monetaria – Analisis y recomendaciones», Albert Hirschman, June 21, 1952, *LBCP*.

28. «Analisis del presupuesto para la vigencia de 1952 y de su probable efecto sobre la situacion economica y monetaria en los meses restantes de 1952», Albert Hirschman, August 22, 1952, *LBCP*.

29. «Analisis del presupuesto para la vigencia de 1952 y de su probable efecto sobre la situacion economica y monetaria en los meses restantes de 1952», Albert Hirschman, August 22, 1952, *LBCP*.

30. «El presupuesto para la vigencia 1953», Albert Hirschman, August 27, 1952, *LBCP*.

31. «Conclusiones de los tres memoranda. Sobre la situación monetaria, Sobre la ejecución del presupuesto de 1952 durante los meses restante de este año, y Sobre el presupuesto para 1953», Albert Hirschman, August 27, 1952, *LBCP*.

32. «El presupuesto para la vigencia 1953», Albert Hirschman, August 27, 1952, *LBCP*.

33. «El presupuesto para la vigencia 1953», Albert Hirschman, August 27, 1952, *LBCP*; «Memorandum preliminar sobre el presupuesto», Lauchlin Currie y Enrique Peñalosa, September 20, 1952, *LBCP*. После восстания «Боготасо» численность колумбийской армии выросла с 12 до 30 тыс. чел. См.: «Memorandum of Conversation by the Secretary of State», Washington, July 12, 1948, in *Foreign Relations of the United States, 1948*, vol. 9 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1972), pp. 440–444. Правительство Колумбии настаивало на необходимости бороться с «внутренним коммунистическим

врагом в обеих Америках» и обратилось к США с просьбой об оказании значительной помощи для повышения своего военного потенциала. Источник: «Memorandum of Conversation, by the Secretary of State», Dean Acheson, Washington, April 19, 1949, in *Foreign Relations of the United States, 1949*, vol. 2 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1975), pp. 605–607. Нежелание США оказывать такую помощь не охладило пыл властей Колумбии, по крайней мере, по словам посла США в этой стране: «Я сказал, [...] что не вижу опасности превращения колумбийской армии в угрозу демократии в Колумбии. Чего я действительно опасался, так это того, что экономическая политика правительства, ведущая к росту стоимости жизни, помогает вновь создать ситуацию социальной напряженности, которая в любой момент может закончиться взрывом [...]. Все латиноамериканцы согласились, что поставки оружия не нарушают мира в стране. Революции и государственные перевороты происходили и до того, как США стали поставлять оружие в Латинскую Америку, и будут происходить в дальнейшем». Источник: «Memorandum of Conversation, by the Ambassador in Colombia (Beaulac)», Bogotá, February 15, 1949, attached to Willard L. Beaulac to the Secretary of State, February 16, 1949, in *Foreign Relations of the United States, 1949*, vol. 2 (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1975), pp. 603–605; данные слова приведены на с. 604.

34. «Memorandum preliminar sobre el presupuesto», Lauchlin Currie y Enrique Peñalosa, September 20, 1952, *LBCP*; «El presupuesto para la vigencia 1953», Albert Hirschman, August 27, 1952, *LBCP*.

35. «Memorandum preliminar sobre el presupuesto», Lauchlin Currie y Enrique Peñalosa, September 20, 1952, *LBCP*.

36. «Memorandum preliminar sobre el presupuesto», Lauchlin Currie y Enrique Peñalosa, September 20, 1952, *LBCP*.

37. «Memorandum preliminar sobre el presupuesto», Lauchlin Currie y Enrique Peñalosa, September 20, 1952, *LBCP*.

38. «Interes del Consejo en el presupuesto», Albert Hirschman, October 20, 1952, *LBCP*.

39. «Memorandum», Albert Hirschman, October 31, 1952, *LBCP*.

40. «Memorandum», Albert Hirschman, October 31, 1952, *LBCP*.

41. «Memorandum», Albert Hirschman, October 31, 1952, *LBCP*; «Notas sobre estimativos y politica del presupuesto», Lauchlin Currie, November 6, 1952, *LBCP*; «Politica presupuestal», Albert O. Hirschman and Jacques Torfs, November 10, 1952, *LBCP*; «Comentarios especificos sobre el memorandum del Dr. Hirschman de Noviembre 10 de 1952», November 10, 1952, *LBCP*; «Comentarios sobre el memorandum acerca de la Politica Presupuestal por lo Señores Torfs y Hirschman», Lauchlin Currie, November 15, 1952, *LBCP*.

42. Comité de Desarrollo Economico, «Informe preliminar sobre el establecimiento de una planta siderurgica», Bogotá, December 14, 1950, pp. 2–3, *LBCP*.

43. «Сегодня у нас был последний обед с президентом, но кроме гораздо более сильного давления в связи с проектом «Пас-де-Рио», никаких событий, достойных внимания, не произошло». Lauchlin Currie to Robert Garner, October 14, 1949, *LBCP*.

44. Заручившись одобрением Гарнера, Карри послал Флешера в Чили с личным поручением оценить ситуацию вокруг «Compañía de Acero del Pacífico», частной компании с государственным участием, заводы которой находились на этапе строительства благодаря первоначальному займу в 28 млн долл. США от Экспортно-импортного банка, причем общий объем капиталовложений оценивался примерно в 53 млн долл. США. Когда Флешер поехал в Чили, эта оценка выросла до 90 млн долл. США. По оценкам Флешера, итоговая стоимость заводов должна была превысить 140 млн долл. США. См.: Lauchlin Currie to Robert Garner, October 18, 1949, *LBCP*; Carl Flesher to Lauchlin Currie, October 25, 1949, *LBCP*.

45. Кроме того, расходы на транспортировку импортного оборудования были бы ниже, благодаря приморскому расположению Барранкильи.

46. *El Tiempo*, August 15, 1950, *LBCP*; *El Espectador*, August 18, 1950, *LBCP*; *El Liberal*, August 25, 1950, *LBCP*; *El Tiempo*, September 1, 1950, *LBCP*.

47. «Office Memorandum – Colombia», W.L. Jago to Mr. S. Aldewereld, July 25, 1950, *Colombia 2*.

48. «Guarantee Agreement», August 19, 1949, цит. по: Wiebe Glastra to Mr Jacques Torfs, May 25, 1951, *Colombia 2*.

49. «Office Memorandum – Colombian Working Party – Contracts entered by Colombian private companies controlled by the Government, with foreign concerns», M. Verheyen to Mr. Crena de Iongh, August 7, 1950, *Colombia 2*.

50. Robert L. Garner to Mr. Hernan Jaramillo Ocampo, August 22, 1950, *Colombia 2*.

51. Robert L. Garner to Mr. Hernan Jaramillo Ocampo, August 22, 1950, *Colombia 2*.

52. Robert L. Garner to Mr. Hernan Jaramillo Ocampo, August 22, 1950, *Colombia 2*.

53. «Colombia» (без даты; по-видимому, конец мая 1951 года), *Colombia 2*.

54. Martin del Corral to Mr. Eugene Black, October 2, 1950, *Colombia 2*; Martin del Corral to Mr. Eugene Black, October 3, 1950, *Colombia 2*.

55. Lauchlin B. Currie to Robert L. Garner, November 9, 1950, *LBCP*; «Memorandum», D. G. Singer to Lauchlin Currie, November 10, 1950, *LBCP*.

56. Доказательством этого беспокойства была попытка понять, какой информацией об осуществимости проекта «Пас-де-Рио» располагал Карри (и, соответственно, по всей видимости, Комитет). У Карри, в частности, была копия письма, в котором управляющий директор колумбийского филиала компании «Армко» Эдвард Д. Уильям уверял руководство «Эмпреса», что «Армко» не передавала никакой важной информации миссии Карри, когда та попросила разъяснений о проведенных консультациях с «Эмпреса». См.: Edward J. Williams to Roberto Jaramillo, November 15, 1950, *LBCP*.

57. «Situation in Colombia», Jacques Torfs to Mr. Leonard B. Rist, December 18, 1950, *Colombia 2*.

58. Lauchlin B. Currie to Robert L. Garner, November 9, 1950, *LBCP*.

59. «Notas que pueden servir de base a un acuerdo unanime sobre Paz del Rio» (по-видимому, проект, дата написана карандашом), Rafael Obregon, November 27, 1950, *LBCP*.

60. «Notas que pueden servir de base a un acuerdo unanime sobre Paz del Rio» (по-видимому, проект, дата написана карандашом), Rafael Obregon, November 27, 1950, *LBCP*.

61. «Informe de la mision para el Comite. Fomento de una industria colombiana de acero» (по-видимому, проект, дата написана карандашом), Comite de Desarrollo Economico, December 15, 1950, p. 3, *LBCP*.

62. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero» (по-видимому, проект, дата написана карандашом), Comité de Desarrollo Economico, December 15, 1950, p. 4, *LBCP*.

63. «Президент Республики лично приказал приостановить все закупки из-за рубежа для строительства сталелитейного завода в Пас-де-Рио». Источник: «Situation in Colombia», Jacques Torfs to Mr. Leonard B. Rist, December 18, 1950, *Colombia 2*.

64. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, pp. 5–6, *LBCP*.

65. «Informe de la mision para el Comite. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, p. 7, *LBCP*.

66. «Informe de la mision para el Comite. Fomento de una industria colombiana de acero» Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, p. 10, *LBCP*.

67. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, p. 11, *LBCP*.

68. «Возражение Комитета на этот проект состоит в том, что он не предполагает создания металлургического комбината, которое рассматривается как необходимое условие». Источник: Comité de Desarrollo Economico, «Informe preliminary sobre el establecimiento de una planta siderurgica», Bogotá, December 14, 1950, p. 3, *LBCP*.

69. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, p. 13, *LBCP*.

70. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, p. 14, *LBCP*.

71. «Informe preliminar sobre el establecimiento de una planta siderurgica», Comité de Desarrollo Economico, Bogotá, December 14, 1950, p. 4, *LBCP*. Только один член Комитета – Хуан Пабло Ортега – придерживался другого мнения и просил, чтобы его несогласие было зафиксировано в протоколе заседания. Ортега выступал против строительства завода по переработке металлолома в Барранкилье, что комитет уже отверг в том документе, который Ортега отказывался подписывать. Похоже, что поступок Ортеги был просто проявлением упрямства.

72. A. Brassert to G. A. Pizza, December 5, 1950, in *LBCP*, Box 32, Carpeta 4; Frank Engineering, radiogram to Lauchlin Currie, December 7, 1950, *LBCP*; Samuel Keener, radiogram to Lauchlin Currie, December 8, 1950, *LBCP*.

73. «Informe preliminar sobre el establecimiento de una planta siderurgica», Comité de Desarrollo Economico, Bogotá, December 14, 1950, p. 3, *LBCP*; Currie to Flesher, December 15, 1950, *LBCP*; Samuel Keener, radiogram to Lauchlin Currie, December 6, 1950, *LBCP*; Samuel Keener, radiogram to Lauchlin Currie, December 9, 1950, *LBCP*.

74. «Flying Ohio Businessman to Fly Own DC-4 Plane on Round-World Business Trip», Salem Engineering Company, July 10, 1949, p. 1, *LBCP*.

75. «Development of Steel Industry in Colombia, South America», Samuel Keener for Salem Engineering Company to Committee for Economic Development, December 12, 1950, p. 2, *LBCP*.

76. «За вклад в разработку атомной бомбы во время войны в рамках Манхэттенского проекта компания «Салем энджиниринг» была выдвинута на соискание премии за достижения в сфере машиностроения». Источник: «Press Release», Salem Engineering Company (дата представлена карандашом), December 12, 1950, p. 3, *LBCP*.

77. «Development of Steel Industry in Colombia, South America», Samuel Keener for Salem Engineering Company to Committee for Economic Development, December 12, 1950, pp. 4–5, *LBCP*.

78. «Development of Steel Industry in Colombia, South America», Samuel Keener for Salem Engineering Company to Committee for Economic Development, December 12, 1950, pp. 5 and 7, *LBCP*.

79. «Informe preliminar sobre el establecimiento de una planta siderurgica», Comité de Desarrollo Economico, Bogotá, December 14, 1950, pp. 3–4, *LBCP*.

80. Currie to Flesher, December 15, 1950, *LBCP*.

81. Просьба последовала в ответ на письмо Карри компании «Эмпреса» от 18 декабря 1950 года, в котором он информировал «Эмпреса» о том, что правительство просит компанию о сотрудничестве с фирмой «Салем». «Салем» выразила готовность участвовать в новом проекте Флешера; см. Roberto Jaramillo Ferro to Lauchlin B. Currie, December 19, 1950, *LBCP*; Lauchlin B. Currie to Roberto Jaramillo Ferro, December 19, 1950, *LBCP*.

82. Empresa Siderurgica Nacional de Paz de Río, «The Board of Directors of the Empresa...», December 20, 1950, pp. 1–3, *LBCP*. Обвинение фирмы «Салем» в некомпе-

тентности выглядит почти абсурдным и подтверждает конъюнктурные настроения в руководстве «Пас-дель-Рио». МБРР располагал положительными и надежными рекомендациями о фирме «Салем» от вице-президента компании «Вифлеем стил», которая эксплуатировала заводы «Салем»: «Они являются специалистами по решению любых проблем в области сталелитейной промышленности». Источник: Slater to Currie, December 15, 1950, *LBCP*.

83. Lauchlin B. Currie to Roberto Jaramillo Ferro, December 19, 1950, *LBCP*.

84. Lauchlin Currie to Mauricio Obregon, December 22, 1950, *LBCP*.

85. R. L. Garner to Mr. Elmer G. Burland (Tommie), February 13, 1951, *Colombia 2*. Вспоминая об этом много лет спустя, Карри подчеркивал, что уникальный запас знаний был тогда растрачен впустую. Это ноу-хау можно было использовать более эффективно: миссия и входящие в ее состав эксперты разработали разумные и тщательно обоснованные предложения и выбрали осуществимый вариант. Банку следовало более решительно защищать позицию миссии, хотя не подлежит сомнению, что «уж если правительство придерживается какого-либо курса по причинам, не имеющим никакого отношения к экономике, то, естественно, существуют определенные рамки того, что экономический советник, в особенности иностранец, может или должен пытаться сделать, чтобы помешать этому» (Currie 1981, pp. 153–158; фраза приведена на с. 158). Тем не менее, до 1955 года в проект было вложено свыше 150 млн долл. США, а к 1959 году – еще почти 200 млн долл. США. «Отрасль-младенец так и осталась младенцем» (Currie 1981, p. 157).

86. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, p. 15, *LBCP*.

87. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом), December 15, 1950, pp. 16–17, *LBCP*.

88. Таким образом, правильная интерпретация термина «сбалансированный рост» не подразумевает, что все секторы должны расти одинаковыми темпами. Баланс понимается скорее как попытка перераспределить имеющиеся ресурсы, чтобы адекватно реагировать на возможное дифференцированное увеличение спроса в каждом секторе.

89. Поскольку в 1956 году Международный банк предоставил заем на строительство завода в Пас-дель-Рио (Sandilands 1990, p. 397 n. 9), существует вероятность, что на изменение мнения организации непосредственно повлиял Хиршман. Это следует проверить, дополнительно изучив архивы Банка.

90. «Informe de la mision para el Comité. Fomento de una industria colombiana de acero», Comité de Desarrollo Economico (по-видимому, проект, дата написана карандашом) December 15, 1950.

91. Вероятно, мнения Карри и Хиршмана расходились и по другим вопросам. Согласно Крутману, в основе теории Хиршмана об «обратных» связях лежала «идея достижения эффекта масштаба на уровне отдельного предприятия. На агрегатном уровне этот эффект выразился бы в повышении прибыли, благодаря внешней денежной экономии» (1993, p. 22). В свою очередь, Рамеш Чандра и Роджер Сэндилендс (Chandra and Sandilands 2005), утверждают, что значение эффекта масштаба второстепенно по сравнению с ростом прибыли. Сэндилендс интерпретирует формулировку Хиршмана прежде всего как ссылку на технологическую внешнюю экономию, и лишь маргинально – на денежную внешнюю экономию, которая являлась главной проблемой в анализе Карри. В частности, Сэндилендс говорит о том, что «обратные» и «прямые» связи носят, прежде всего, технологический характер (оформленный в виде отношения «факторы производства – объем производства»), в то время как Карри фокусировался на величине потенциального спроса. Хочу

выразить благодарность Роджеру Сэндилендсу за то, что он обратил мое внимание на этот аспект проблемы. Независимо от этого, мне представляется, что различные мнения о том, что легко в основу теории Хиршмана об «обратных» связях, демонстрируют, до какой степени теоретические споры могут преувеличить разногласия, которые на практике выражены гораздо менее определенно и совершенно незначительны.

92. Jacques Torfs to Dr. Toro, April 10, 1952, *Colombia 2*.

93. Торфс продолжал: «В процессе принятия решения о государственных расходах [...] правительство должно получить ответы на следующие вопросы: (а) хорош ли проект как таковой? [...] (б) как проект вписывается в общую систему электроснабжения в Колумбии? [...] (в) как система электроснабжения Колумбии вписывается в национальный инвестиционный план? [...] (г) как общий инвестиционный план вписывается в прогноз национальных счетов?» Jacques Torfs to Dr. Toro, April 10, 1952, *Colombia 2*.

94. Торфс, например, писал: «Основной приоритет нужно отдать ТРАНСПОРТНЫМ, ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ и СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ РЕСУРСАМ». Источник: Jacques Torfs to Harold (без фамилии, вероятно Harold Larsen), September 10, 1951, *Colombia 2* (заглавные буквы использованы автором).

95. В письме, отправленном из Боготы, Хиршман писал о необходимости улучшения жилищных условий и общественной безопасности, Albert O. Hirschman to Mr. Richard H. Demuth, August 23, 1952, *Colombia 2*.

96. Из письма Роберта Гука Исааку Ньютону, написанного в 1670 году; цит. по: Merton (1965, p. 28; курсив Мертона). Мертон удостоил Ньютона чести быть соавтором своего принципа, сославшись на письмо Ньютона Гуку, в котором отправитель утверждал: «То, что делается перед многими свидетелями, редко оканчивается только поисками истины; а то, что имеет место между друзьями в частном порядке, больше заслуживает названия консультации, чем состязания». (February 5, 1675–76, цитата из Merton [1965, p. 23]). [Русский перевод цитируется по: Карцев В. Ньютон. М.: Молодая Гвардия, 1987. – *Примеч. ред.*].

97. Библиография Хиршмана изобилует статьями и автобиографическими заметками, которые можно рассматривать как дополнительный комментарий: «Люди часто пишут, опровергая кого-то, даже если делают это неосознанно [...]. Что касается врагов, то у меня их было немало, особенно в те годы, когда я работал над проблемой развития [...]. В письменном виде я высказывался в основном против теории сбалансированного роста, предложенной Розенштейном-Роданом и Рагнарм Нурске [...]. Это всего лишь говорит о том, что часто у человека есть *личные* враги, и показывает, кто они». (Hirschman [1994] 1998, pp. 108–109; курсив автора).

98. Мы можем добавить «одно последнее замечание о воздействии новых идей» в период становления экономики развития, принадлежащее Хиршману (1984, p. 110): «Поскольку мои взгляды на развитие выражали в основном несогласие, критику старых и новых теорий, они привели к оживленным спорам, тем самым помогая, наряду с высказываниями других участников дискуссии, сделать новую научную дисциплину – экономику развития – привлекательной и будоражащей умы».

99. Цит. по: Hirschman ([1958] 1963, p. ix; курсив автора).

100. Из выступления Локлина Карри на конференции в Панаме в 1975 году; цит. по: Sandilands 1990, p. 372. Подход Карри представляется более комплексным, нежели упрощенный стереотип планирования, до сих пор воспринимаемый как «чрезмерный и стереотипный дирижизм» (Bhagwati 2004, p. 21). Джагдих Бхагвати, вероятно, счел бы эклектичный подход Карри исключением: «Проблема многих [развивающихся] стран заключалась в том, что «невидимой руки» Адама Смита поблизости не было видно» (Bhagwati 2004, p. 21).

101. Paul P. Streeten to Michele Alacevich, e-mail, October 15, 2004.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Robert L. Garner to Rafael Delgado B., July 31, 1952, *LBCP*.
2. «Acta No. 40», Consejo Nacional de Planificación, September 11, 1952, *LBCP*.
3. В то время официальный обменный курс составлял 2,51 колумбийского песо за 1 долл. США. Таким образом, общая сумма инвестиций составляла почти 38 млн долл. США.
4. Emilio Toro to Robert L. Garner, April 7, 1953, *LBCP*.
5. «Plan preliminar de cinco años, con el objeto de remediar la más urgentes necesidades del Departamento del Atlántico y en particular de la ciudad de Barranquilla», Consejo Nacional de Planificación, November 13, 1952, p. 2, *LBCP*.
6. Emilio Toro to Próspero Carbonell, December 13, 1952, *LBCP*; Emilio Toro to Rafael V6squez, December 11, 1952, *LBCP*; «Plan preliminar de cinco años, con el objeto de remediar la más urgentes necesidades del Departamento del Atlántico y en particular de la ciudad de Barranquilla», Consejo Nacional de Planificación, November 13, 1952, *LBCP*.
7. Diógenes Baca Gomez to Próspero Carbonell, November 27, 1952, *LBCP*.
8. Lauchlin B. Currie to Samuel L. Hollopeter, January 20, 1953, *LBCP*; Emilio Toro to Samuel L. Hollopeter, February 20, 1953, *LBCP*; Emilio Toro to Samuel Hollopeter, February 7, 1953, *LBCP*; Samuel L. Hollopeter to Emilio Toro, February 14 de 1953, *LBCP*; Emilio Toro to Pryspero Carbonell, February 25, 1953, *LBCP*.
9. Единственный протест исходил от уличных торговцев, которые хотели, чтобы плата за аренду места на рынке была понижена, а не повышена. См.: Сэмюэль Холлопепер – Локлин Карри, 19 января 1953, *LBCP*.
10. Lauchlin B. Currie to Samuel L. Hollopeter, January 20, 1953, *LBCP*.
11. Emilio Toro to Samuel L. Hollopeter, March 9, 1953, *LBCP*.
12. См. ранее цитированное письмо Robert L. Garner to Rafael Delgado B., July 31, 1952, *LBCP*.
13. Emilio Toro to Robert L. Garner, March 10, 1953, *LBCP*.
14. Стоит отметить, что Торо не упомянул о том, что по предложению Карри была уже создана «наблюдательная комиссия» для решения проблем, связанных с постоянными изменениями в составе сотрудников местной администрации. Комиссия доказала свою высокую эффективность (Sandilands 1990, p. 176).
15. «Мы понимаем, что обычно Банк не проявляет интереса к финансированию муниципальной водопроводной сети. Тем не менее мы ожидаем, что Банк заинтересуется возможностью внести вклад в координированный план регионального развития». Цит. по: Emilio Toro to Robert L. Garner, March 10, 1953, *LBCP*.
16. Кроме того, Эмилио Торо был не вполне честен, описывая эффективность муниципальных структур, которые должны были осуществлять эту программу. Торо информировал Гарнера следующим образом: «Муниципальные службы Барранкильи достигли выдающихся результатов с точки зрения экономической эффективности и выполнения своих обязанностей». Цит. по: Emilio Toro to Robert L. Garner, March 10, 1953, *LBCP*. Однако на заседании Совета, когда план переустройства Барранкильи еще только обретал форму, Торо заявил, что коммунальные службы, управляемые муниципальными органами, находятся на грани «плачевного состояния»). Цит. по: «Acta No. 43», Consejo Nacional de Planificación, September 23, 1952, *LBCP*.
17. Emilio Toro to Robert L. Garner, March 10, 1953, *LBCP*.
18. Emilio Toro to Samuel L. Hollopeter, March 9, 1953, *LBCP*.
19. Emilio Toro to Cipriano Restrepo Jaramillo, Embajador de Colombia, April 20, 1953, *LBCP*. Торо настойчиво пишет посылу: «Положительный ответ – это ключ к будущей работе Совета и его влиянию [...] Отрицательный [ответ] на запрос о займе может оказать весьма негативное влияние на наши будущие действия».
20. Robert L. Garner to Emilio Toro, April 21, 1953, *LBCP*.

21. Robert L. Garner to Emilio Toro, April 21, 1953, *LBCP* (курсив мой).

22. Jacques Torfs to Leonard Rist, December 18, 1950, *LBCP*.

23. То же можно сказать о более сложном, но в целом аналогичном плане развития столицы Колумбии – Боготы. Пока не существует всеобъемлющего исследования *Plan para Bogotá*, в котором рассматривались бы все аспекты плана – от жилищного строительства до энергии. Первичный анализ см. в Michele Alacevich and Andrea Costa (forthcoming).

24. При поддержке делегатов от правительств Франции и Италии гг. Жерара и Винсентини, соответственно.

25. «Report of the Subcommittee on Instability of Employment», International Labour Organization, Rome, March 16–25, 1949, p. 9, *Housing 1*.

26. «Report of the Subcommittee on Instability of Employment», International Labour Organization, Rome, March 16–25, 1949, p. 10, *Housing 1*. Делегаты от правительств стран Восточной Европы возражали против этого предложения, что вызвало раскол между делегатами от профсоюзов: представители коммунистических профсоюзов возражали против предложения или воздерживались, в то время как делегаты профсоюзов из католических и других стран «Атлантического побережья» (выражение делегата Рабочих Бельгии, г-на Сметса) были «за». См.: «Report of the Subcommittee on Instability of Employment», International Labour Organization, Rome, March 16–25, 1949, p. 6, *Housing 1*, and «Proposed Resolution Concerning the Establishment of an International Institute for Building Loans», International Labour Organization, Rome, March 25, 1949, *Housing 1*. В случае Италии, например, делегат от Всеобщей итальянской конфедерации труда (большинство руководителей и членов которой голосовало за коммунистическую партию) г-н Агостини возражал не только против этого предложения, но и против всего доклада, а делегат от Федерации свободных рабочих Италии (большинство членов которой были католиками) г-н Де Катерини одобрил как доклад, так и предложение.

27. «Resolution Concerning the Establishment of an International Institute for Building Loans», International Labour Organization, Rome, March 25, 1949; David A. Morse to Eugene R. Black, August 12, 1949, *Housing 1*.

28. *Articles of Agreement*, Article I (i).

29. “An International Institute for Building Loans,” Svend Andersen, Economic Department, General Studies, August 26, 1949, *Housing 1*.

30. «An International Institute for Building Loans», Svend Andersen, Economic Department, General Studies, August 26, 1949, *Housing 1*.

31. «An International Institute for Building Loans», Svend Andersen, Economic Department, General Studies, August 26, 1949, *Housing 1*.

32. «An International Institute for Building Loans», Svend Andersen, Economic Department, General Studies, August 26, 1949, *Housing 1*.

33. *Articles of Agreement*, Article IV, Section 3 (c).

34. «ILO – Proposal for an International Institute for Building Loans», Svend Andersen to Leonard B. Rist, August 25, 1949, *Housing 1*.

35. «Conversation with ILO Staff in Geneva Relating to the Suggested Creation, under the Control of IBRD, of an International Institute for Building Loans», Walter Hill to Robert L. Garner, Report H 105, Paris, October 17, 1949, *Housing 1*.

36. Например, Международный кредитный строительный банк, созданный Международной федерацией строительных организаций – работодателей и строительных подрядчиков в октябре 1951 года; Европейский институт кредитов на жилищное строительство, созданный Консультативной ассамблеей Совета Европы в декабре 1951 года; доклад Европейской экономической комиссии ООН о методах и приемах финансирования жилищного строительства в различных европейских странах, вызвавший интерес

со стороны двух других региональных экономических комиссий ООН – Экономической комиссии для Латинской Америки (ЭКЛА) и Экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ); см.: Ernest Weissmann to Davidson Sommers, January 9, 1952, *Housing 1*.

37. См. напр.: Walter Hill to Leonard B. Rist, January 17, 1951, *Housing 1*.

38. Eugene R. Black to David A. Morse, December 13, 1949, *Housing 1*.

39. «Financing of Housing», Richard H. Demuth, May 22, 1952, *Housing 1*.

40. A. S. G. Hoar to Jacob L. Crane, April 21, 1952, *Housing 1*.

41. A. S. G. Hoar to Jacob L. Crane, April 21, 1952, *Housing 1*.

42. Paul Rosenstein-Rodan, oral history interview, August 14, 1961, p. 14, *Oral Hist. 44*.

43. Paul Rosenstein-Rodan, oral history interview, August 14, 1961, p. 13, *Oral Hist. 44*.

44. Аноним, процитированный в Mason and Asher (1973, p. 78).

45. «Memorandum on Full Employment», Lauchlin B. Currie to Franklin D. Roosevelt, March 18, 1940, Franklin D. Roosevelt Presidential Library, Hyde Park, New York, цит. по: Barber (1996, p. 130). По этой причине Карри считали первопроходцем в этой сфере многие экономисты, которые в 1960–1970-х годах отошли от идеи развития как максимизации экономического роста и обратились к концепции, включающей в себя такие социальные параметры, как «основные потребности» или политические меры, направленные на перераспределение богатства. Пол Стритен, редактор журнала *World Development*, попросил Карри рассказать о его первопроходческих годах. Интересно, что в статье Карри в *World Development* концепция «основных потребностей» получила гораздо менее восторженную оценку, чем во многих публикациях, поддерживавшихся Стритеном (Currie 1978 с).

46. Цит. по: Currie (1981, p. 61).

47. Высказывание Бёрка Дж. Нэппа, сделанное в 1960 году. Цит. по: Kapur, Lewis, and Webb (1997, p. 167). Заявление Анн Сальда (Salda 1997), согласно которому деятельность Банка, связанная с водными ресурсами, началась в 1950-х годах, недостаточно подтверждается фактами. Пример Колумбии, наряду с другими, опровергает его.

48. Цит. По: Oliver (1995, p. 41).

49. Robert L. Garner to Emilio Toro, April 21, 1953, *LBCP*.

50. Цит. по: Kraske (1996, p. 60).

51. Table 7–1, *World Bank Loans and IDA Credits by Fiscal Years through June 30, 1971*, цит. по: Mason and Asher (1973, p. 192).

52. Table 7–8, *Flow of World Bank Funds, by Type of Flow and Country Group, Fiscal Years 1947–70*, цит. по: Mason and Asher (1973, p. 219).

53. «Memorandum – Organization of Research Department», Leonard B. Rist to Harold D. Smith, October 3, 1946, *Org. Econ. Dept.*; «Elaboration of a Project of Statistic Documentation», J. Torfs to Mr. Rist, October 22, 1946, *Org. Econ. Dept.*

54. «Research Department – Loan Department Meeting», Martin M. Rosen to Files, July 17, 1947, *Org. Econ. Dept.*; «Research Department – Loan Department Meeting», Martin M. Rosen to Files, July 22, 1947, *Org. Econ. Dept.*

55. «Suggested Relationship Between the Loan Department and the Research Department of the IBRD», October 1, 1947, *Org. Econ. Dept.*; «Proposed division of work between the Loan and the Research Departments», Walter Hill to Mr. R. L. Garner, October 14, 1947, *Org. Econ. Dept.*

56. «Demarcation Between Loan and Research», Loan Dept., December 4, 1947, *Org. Econ. Dept.*

57. «Collaboration Between Loan and Research Departments», Loan Department, December 22, 1947, *Org. Econ. Dept.*

58. «Demarcation Between Loan and Research», Loan Dept., December 4, 1947, *Org. Econ. Dept.* (курсив в оригинале).

59. «Economic (Research) and Loan Departments», Leonard B. Rist, March 11, 1948, *Org. Econ. Dept.*

60. Oral history interview, Leonard Rist, July 19, 1961, p. 16, *Oral Hist. 44.*

61. «Role of the Economic Department in Supplying Information to the Bank», P.N. Rosenstein-Rodan to All Division and Section Heads, Economic Dept., August 20, 1948, *Org. Econ. Dept.*

62. Это попытка сделать в 1950–1952 годах Бёрк Нэпп, который в декабре 1949 года был назначен заместителем директора Экономического департамента, чтобы работать вместе с Розенштейном-Роданом. См.: «For the Press», December 5, 1949, *Org. Econ. Dept.*. Нэпп пытался сохранить функции своего департамента, уменьшив при этом роль Розенштейна-Родана и курируемой им группы, которая занималась «специальными исследованиями». См.: «Office Memorandum – Economic Department Organization», Donald D. Fowler to Files, February 21, 1950, *Org. Econ. Dept.*; «Organization and Staffing Requirements of the Economic Department», Mr. J. Burke Knapp to Messrs. Black and Garner, March 6, 1950, *Org. Econ. Dept.*; «Wider Distribution by the Bank of economic Information», J. Burke Knapp to Mr. R. L. Garner, October 18, 1950, *Org. Econ. Dept.*

63. «Report of a Committee on Bank Organization», International Bank for Reconstruction and Development, March 28, 1952, p. 4, *Org. Econ. Dept.*

64. «Report of a Committee on Bank Organization», International Bank for Reconstruction and Development, March 28, 1952, p. 10, *Org. Econ. Dept.*

65. «Report of a Committee on Bank Organization», International Bank for Reconstruction and Development, March 28, 1952, p. 11, *Org. Econ. Dept.*

66. «Report of a Committee on Bank Organization», International Bank for Reconstruction and Development, March 28, 1952, p. 7, *Org. Econ. Dept.*

67. Oral history interview, Leonard Rist, July 19, 1961, pp. 59–60, *Oral Hist. 44.*

68. «Administrative Circular», International Bank for Reconstruction and Development, September 5, 1952, *Org. Econ. Dept.*

69. «Office Memorandum – Proposed Reorganization of the Bank», A. S. G. Hoar to Mr. R. L. Garner, March 28, 1952, *Org. Econ. Dept.*

70. John H. Williams, «International Bank for Reconstruction and Development», an unpublished paper presented at the Fourth Maxwell Institute on the United Nations, Bretton Woods (August 27 to September 1, 1967), цит. по: Mason and Asher (1973, p. 76).

71. Oral history interview, Leonard Rist, July 19, 1961, p. 60, *Oral Hist. 44.*

72. Oral history interview, Leonard Rist, July 19, 1961, p. 19, *Oral Hist. 44.*

73. Oral history interview, Robert L. Garner, July 19, 1961, p. 98, *Oral Hist. 44.*

74. Цит. по: Карур, Lewis, and Webb (1997, p. 130).

75. Роль, которую Нэпп играл с 29 октября 1947 года. «Acting Assistant Director», Director, Research Department to All Members of the Research Department, 29 October 1947, *Org. Econ. Dept.*; «Office Memorandum – Economic Department – Organization», Donald D. Fowler to Mr. C. G. Parker, March 6, 1950, *Org. Econ. Dept.*

76. Oliver (1975, p. 272).

77. Сто миллионов долларов США из почти 4 млрд за период с 1948 по 1961 год (Карур, Lewis, and Webb, 1997, p. 86, табл. 3–1). По-видимому, эта сумма занижает количество проектов, относящихся к сельскохозяйственному сектору, в общем объеме. Необходимо учесть, что количество займов на сельское хозяйство было небольшим, по сравнению с другими отраслями. Таким образом, $\frac{1}{5}$ общего количества кредитов за первые 10 лет работы Банка была предоставлена на нужды сельского хозяйства (Карур, Lewis, and Webb, 1997 г., p. 111).

78. Цит. по: Карур, Lewis, and Webb (1997, p. 118).

79. Блэк создал Департамент маркетинга, который располагался в Нью-Йорке и существовал до 1963 года, в качестве привилегированного канала коммуникаций с инвесторами (Kapur, Lewis, and Webb, 1997, p. 89).

80. Например, кредит, предоставленный Ирану в 1956 году, не имел надлежащих гарантий, и руководство Банка (особенно Блэк) не было убеждено в его целесообразности, однако под давлением американской администрации он был предоставлен. Этот случай подробно описан в Kapur, Lewis, and Webb (1997, pp. 104–105).

ВЫВОДЫ

1. Leonard Rist, oral history interview, July 19, 1961, p. 17, Oral Hist. 44.
2. Рассмотрение результатов президентства Макнамары, хотя и является очень интересной темой, выходит за рамки данного исследования.
3. См. в частности: Streeten et al. (1981).

Библиография

- Abel, Christopher, and Marco Palacios. 1991. "Colombia, 1930–58." In *The Cambridge History of Latin America*, vol. 8. Cambridge: Cambridge University Press.
- Alacevich, Michele, and Andrea Costa. Forthcoming. "Developing Cities: Between Economic and Urban Policies in Latin America After World War II." In Richard Arena, Sheila Dow, and Matthias Klaes (eds.), *Open Economics*. London: Routledge, 2009.
- Alacevich, Michele. 2009. "The World Bank's Early Reflections on Development. A Development Institution or a Bank?" *Review of Political Economy*, Vol. 21, n. 2 (April), pp. 227–244
- Asso, Pier Francesco, and Marcello De Cecco. 1987. "Introduzione." In Albert O. Hirschman, *Potenza nazionale e commercio estero: Gli Anni trenta, l'Italia e la ricostruzione*. Bologna, Italy: Il Mulino. [Original edition: Albert O. Hirschman. 1945 (extended edition 1980). *National Power and the Structure of Foreign Trade*. Berkeley, Calif.: University of California Press.]
- Asso, Pier Francesco, and Luca Fiorito. 2009. "A Scholar in Action in Interwar America: John H. Williams' Contributions to Trade Theory and International Monetary Reform." In Robert Leeson (ed.), *Archival Insights into the Evolution of Economics*. Vol. 3, *American Power and Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.
- Barber, William J. 1996. *Designs Within Disorder: Franklin D. Roosevelt, the Economists, and the Shaping of American Economic Policy, 1933–1945*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bardhan, Pranab. 1993. "Economics of Development and the Development of Economics." *Journal of Economic Perspectives* 7 (spring): 129–142.
- Becker, William H., and William M. McClenahan, Jr. 2003. *The Market, the State, and the Export-Import Bank of the United States, 1934–2000*. New York: Cambridge University Press.
- Bhagwati, Jagdish. 2004. *In Defense of Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Bird, Kai, 1992. *The Chairman: John McCloy. The Making of the American Establishment*. New York: Simon and Schuster.
- Boughton, James. 2001. "The Case Against Harry Dexter White: Still Not Proven." *History of Political Economy* 2 (33): 219–239.
- Brecher, Michael. 1959. *Nehru: A Political Biography*. London: Oxford University Press.
- Canfora, Luciano. 2004. *Giulio Cesare: Il dittatore democratico*. Rome and Bari, Italy: Laterza.
- Casetta, Giovanni. 1991. *Colombia e Venezuela: Il progresso negato (1870–1990)*. Florence, Italy: Giunti.
- Chabod, Federico. [1961] 1989. *Storia dell'idea d'Europa*. 9th ed. Rome and Bari, Italy: Laterza.
- Chandler, Alfred D., Jr. 1970. "Comment." In Ralph L. Andreano (ed.), *The New Economic History: Recent Papers on Methodology*. New York: John Wiley and Sons.
- Chandra, Ramesh, and Roger J. Sandilands. 2005. "Does Modern Endogenous Growth Theory Adequately Represent Allyn Young?" *Cambridge Journal of Economics* 29 (3): 463–473.
- Chenery, Hollis B., Montek S. Ahluwalia, C. L. G. Bell, John H. Duloy, and Richard Jolly. 1974. *Redistribution with Growth*. London: Oxford University Press for the World Bank.
- Consejo Nacional de Planificación. 1954. *Plan de fomento para el Atlántico*. Barranquilla, Colombia: Emprinta Departamental.
- Currie, Lauchlin B. 1934. *The Supply and Control of Money in the United States*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

- . 1950. "Some Prerequisites for Success of the Point Four Program." Address before the American Academy of Political and Social Sciences, Bellevue Stratford Hotel, Philadelphia, Pa., on April 15, 1950. Mimeo, published in *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences* 270 (July 1950): 102–109.
- . 1972. "Discussion." *American Economic Review Papers and Proceedings* 62 (1–2): 139–141.
- . 1974. "The 'Leading Sector' Model of Growth in Developing Countries." *Journal of Economic Studies* 1 (1): 1–16.
- . 1978a. "Comments on Pump Priming (Circa February–March 1935)." *History of Political Economy* 10 (4): 525–533.
- . 1978b. "Comments and Observations." *History of Political Economy* 10 (4): 541–548.
- . 1978c. "The Objectives of Development." *World Development* 6 (1): 1–10.
- . 1979. "A Talk by Lauchlin Currie: Hotel Tequendama." Mimeo, August 31, 1979.
- . 1981. *The Role of Economic Advisers in Developing Countries*. Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Currie, Lauchlin B., and Martin Krost. 1978. "Federal Income-Increasing Expenditures, 1932–1935 (Circa November 1935)." *History of Political Economy* 10 (4): 534–540.
- Dasgupta, Amiya Kumar. 1965. *Planning and Economic Growth*. London: George Allen & Unwin.
- . 1985. *Epochs of Economic Theory*. Oxford: Basil Blackwell.
- David, Paul A. 1985. "Clio and the Economics of QWERTY." *American Economic Review. Papers and Proceedings* 75 (2): 332–337.
- Duesenberry, James S. 1949. *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Easterly, William. 2002. *The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Echeverri Cortés, Carlos. 1951. "La Agricultura Tiene Necesidad de Aumento del Crédito Bancario." *El Siglo* (Bogotá, Colombia), January 2, 1951, No. 5.342.
- Economic Commission for Latin America (ECLA). 1950. *The Economic Development for Latin America and Its Principal Problems*. Lake Success, N.Y.: United Nations Department of Economic Affairs.
- Galambos, Louis, and David Milobsky. 1995a. "Organizing and Reorganizing the World Bank, 1946–1972: A Comparative Perspective." *Business History Review* 69 (summer): 156–190.
- . 1995b. "The McNamara Bank and Its Legacy: 1968–1987." *Business and Economic History* 24 (winter): 167–195.
- Galbraith, John K. 1958. "Rival Economic Theories in India." *Foreign Affairs* 36 (4): 587–96.
- . 1971. "How Keynes Came to America." In *Economics, Peace and Laughter: A Contemporary Guide*. Boston: Houghton Mifflin.
- Gardner, Richard N. [1956] 1969. *Sterling-Dollar Diplomacy*. New York: McGraw-Hill.
- Garner, Robert L. 1972. *This Is the Way It Was with Robert L. Garner*. Chevy Chase, Md.: Chevy Chase Printing.
- Gerschenkron, Alexander. 1962. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Ginzburg, Andrea. 1983. "Introduzione." In Albert O. Hirschman, *Ascesa e declino dell'economia dello sviluppo e altri saggi*. Turin, Italy: Rosenberg and Sellier.
- Granovetter, Mark. 1990. "Interview." In Richard Swedberg, *Economics and Sociology*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Haralz, Jonas. 1997. "The International Finance Corporation." In Devesh Kapur, John P. Lewis, and Richard C. Webb, *The World Bank: Its First Half Century*, vol. 1. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

- Harrod, Roy F. 1951. *The Life of John Maynard Keynes*. London: Macmillan.
- Hirschman, Albert O. [1958] 1963. *The Strategy of Economic Development*. 4th ed. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- . 1968. *Journeys Toward Progress: Studies of Economic Policy-Making in Latin America*. New York: Greenwood Press.
- . [1954] 1971a. "Economics and Investment Planning: Reflections Based on Experience in Colombia." In *A Bias for Hope: Essays on Development and Latin America*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- . [1968] 1971b. "Foreign Aid: A Critique and a Proposal." In *A Bias for Hope: Essays on Development and Latin America*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- . [1965] 1971c. "Obstacles to Development: A Classification and a Quasi Vanishing Act." In *A Bias for Hope: Essays on Development and Latin America*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- . 1981a. "The Rise and Decline of Development Economics." In *Essays in Trespassing: Economics to Politics and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . [1977] 1981b. "A Generalized Linkage Approach to Development, with Special Reference to Staples." In *Essays in Trespassing: Economics to Politics and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press. [Originally published in *Economic Development and Cultural Change* 25(1977): 67–98.]
- . [1979] 1981c. "The Turn to Authoritarianism in Latin America and the Search for Its Economic Determinants." In *Essays in Trespassing: Economics to Politics and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press. [Originally published in David Collier (ed.). 1979. *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, pp. 61–98.]
- . 1984. "A Dissenter's Confession: Revisiting the Strategy of Economic Development." In Gerald M. Meier and Dudley Seers (eds.), *Pioneers in Development*. Washington, D.C.: The World Bank.
- . [1980] 1986. "In Defence of Possibilism." In *Rival Views of Market Society and Other Recent Essays*. New York: Elizabeth Sifton Books–Viking.
- . 1991. *The Rhetoric of Reaction: Perversity, Futility, Jeopardy*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press.
- . [1989] 1995. "How the Keynesian Revolution Was Exported from the United States." In *A Propensity to Self-Subversion*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. [Originally published in Peter A. Hall (ed.). 1989. *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism Across Nations*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, pp. 347–359.]
- . [1994] 1998. "Trespassing: Places and Ideas in the Course of a Life." In *Crossing Boundaries: Selected Writings*. New York: Zone Books. [Originally published in Italy as *Passaggi di frontiera. I luoghi e le idee di un percorso di vita*. Rome: Donzelli, 1994.]
- Hirschman, Albert O., and Gorge Kalmanoff. 1955. *Colombia: Highlights of a Developing Economy*. Bogotá, Colombia: Banco de la Republica Press.
- Hodgson, Geoffrey M. 2001. *How Economics Forgot History: The Problem of Historical Specificity in Social Science*. New York: Routledge.
- Horsefield, J. Keith. 1969. *The International Monetary Fund, 1945–1965: Twenty Years of International Cooperation*. Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- International Bank for Reconstruction and Development (IBRD). 1948. *Third Annual Report to the Board of Governors, 1947–1948*. Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1949. *Fourth Annual Report to the Board of Governors, 1948–1949*. Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development.

- . 1950a. *The Basis of a Development Program for Colombia: Report of a Mission Headed by Lauchlin Currie, and Sponsored by the International Bank for Reconstruction and Development in Collaboration with the Government of Colombia*. Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1950b. *The Basis of a Development Program for Colombia: Report of a Mission. The Summary*. Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1950c. *Fifth Annual Report to the Board of Governors, 1949–1950*. Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1951. *Report on Cuba: Findings and Recommendations of an Economic and Technical Mission Organized by the International Bank for Reconstruction and Development in Collaboration with the Government of Cuba in 1950*. Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1952a. *Seventh Annual Report to the Board of Governors, 1951–1952*. Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1952b. *The Economic Development of Jamaica*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press for the International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1953. *The Economic Development of Nicaragua*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press for the International Bank for Reconstruction and Development.
- . 1954. *The International Bank for Reconstruction and Development, 1946–1953*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press for the International Bank for Reconstruction and Development. International Labour Organization (ILO). 1976. *Employment, Growth and Basic Needs: A One-World Problem*. Geneva, Switzerland: International Labour Organization.
- . 1977. *Meeting Basic Needs: Strategies for Eradicating Mass Poverty and Unemployment*. Geneva, Switzerland: International Labour Organization.
- Jones, Byrd L. 1972. “The Role of Keynesians in War time Policy and Post-war Planning, 1940–1946.” *American Economic Review Papers and Proceedings* 62 (1–2): 125–133.
- . 1978. “Lauchlin Currie, Pump Priming, and New Deal Fiscal Policy, 1934–1936.” *History of Political Economy* 10 (4): 509–524.
- Kamarck, Andrew M. 1995. “Foreword.” In Robert W. Oliver, *George Woods and the World Bank*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers.
- Kapur, Devesh, John P. Lewis, and Richard C. Webb. 1997. *The World Bank: Its First Half Century*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Kindleberger, Charles P. 1991. “Review of the Life and Political Economy of Lauchlin Currie: New Dealer, Presidential Adviser, and Development Economist, by Roger Sandilands.” *Journal of Political Economy* 99 (5): 1119–1122.
- Kraske, Jochen. 1996. *Bankers with a Mission: The Presidents of the World Bank, 1946–1991*. Oxford: Oxford University Press.
- Krugman, Paul. 1993. “Toward a Counter-Counterrevolution in Development Theory.” In Lawrence H. Summers and Shekhar Shah (eds.), *Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economics 1992*. Washington, D.C.: The World Bank.
- Laidler, David, and Roger Sandilands. 2002a. “An Early Harvard Memorandum on Anti-Depression Policies: An Introductory Note.” *History of Political Economy* 34 (3): 515–532.
- . (eds.). 2002b. “Memorandum Prepared by L. B. Currie, P. T. Ellsworth, and H. D. White (Cambridge, Mass., January 1932).” *History of Political Economy* 34(3): 533–552.
- Leijonhufvud, Axel. [1973] 1981. “Life Among the Econ.” In *Information and Coordination: Essays in Macroeconomic Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lewis, William Arthur. 1954. “Economic Development with Unlimited Supply of Labour.” *Manchester School of Economic and Social Studies* 22 (May): 139–191.

- Liebowitz, Stan J., and Stephen E. Margolis. 1995. "Path Dependence, Lock-in and History." *Journal of Law, Economics and Organization* 11 (1): 205–226.
- . 1998. "Path Dependence." Entry in *The New Palgrave's Dictionary of Economics and the Law*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1998.
- Maier, Charles S. 1977. "The Politics of Productivity: Foundations of American International Economic Policy After World War II." *International Organization* 31 (4): 607–33.
- Mason, Edward S. 1982. "The Harvard Department of Economics from the Beginning to World War II." *Quarterly Journal of Economics* 97 (3): 383–433.
- Mason, Edward S., and Robert E. Asher. 1973. *The World Bank Since Bretton Woods*. Washington, D.C.: The Brookings Institution.
- Meade, James. 1952. "External Economies and Diseconomies in a Competitive Situation." *Economic Journal* 62 (245): 54–67.
- Meier, Gerald M., and Dudley Seers (eds.). 1984. *Pioneers in Development*. Washington, D.C.: The World Bank.
- Merton, Robert K. 1965. *On the Shoulders of Giants*. New York: The Free Press.
- . [1957] 1973a. "Priorities in Scientific Discovery." In *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. [Originally published in *American Sociological Review* 22 (December 1957): 635–659.]
- . [1961] 1973b. "Social Conflict over Styles of Sociological Work." In *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. [Originally published in Fourth World Congress of Sociology, 1961. *Transactions*, vol. 3. Louvain, Belgium: International Sociological Association, pp. 21–46.]
- Moore, Frederick T. 1960. "The World Bank and Its Economic Missions." *Review of Economics and Statistics* 42 (February): 81–93.
- Morse, David A. 1971. "The Employment Problem in Developing Countries." In Ronald Robinson and Peter Johnston (eds.), *Prospects for Employment Opportunities in the Nineteen Seventies: Papers and Impressions of the Seventh Cambridge Conference on Development Problems, 13th to 24th September 1970 at Jesus College, Cambridge*. London: Foreign and Commonwealth Office, Overseas Development Administration, Cambridge University Overseas Studies Committee, London, Her Majesty's Stationery Office.
- Myrdal, Gunnar. 1957. *Economic Theory and Under-developed Regions*. London: Gerald Duckworth and Co.
- . 1968. *Asian Drama. An Inquiry into the Poverty of Nations*, vol. 1. New York: Twentieth Century Fund.
- Nurkse, Ragnar. 1952. "Some International Aspects of the Problem of Economic Development." *American Economic Review. Papers and Proceedings* 42 (May): 571–583.
- . [1953] 1962. *Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries*. 3rd ed. Oxford: Basil Blackwell and Mott Ltd. Oliver, Robert W. 1975. *International Economic Co-operation and the World Bank*. London: Macmillan.
- . 1990. "Interview by Loma Karklins." California Institute of Technology, Oral History Project, Caltech Archives, Pasadena, Calif.
- . 1995. *George Woods and the World Bank*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers.
- Oman, Charles P., and Ganeshan Wignaraja. 1991. *The Postwar Evolution of Development Thinking*. Paris: Organisation for Economic Co-Operation and Development.
- Rosenstein-Rodan, Paul N. 1943. "Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe." *Economic Journal* 53 (209): 202–211.

- . 1957. “Notes on the Theory of the *Big Push*.” In Howard S. Ellis (ed.), *Economic Development for Latin America: Proceedings of a Conference Held by the International Economic Association*. London: Macmillan, 1961.
- . 1984. “Natura Facit Saltum: Analysis of the Disequilibrium Growth Process” In Gerald M. Meier and Dudley Seers (eds.), *Pioneers in Development*. Washington, D.C.: The World Bank.
- Rostow, Walt W. [1960] 1990. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rutherford, Malcolm. 1994. *Institutions in Economics: The Old and the New Institutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Salda, Anne C. M. 1997. *Historical Dictionary of the World Bank*. Lanham, Md.: Scarecrow Press.
- Sandilands, Roger. 1990. *The Life and Political Economy of Lauchlin Currie: New Dealer, Presidential Adviser, and Development Economist*. Durham, N.C.: Duke University Press.
- . 2000. “Guilt by Association? Lauchlin Currie’s Alleged Involvement with Washington Economists in Soviet Espionage.” *History of Political Economy* 32 (3): 473–515.
- . 2004. “New Light on Lauchlin Currie’s Monetary Economics in the New Deal and Beyond.” *Journal of Economic Studies* 31 (3/4): 171–193.
- . 2009. “An Archival Case Study: Revisiting *The Life and Political Economy of Lauchlin Currie*.” In Robert Leeson (ed.), *Archival Insights into the Evolution of Economics*. Vol. 3, *American Power and Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.
- Sandilands, Roger, and David Laidler. 2002. “An Early Harvard Memorandum on Anti-Depression Policies: An Introductory Note.” *History of Political Economy* 34 (fall): 515–552.
- Sapelli, Giulio. 1990. “L’impresa come soggetto storico e come istituzione: competizione e nuova sovranità.” In Giulio Sapelli (ed.), *L’impresa come soggetto storico*. Milan, Italy: Saggiatore.
- Scitovsky, Tibor. 1954. “Two Concepts of External Economies.” *Journal of Political Economy* 62 (April): 143–151.
- . 1959. “Growth—Balanced or Unbalanced?” In M. Abramovitz (ed.), *The Allocation of Economic Resources*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Sen, Amartya K. 1960. “Review of *The Strategy of Economic Development*, by A. O. Hirschman; *The Struggle for a Higher Standard of Living: The Problems of the Underdeveloped Countries*, by W. Brand; and *Public Enterprise and Economic Development*, by A. H. Hanson.” *Economic Journal* 70 (September): 590–594.
- Singer, Hans W. 1965. “Social Development: Key Growth Sector.” *International Development Review* 7 (1): 3–8.
- Spengler, Joseph J. 1954. “IBRD Mission Economic Growth Theory.” *American Economic Review. Papers and Proceedings* 44 (2): 583–599.
- Streeten, Paul P. 1959. “Unbalanced Growth.” *Oxford Economic Papers* 11 (2): 167–190.
- Streeten, Paul P., Shahid J. Burki, Mahbub ul Haq, Norman Hicks, and Frances Stewart. 1981. *First Things First*. London: Oxford University Press.
- Sweezy, Alan. 1972. “The Keynesians and Government Policy, 1933–1939.” *American Economic Review. Papers and Proceedings* 62 (1–2): 116–124.
- Torres G., Carlos L. 1998. “Una aproximación al carácter de la novela urbana: el caso de la ciudad de Bogotá.” *Espéculo—Revista Electrónica Cuatrimestral de Estudios Literarios*, Facultad de Ciencias de la Información, Universidad
- Complutense de Madrid, 9 (July–November):1998. Available at http://www.ucm.es/OTROS/especulo/numero9/n_urbana.htm.
- Yépez, Freddy. 1994. *Crónicas: Guerra y Paz en Colombia*. Mérida, Venezuela: Universidad de Los Andes/Ediciones del Rectorado.

Алачевич, Микеле

Ал 45 Политическая экономия Всемирного банка: начальный период / Микеле Алачевич; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2012. – 192 с.

ISBN 978-5-7777-0512-9

Книга «Политическая экономия Всемирного банка: начальный период» – захватывающее исследование из области экономической истории. В ней описывается ключевой период для экономики развития: рождение «третьего мира», возникновение экономики развития как научной дисциплины и формирование роли Всемирного банка в сфере развития. Используя ранее недоступные архивные материалы, автор подробно останавливается на том времени, когда внимание Всемирного банка обратилось от реконструкции к развитию. Он рассматривает «Миссию Карри» в Колумбию – первую исследовательскую миссию общего характера, организованную Всемирным банком в развивающейся стране – как отправную точку для анализа многообразного участия Всемирного банка в экономическом и социальном развитии беднейших государств. Его исследование – это анализ конкретной ситуации, который помогает читателю ответить на фундаментальные вопросы развития, отнюдь не потерявшие актуальности и сегодня.

Книга представит интерес для всех, кто интересуется экономической историей как средством осмысления современных проблем развития.

УДК 330.8:339.732.4
ББК 65.02+65.268

МИКЕЛЕ АЛАЧЕВИЧ

Политическая экономия Всемирного банка: начальный период

Редактор: *Бондаренко А.В.*

Корректор: *Феоктистова Е.В.*

Руководитель производственного отдела: *Кузнецова Н.А.*

Верстка: *Чернышева М.Е.*

Подписано в печать 31.05.2012 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 1000 экз.

Изд. № 03/12-и. Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»

125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».

Тел./факс: (495) 276-02-92

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ЗАО «Новые печатные технологии»

Тел.: 223 92 00

e-mail: n.chudaeva@web2books.ru

«Специалисты по организации управления, политологи и экономисты найдут в этой книге много интересного. Алачевич проделал изумительную работу по объяснению проблем корпоративной организации и экономической стратегии. Он живо воссоздает взаимоотношения двух главных героев книги: пожилого мудреца, советника Рузвельта Локлина Карри и блестящего молодого интеллектуала Альберта Хиршмана».

Аксель Лейонхуфвуд, заслуженный профессор Калифорнийского университета (США) и Университета Тренто (Италия)

«Книга Алачевича позволяет нам ощутить вкус былых сражений в сфере развития, которые не потеряли смысла и сегодня. Она напоминает нам, что нет ничего абсолютно нового под солнцем. Благодаря манере повествования, одновременно информативной и новаторской, эта книга завоеует широкий круг читателей среди специалистов всех общественных наук».

Сайед Мансуб Мушед, профессор международной экономики Бирмингемского университета (Великобритания), профессор экономики конфликтов и мира Института социальных исследований (Нидерланды)

«Алачевич живо описывает разногласия и борьбу между сотрудниками первой Миссии Всемирного банка в Колумбию. Банку пришлось переориентироваться с послевоенного восстановления на развитие, и перед ним открылись новые горизонты. История этой борьбы рассказана мастерски и захватывает, как хорошо написанный триллер».

Пол П. Стритен, заслуженный профессор Бостонского университета (США)

«Алачевич предлагает нам захватывающий отчет об эволюции кредитных операций Всемирного банка в первые годы его существования и о теории экономического развития, которая определяла его решения. Это исследование проливает яркий свет на процесс изменения приоритетов Всемирного банка и на практический опыт, который формировал мышление некоторых весьма влиятельных экономистов в области развития в начальный период их деятельности».

Роджер Сэндилендс, университет Стратклайд (Великобритания)

Книга «Политическая экономия Всемирного банка: начальный период» – захватывающее исследование из области экономической истории. В ней описывается ключевой период для экономики развития: рождение «третьего мира», возникновение экономики развития как научной дисциплины и формирование роли Всемирного банка в сфере развития.

Используя ранее недоступные архивные материалы, Микеле Алачевич подробно останавливается на том времени, когда внимание Всемирного банка обратилось от реконструкции к развитию. Он рассматривает «Миссию Карри» в Колумбию – первую исследовательскую миссию общего характера, организованную Всемирным банком в развивающейся стране – как отправную точку для анализа многообразного участия Всемирного банка в экономическом и социальном развитии беднейших государств. Его исследование – это анализ конкретной ситуации, который помогает читателю ответить на фундаментальные вопросы развития, отнюдь не потерявшие актуальности и сегодня.

МИКЕЛЕ АЛАЧЕВИЧ – помощник директора по исследовательской работе Центра гуманитарных наук Хэймана в Колумбийском университете (США). Он опубликовал значительное число работ по истории международных экономических отношений, а также по вопросам концепций и институтов развития.

Фото на обложке: Всемирный банк

www.vesmirbooks.ru

ISBN 978-5-7777-0512-9

9 785777 705129